

Галя Тышкунова

Довольна своей деревней,
своей судьбой,

своим временем —

временем действий.

(«Место в президиуме», стр. 2—5.)

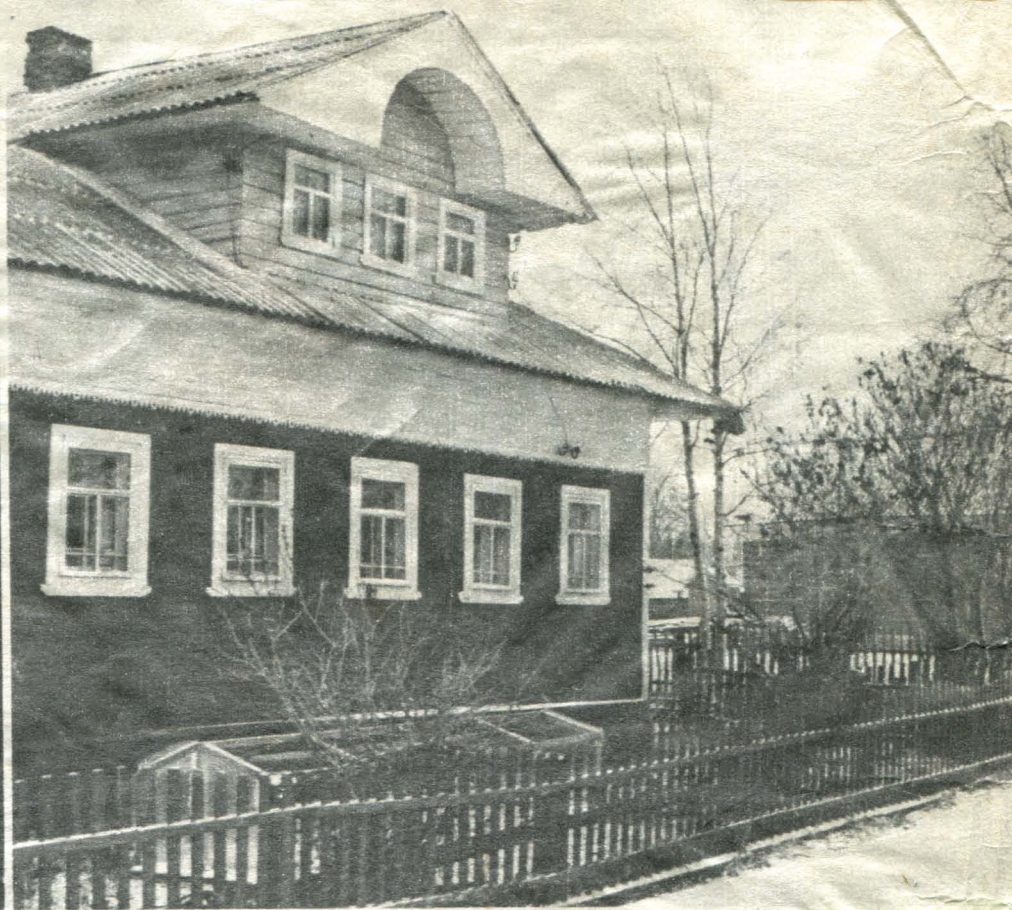
2.87

ISSN 0130—2647

КРЕСТЬЯНКА

58-11

Год назад XXVII съезд партии поставил перед страной задачи огромного масштаба и новизны. Суть перемен точнее всего определило слово «перестройка». Каждый должен начать ее с себя. Коммунисты — первые, ибо, как сказано в Политическом докладе ЦК КПСС, «партия коммунистов — партия единства слова и дела». На этом стоит ее авторитет.

Я спрашивала разных людей об одном и том же человеке, безусловно уважаемом, и они отвечали каждый свое. Так, партийные работники отмечали общественную активность, сознательность. Хозяйственники хвалили за исполнительность и добросовестность. Те, кто работает рядом, говорили о скромности, доброте, отзывчивости, приветливости. Все вместе отмечали трудолюбие. А речь все время шла об Ольге Михайловне Кирчигиной, доярке племсовхоза имени Ломоносова. Авторитет ее настолько высок и бесспорен, что участвовала Ольга Михайловна как делегат в работе XXVII съезда партии.

Первый раз в жизни была она на съезде. В первый раз на ее памяти шел разговор на таком накале принципиальности, прямоты, деловитости.

— Сколько живу — столько помнить буду. Все, что говорили на съезде, — это мне говорили. Все понятно: что надо делать, как надо работать и жить, — с таким настроением возвращалась она из столицы на родину.

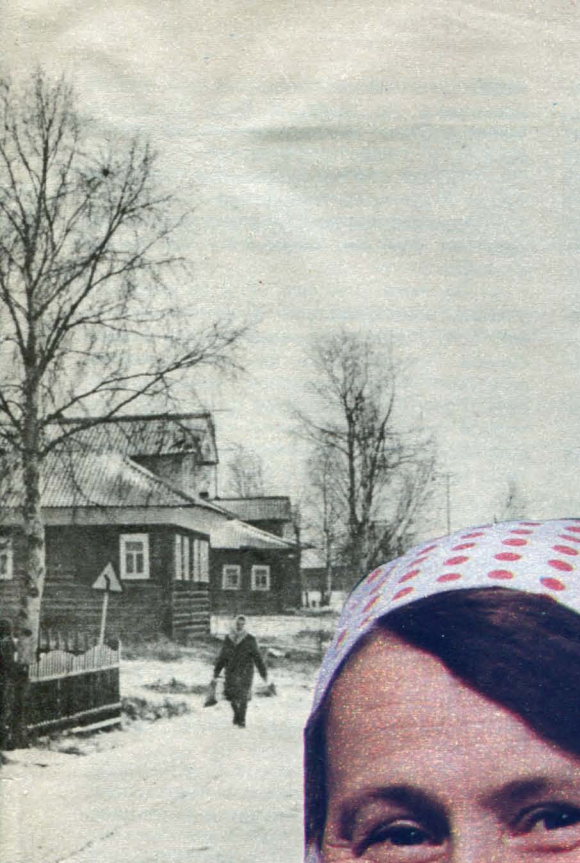
Да, в Кремлевском Дворце съездов ей казалось, что она поняла, как надо работать и жить...

Теперь надо было — именно так жить и работать.

ВО СЛАВУ ХОЛМОГОРКИ. Совхозные постройки видны из окна райкома партии, но попробуй туда доберись. Хозяйство расположилось на Курострове. Две реки — знаменитая Северная Двина и мало кому известная Курополка — омывают этот кусочек суши. Зимой-то, в феврале, еще ничего — на машине по замерзшей реке, а то и пешком. Летом — катером, лодкой, паромом. А в ледоход и ледостав только вертолет соединяет остров с материком: возит молоко и хлеб. Ну и, если у кого какая беда, — тоже вертолет.

В Москве и зима как бы не зима, а тут холода северные, ветры северные и день северный, укороченный, как веками было. Земля бедная — песок. И только то, что делают люди, меняет здесь жизнь, «подключает» Куростров к матерiku, к огромной стране.

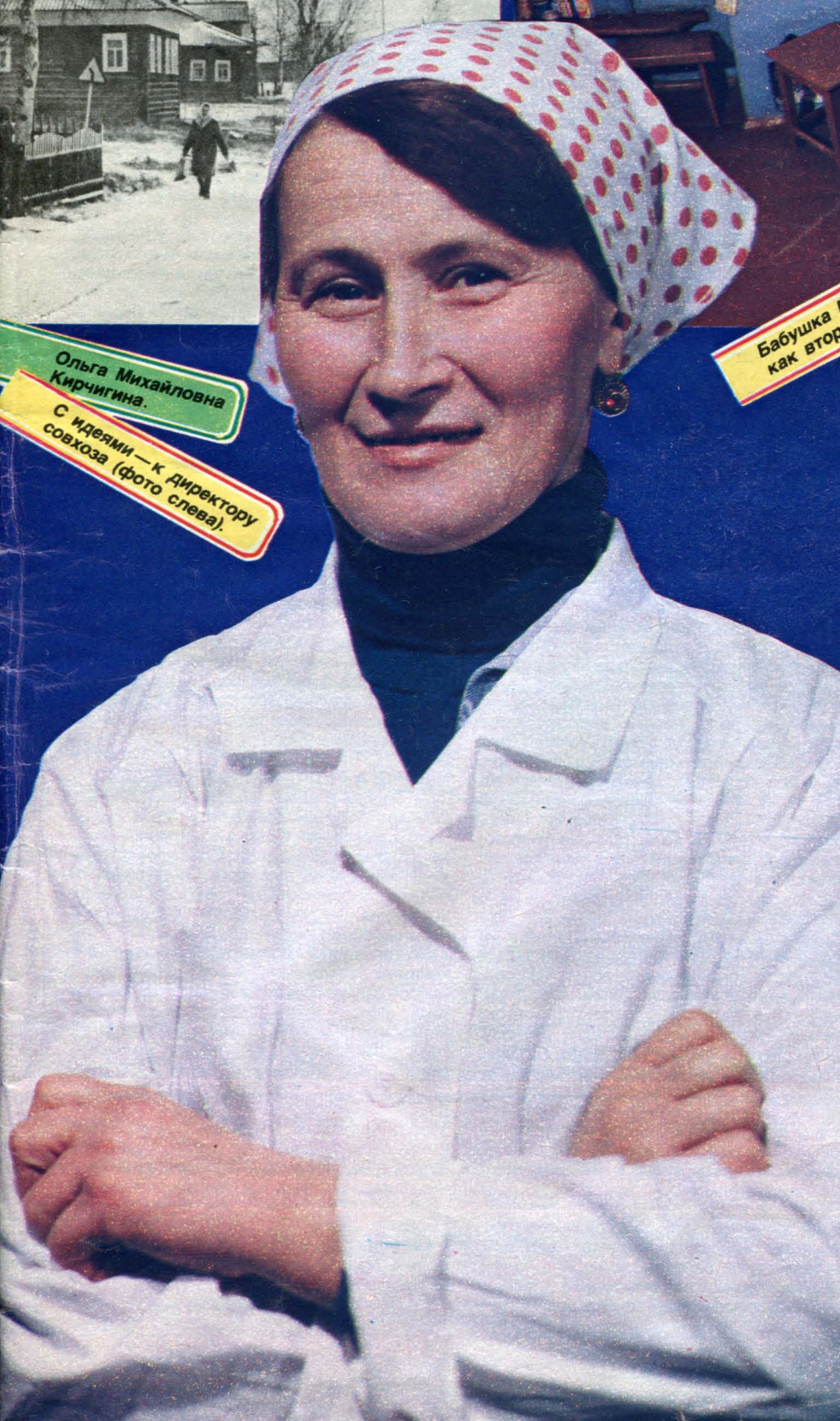
МЕСТО В ПРЕЗИДИУМЕ

Ольга Михайловна Кирчигина.

С идеями — к директору совхоза (фото слева).

Бабушка Борису как вторая мама.

Это была последняя зима, что Кирчигина работала на старой ферме, следующую собиралась встречать уже на комплексе. Там предстояло и дальше доказывать достоинство коров холмогорской породы, которой занимается племенной совхоз. Не просто молоко и мясо дают — улучшают породу.

Ольга Михайловна уважает холмогорку: не капризна, к кормам не привередлива, к погоде терпелива. Добросовестная коровка: недоедать будет, а молоко все равно отдаст. Как говорят доярки, «с тела сдаивает». «Совестливая», — считает Ольга Михайловна.

А вот проявит ли холмогорка свои лучшие качества — это от доярки зависит. На каждую корову заведена родословная от третьего ряда предков. Для доярки подобная родословная — как бы подсобная информация о том, чего можно ждать от коровы и ее потомства. А опыт позволяет эту информацию корректировать. Иногда поправки не в радость, да правду лучше сразу признать правдой.

У Ольги Михайловны была любимица, Звездочка, до семи тысяч килограммов молока в год давала. Так ждала, что принесет любимица телочку. И вот она, Звездочкина дочка. Не в мать удалась: расстояние между ребрами маленькое, пятно на лбу ничего хорошего не сулит. И вымя не то, и ноги. Не быть ей рекордисткой.

В прошлой пятилетке у Ольги Михайловны каждая корова давала в год по 3805 килограммов молока (если брать в среднем) — на полторы тысячи больше, чем получили по области, опять же в среднем.

А вот как нынче будет? Зимой прошлого года, года съезда партии, Ольга Михайловна в тогдашнем ее приподнятом настроении решилась: взяла раздойную группу. Из 37 коров 23 — первотелки. Сил много у них, упрямота тоже, а не знают ничего, не умеют.

Зинаида Степановна Егорова, товарка, и та посочувствовала:

— Ты, Ольга, за этими первотелками, как спортсмен, набегаешься!

У каждой доярки, как правило, есть в группе первотелки — аккуратно так, по двести, ну, четыре-пять в общей численности вкраплены. Так что, чего стоит их к порядку приучить, каждая доярка знает. Потому, наверное, никто, кроме Кирчигиной, на подобное не решился. Но тут ситуация была вот такая: на комплексе, который тогда в Ровдогорском отделении еще только планировали, предполагался раздойный цех. Значит, надо было это дело осваивать. А про Кирчигину известно: она и обычных по своим потенциалам коров может раздойть до класса «элита» и даже «элита-рекорд». Как же она могла не взять молодняк? Что другое она могла сделать для перестройки у себя на ферме? Вот и взяла группу, хотя продуктивность у ее коров, конечно, снизилась. 3700 килограммов получила она от каждой коровы в прошлом году.

Не только на снижение показателей шла Ольга Михайловна, но и — как ни странно — на некоторую потерю в престиже. «Кирчигина, конечно, хорошая доярка, — заговорили тогда, — да есть у нас и другие, у кого показатели не хуже».

Дальше — больше:

— Что уж такого Кирчигина сделала? А вознесли до самой Москвы, выше уж некуда.

Не подруги с фермы так говорили: они Ольгу видят, коров видят. Они понимают — то, что Кирчигина делает, сравнить у них не с чем, не с кем. А те, кто только цифру знает, кто только в президиуме Ольгу Михайловну видит, — те и говорили так. Были, правда, и другие голоса. «О таких, как она, надо во все колокола звонить!» — сказал директор совхоза Альберт Иванович Макаров.

Но и его после съезда удивила Кирчигина, которую он так ценил за безотказность и исполнительность.

Подводили итоги зимовки. Ровдогорские доярки уже в который раз оказались победителями в соревновании. И вновь — опять же в который раз — торжественное собрание, вручение премий и подарков решили провести на центральной усадьбе. Ольга Михайловна сто раз доказывала: это несправедливо. Зачем всякое торжество непременно устраивать в Ломоносове? Победили Ровдогоры — пусть к победителям все едут: они в своем деле «центральные». И то обидно, что бывает праздничная торговля, а победители, главные на празднике, не успевают купить, что хочется. Разбирают, что получше, те, кто живет поближе.

Лично Ольгу Михайловну дефицит не волновал. Ее волновало, почему ровдогорских доярок известили о собрании в последнюю очередь, как бы впопыхах.

И она на подведение итогов не поехала (только трое ровдогорских там было). Отсутствии Кирчигиной сразу же заметили. Тихая женщина Ольга Михайловна, держится скромно, в глаза не бросается, а вот не оказалось ее — и сразу увидели.

Так внесла она поправку в мнение о себе директора: исполнительная, да больше небезотказная. Потому что не чужую волю исполняет — свой долг. Не только утверждает она теперь то, что считает правильным, но и отрицает то, что правильным не признает.

У СЕБЯ ДОМА. Деревня Тряхновская, где живет Ольга Михайловна, даже по масштабам Курострова — на отшибе. Семь дворов всего. Овраг делит деревню на две части. В том «микрорайоне», где дом Кирчигиной, картина такая: одна изба вовсе брошена, в другую хозяева наезжают дачниками, еще в одной живет одинокая женщина. Дом Кирчигиной самый людный: она сама, да

сын Борис, да мать Александра Васильевна.

После ужина, как всегда, каждый занят своим делом. Ольга Михайловна выходная сегодня, убралась, постирала, протопила баню, теперь гладит. В ее движениях та особая удовлетворенность и спокойствие, которые знает каждая хозяйка, успевшая все, что наметила, сделать, и вот — последнее дело. Медленные движения утюга, взмахи простыней и неспешные разговоры — о чем вспомнится. А нет-нет да и вспомнится ей, как хотела когда-то с Курострова уехать, даже и уехала...

Четверо их было, одноклассниц, поступивших в кулинарное училище в Архангельске. С Курострова после десятилетки тогда уезжали почти все.

Город показался Оле шумным, общежитие — скучным и казенным. Люди опытные говорили: надо немного потерпеть, привыкнуть. А зачем? Дома-то и привыкать не надо, и так хорошо... Только и осталось от того увлечения кулинарией — умение делать отличную выпечку. Даже вафли делает Ольга Михайловна.

Тридцать четыре деревни на острове. Есть такие, где нет сегодня ни одного работника, только бабушки. Так могло получиться и с Тряхновской. Если бы Ольга не вернулась, не вышла здесь замуж, не родила сыновей. Их у нее двое. Старший, Сергей, с семьей живет в Северодвинске. Младший — с матерью.

Борис Кирчигин начисто опровергает расхожее мнение, будто «молодежь не та пошла», будто гонится она за легкой жизнью. Во-первых, Борис скорее всего вообще ни за чем гнаться не станет. Не тот характер: человек он обстоятельный и с чувством собственного достоинства. Во-вторых, он умеет и любит работать. Между прочим, в армии Борису предлагали направление на учебу. Но он пожелал вернуться на Куростров и стать трактористом.

Борис, как и мать, и бабушка, не присядет: то снег разметает, то на сеновале что-то ладит. Это у него называется отдых. «Да будет тебе, — уговаривает бабушка, — посиди хоть маленько-то». Где там! Борис уже у порога: обещал матери на ферме помочь. Александре Васильевне и пожаловаться-то некому, что внук все работает да работает, а молодость-то не на век дана... Рассуждая так, она тем временем разматывает шерсть, которую сама пряла, сама и вязать станет — жилет для внука: «В таких-то, самодельных, раньше только по хозяйству хлопотали, а теперь и в гости, и на танцы...» Состояние работы в этом доме — самое привычное состояние.

Может, потому и не было у Ольги проблем с профориентацией после «бегства» из кулинарного училища. Поставили капусту рубить — рубила. Позвали на ферму — тоже дело знакомое. Воспитана была так, что человек должен всякую работу делать, а если не умеешь, то это стыдно. Хороша ли тебе работа, люди хороши ли — тоже спрашивать не полагалось. Ты-то хороша ли, годед ли для дела — вот так с детства приучала мать ставить вопрос. Потому, видимо, и не была для Ольги Михайловны работа никогда в тягость. Встает поутру легко, на дойку бежит легко. И в отношениях с людьми легкой она человек, мягкий. У них в отделении вообще отношения сложились почти родственные. Сами доярки, которые местные, этого и не замечают, заметили новенькие.

Приехали к ним в совхоз пять девушек, трое попали в Ровдогоры. И сразу же — после школы и профтехучилища — ощутили, что такое крестьянская семья.

Еще бригадный подряд только пробовали, на двухсменку еще только собирались

переходить, молокопровод не действовал, комплекса не было, а Вика Порядина, ученица Ольги Михайловны, — и на работу весело, и с работы с улыбкой:

— Ой, как мне здесь нравится, тетя Оля! Такие люди приветливые, такие милые!

— Невеста ты, вот тебе все и нравится. Дай бог, чтоб лет через пять ты так же улыбалась!

— Ой, тетя Оля, все отлично будет!

Одна новенькая уже вышла замуж за местного паренька, свершилась и Викина судьба. Прикрепились приезжие к людям, полюбили Куростров, свои гнезда начали вить. Галя Тышкунова (ее фотография на первой странице обложки) на ферму пришла после школы. И ее трудовые университеты начались рядом с Ольгой Михайловной, у которой учится Галя любви к делу, уверенности в жизни.

А вот Люда Милёшкина уехала. Она вообще заметно отличалась от молодых доярок. Не обликом (все симпатичные, все с модными короткими стрижками). Не одеждой (все в джинсах, как в униформе). Не могла Люда привыкнуть вставать спозаранок. И все-то ей не нравилось: что жилье без удобств, что развлечений мало, что ребята больно скромные — даже подойти не умеют.

Но ведь вот что интересно. Еще не уехав, начала Люда тосковать по Курострову. Места такие красивые, люди такие добрые, никогда не бранятся, не ссорятся. «Это все-таки редкость», — признавала Люда. И утешала себя: «Я буду сюда в отпуск приезжать».

С отпуском определилась — все остальное для Люды, как в тумане. Где жить? Кем быть? С кем быть?.. Ольга Михайловна сомневалась, что Люда уедет: умная же девушка. А раз умная, как не понять: работой укрепляется человек. У Ольги Михайловны муж от неизлечимой болезни умер, старалась выхаживать — не смогла. Потом встретился другой человек, позвал замуж. Улыбалась она тогда, как Вика Порядина. И опять вдовым платком покрылась: погиб муж. Если бы не работа, не подруги, не сыновья — как ей жить?

А она живет так, что Вике, другим молодым дояркам хочется остаться рядом. Сын не смог, не пожелал искать лучшего, чем Куростров. А будут тут люди — к людям все придет. Комплекс построили, потому что доярки есть. Дорогу провели — потому что надо молоко возить.

ДОРОГА ТУДА — ДОРОГА ОБРАТНО.

— То была целая эпопея, — вспоминает Альберт Иванович Макаров. — Меня назначили директором, Ольгу Михайловну избрали депутатом Верховного Совета республики. И взялись мы за дорогу. Где только она о ее необходимости не говорила, в каких инстанциях не доказывала! Ну, а следом я пороги обивал...

Всего-то пять километров выложили бетонными плитами. Но пока не было этих плит, в клуб, в школу, в правление добирались, утопая в грязи. Буквально утопая: в распутицу молоко с ферм вывозили на двух тракторах — один телегу не вытаскивал.

— Главная сложность та, что в планы дорожного строительства наша дорожка вовремя не попала. Ну, а ждать следующей пятилетки мы просто не могли. Один, без Ольги, я не пробил бы... — Директор вновь и вновь торжествует победу, вновь и вновь удивляется терпению и настойчивости депутата.

Сегодня водитель совхозной машины рассказывает тем, кто едет в Ровдогоры в первый раз:

— Да уж попотел Макаров с этой доро-

Вика Порядина с мужем.

гой! Ольга Михайловна? Какая Ольга Михайловна? А, Кирчигина! Так ведь она же доярка!..

А знает он, что депутат Кирчигина участвовала в распределении жилья, что с ее помощью началось строительство восьмилетней школы на Курострове? Нет, не знает. Слышал, конечно, — на собраниях, на депутатских отчетах. Но не помнит. Привычка такая у многих выработалась: не слушать, что на собраниях говорят. Кажется, что из года в год говорят одно и то же.

А как Кирчигина в бытность депутатом воспринимала бесконечные просьбы, ходатайства, заботы своих избирателей? Тоже ведь одно и то же: дороги, ремонты, жильё, пенсии, неблагоустроенность, места в детском садике... Общественная активность, может быть, не что иное, как умение

слышать и слушать другого. А общественная пассивность — наоборот: неумение. Не про меня? Значит, мимо, значит, неинтересно. Нет того, что мне нужно, — куда начальство смотрит?! Появилось то, что нужно, — и ладно. А кто хлопотал, кто делал — не все ли равно? Общественно пассивный человек может быть славным, добрым — ни на что это не влияет. Важно, каков человек общественно активный. От него все зависит. И важно, чтобы таких было больше.

СВЕТ В ОКОШКЕ. Зимой уже в три часа дня темнеет в Тряхновской. Три огонька в снежной пустыне, три окошка, за которыми люди, их тепло, их заботы, их радости. В домашнем халатике обихаживает свой дом женщина, о которой столько говорят разного, которую «до Москвы вознесли».

Да за что вознесли? Что в ней особенно? А ничего. Но только посмотрите, вот говорят об Ольге Михайловне, что «уже

есть другие доярки, у кого надои не хуже». Уже есть. Но она первой взяла высоту и шагнула дальше, взяла на себя трудное новое дело, так что результаты работы Кирчигиной в совхозе и сравнить было не с чем: две трети первотелок в группе — такое у нее одной было.

Вика Порядина потому работает на ферме, что уже была здесь «тетя Оля». К ней девушка привыкала, у нее училась, то есть опять-таки шла **вслед** за ней. Хотя приедем здесь прижиться не так-то просто, места тут не курортные: помидоры — продукт экзотический, как ананасы в Москве.

И так, что ни возьми. Вот нынче на острове много строили — к 275-летию со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова готовились, благоустраивали его родину. А ведь вообще-то строители не жалуют совхоз. Альберт Иванович с ними «сражался не на жизнь, на смерть» — так он сам говорит. Кто повернул строителей к Курострову? Кирчигина.

Член бюро райкома партии, она взяла слово на областной партийной конференции и несколько умерила самоуважение строителей, которые с трибуны рассказывали, как много хорошего они сделали на родине Ломоносова. Согласилась: сделано действительно немало. Но где? В Матигорах, в Холмогорах. А родился-то Михаил Васильевич на Курострове! Этот исторический факт строители и пытались проигнорировать. И понятно почему: ведь и оборудование, и материалы надо завозить через реку, это хлопотно, на материке строить, конечно, сподручнее.

Выступать на людях ей трудно. Уж сколько раз приходилось, а не привыкла. И в президиум, когда выбирают, — тоже: «Не могу я по столько-то сидеть, даже ноги начинают болеть». Не красуется она там — смущается, волнуется. Иной раз речь заходит о том, в чем она разбирается с пятого на десятое, — о мелиорации, скажем, об агрохимии. Да мало ли вопросов, в которых доярка не очень-то сведуща. А вот ей надо понимать. Потому что решать нужно, как быть, кого поддержать, с кем спорить, за что голосовать.

Один раз надо было ей выступать на областном совещании, сидела в президиуме, ждала своей очереди. Смотрит, рядом человек, тоже вроде беспокойный. Потихоньку обменялись мнениями, она его успокаивала, даже таблетку предложила — «на всякий случай» всегда с собой берет. А тут как раз объявили: «Слово имеет секретарь горкома». Сосед и пошел к трибуне. До сих пор Ольга Михайловна смеется, как вспоминает: «Я думала, тракторист какой, сейчас ведь все — в костюме, в галстучке...»

Помочь захотела, как всегда. По себе судила: выступить так, чтобы люди поняли твою логику, побудить их действовать, — трудно, ох, как трудно. Но вот вслед за ее словом повезли паромы в Ломоносово цемент и лес. Асфальт залил сельскую площадь, запахло свежими стружками... Свершалось дело — вслед за словом.

Своим чередом пустили в Ровдогорах комплекс. Решается вопрос: кому стать хозяйкой в раздвойном цехе? Дело нештучное. В нем будет 100 голов, все первотелки. Видимо, пойти в такой цех может лишь тот, кто больше других работал с молодняком, кто меньше других боится ответственности. Есть такой человек на Курострове — делегат XXVII съезда партии, кавалер двух орденов Трудовой Славы, доярка Кирчигина Ольга Михайловна.

Вера НИКИТИНА
Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

Племсовхоз имени Ломоносова.
Холмогорский район,
Архангельская область.

— Нам картошка нужна?
 — Кому это — «нам»?
 — Нам всем. Советскому народу. Нужна?

Женский голос в телефонной трубке — молодой, напористый, я бы даже сказал, нахальный.

— Странные вы вопросы задаёте, девушка. И назовитесь, пожалуйста...

— Нет, вы сначала ответьте!

— Да, нам всем нужно много и хорошей картошки. А теперь — ближе к делу, пожалуйста.

В редакцию звонила Галина Новикова, студентка Костромского педагогического института. Она выросла в деревне и после окончания учебы собирается туда же вернуться: «Иначе и не мыслю!» Приехала тогда с уборки картофеля... Осень выдалась дождливая, слякотная, трудов затратили столько, что и «картошка того не стоит» — опять ее выражение привожу. Но что же все-таки возмутило Галю, заставило позвонить в редакцию?

СТОИТ ЛИ БЕСПОКОИТЬСЯ?

На глазах Гали члены бригады картофелеводов, работающей, как сказали студентам, по коллективному подряду, с оплатой по конечному результату, то есть в зависимости от количества собранного картофеля, добивались увеличения этого количества довольно странным и недостойным способом.

— Свезли с поля в одну кучу все гнилье, подогнали трактор с ковшем и стали грузить на самосвал все подряд — глину, камни, ботву, а сверху картошкой присыпали, какая почисте. Потом машину на весы поставили, накладную выписали, все честь честью. А где она, честь-то? Где совесть? На рубли разменяли!

— И куда же пошла машина?

— Как куда? Не в свое же хранилище сваливать, там хорошей картошки хватает. На крахмало-паточный. Съездите туда, сами увидите!

И Гали положила трубку.

Съездил. Расскажу, что увидел тогда, услышал, в чем убедился.

...Возле Костромского крахмало-паточного завода, единственного картофелеперерабатывающего предприятия в области, всю осень росла свалка. По-иному и не назывешь «площадку для хранения заготовленного картофеля», а именно так именуется огромный участок земли, покрытый метровым слоем гниющей и мерзнувшей «конечной продукции».

СОВЕСТЬ

Вначале пытались укладывать картофель в бурты. Но машины — и с пристани, и из близлежащих районов — все подходили и подходили, а техника, рассчитанная на укладку свеклы и приспособленная заводскими рационализаторами под картофель, не справлялась. Остался в строю один буртоукладчик, но и он недолго проработал, увяз в грязи посреди площадки для складирования. Три мощных трактора местили гусеницами «второй хлеб», пытались вытащить многотонную машину. Когда в очереди самосвалов и автопоездов скопилось больше сотни машин, а шоферам надоело ночевать в кабинах, стали разгружать куда попало. Слой на слой, гнилье на хорошую картошку... Одним лишь бы сдать, другим лишь бы принять. И всем вместе отчитаться перед облагпромом: договорные обязательства выполнены и перевыполнены! Рассчитывали заготовить 41,2 тысячи тонн, а заготовили 43 тысячи. Правда, насчет качества в рапортах — молчок.

...Выпал снег, прикрыл свалку от людских глаз. Смерзлись кучи, теперь и тракторной лопатой не возьмешь, бульдозер на картошку в атаку ходит, отковыривает глыбу за глыбой. А завод меж тем греет воду, рабочие возле цеха поливают из шлангов глыбы — половина грязи, половина картошки. Клубни — и гнилые, и чудом уцелевшие — попадают на транспортер, проходят через камнеуловитель (камень столько, что всю территорию завода замостить можно), а потом — на терочные машины. Технологическая цепь длинная, но в конце ее — даже поверить трудно, когда насмотришься на исходное сырье, — образуются крахмал и патока, ценные продукты.

Так, может быть, и беспокоиться не о чем, все идет как надо, как задумано? Ну, были отдельные сбои — с приемкой картофеля, с разгрузкой, складированием. Ну, загрязнен был картофель, в хранении есть недостатки, потери кое-какие имеются. Но в итоге, смотрите: крахмал-то — вот он! И патока — вот она! Да еще и какая сладкая! И вообще о свалке ли должна идти речь? Оскорбительное какое-то слово. Буртовой способ хранения столько лет существует...

А если бурты не, получились и картофель прямо в грязь разгружали, так вам же объяснили: буртоукладчик завяз. И разве виноват завод, что колхозы и совхозы засыпали в кузова машин уже подпорченные клубни, да еще пополам с землей и камнями? Да ведь и то сказать: под проливным дождем шла уборка. А привозили бы

картошечку одна к одной, чистенькую, вот тогда бы...

И тогда бы, я думаю, ухитрились сгноить, заморозить, превратить «второй хлеб» в глыбы грязи — при таком-то отношении. Все последние годы умудрялись. Убытки завода от потерь как самого картофеля, так и от снижения в клубнях содержания крахмала составляли от 800 до 200 тысяч рублей ежегодно. И если убыток измерялся не в 800 тысяч, а в 500 или 300, то это вовсе не означало, что принимались какие-то меры по улучшению хранения, нет, просто урожай был меньше и соответственно заготовка.

Сейчас, когда идет перестройка, для многих руководителей областного агропрома наступило, как ни странно, очень удобное время: любой, даже самый вопиющий факт бесхозяйственности можно объяснить существовавшей ранее, до создания агропромышленных объединений, порочной практикой (то есть ведомственными неувязками, отсутствием стимулов, несовершенством экономического механизма); можно объяснить и гневно осудить все отжившее и негодное, приводившее к потерям, неувязкам, припискам и тому подобному (Министерство пищевой промышленности РСФСР, которому принадлежал завод, многие годы не отпускало средств на реконструкцию, на строительство надежных хранилищ для картофеля, на илль и улучшение условий труда, забросило предприятие!); можно поделиться планами перестройки, намеченными новыми хозяевами — областным агропромышленным комитетом, поразить крупными суммами капитальных вложений.

И планы перестройки хороши: вывести завод на проектную мощность, чтобы он перерабатывал 400 тонн картофеля в сутки, и деньги большие: около трех миллионов рублей на 12-ю пятилетку. Но ведь промежуток между тем, что было, и тем, что будет, — почти два года! Первый год в новых условиях дал заводу 500 тысяч рублей убытков, а второй сколько нацелкает?

И только ли деньги, только ли новая технология, только ли экономические санкции являются движущими силами перестройки? Так ли всеильна инструкция, так ли крепко узел, которым агропром пытается связать интересы производителей картофеля и переработчиков?

Вряд ли. Иначе почему весовщица крахмало-паточного завода, взвесив машину

Снимок прислал на фотоконкурс «Крестьянки» Ю. ЛАСМАН.

(8 тонн «чистого» веса) и посмотрев накладную, с которой приехал водитель (там тоже: 8 тонн «чистого» веса), уверенно ставит в графе «принято» 4 тонны? А водитель соглашается, зная, что в кузове «чистого» веса и трех тонн не наберется...
Убежден: подобных производственных

сбоев, всякого рода материального и морального ущерба от халтуры и обмана не избежать до тех пор, пока экономический механизм взаимосвязей, действующий ныне внутри агропромышленного комплекса, не будет усилен нравственным «механизмом», работой не только по законам эконо-

мики, но и по законам совести. И кстати, пожалуй, задуматься: не оказывается ли иной раз желание заработать побольше сильнее желания работать получше... Верно ли поступают руководители совхозов и колхозов, перерабатывающих сельскохозяйственную продукцию предприятий, когда с завидной настойчивостью утверждают единственный критерий в оценке работы: рубль? Вот и победил рубль. И ту бригаду, о которой рассказала Галя Новикова, победил, и переработчиков картофеля, которые в погоне за ним принимали продукцию без разбора, лишь бы побольше — и премия за перевыполнение плана обеспечена. И выходит, что перестройка экономическая, организационная далеко не всегда и не сразу влечет за собой перестройку психологии, а ускорение в работе порою отрывается от нравственной основы труда. К чему ведет это — мы видели.

...Процесс перестройки многогранен, и трудно сказать, какая грань более важна, какая менее. И с чего начинается перестройка, где ее исходный пункт — ответить не легче. Может быть, рассказ об одной семье, с которой я познакомился в недавней командировке, позволит высветить еще одну сторону перестройки, посмотреть на нее глазами людей, которых зовут

ВАЛЕНТИН, ВАЛЕНТИНА И ВАСЯ.

Было около одиннадцати утра, а семья сидела за столом, то ли припоздав с завтраком, то ли решив пораньше пообедать. В добротной пятистенной избе тепло, уютно, чисто. Три комнаты: в одной поет Пугачева про айсберг, а Игорь Скляр и другие эстрадные «звезды» хоть и раскрыли рты, но помалкивают, облепив стенку над кроватью хозяйского сына Василия, — пластинок с голосами «звезд» пока в магазин не поступало...

Каких-нибудь примет, по которым можно было бы определить увлечения старших членов семьи — Валентины Александровны и Валентина Антоновича Алешенцевых, не найдешь при всем желании, разве что телевизор. С этого предмета и начался разговор, пошел-поехал в разные стороны, обо всем на свете, как на телеэкране бывает.

Пока мы добирались в разговор от Никарагуа до деревни Большой Пепел, где стоит дом Алешенцевых, прошло не так много времени, а различной информации от хозяев и свежего молока от хозяйской коровы я получил в избытке. При всей остроте событий на международной арене говорить о своей жизни всем было гораздо интереснее. И Валентин Антонович завершил внешнеполитическую часть беседы кратко и мудро: «Был бы мир, а с остальным разберемся».

«У нас детей семеро, внуки пошли, а они с войной никак не уgomонятся. Ужель бездетные? Или ни своих, ни чужих не жалко? — это Валентина Александровна мужа поддержала. — Старших-то сыновей я с

легкой душой в армию провожала, а через два года Ваське идти... Те целехоньки вернулись, своими домами живут, а Ваське они что приготовили?»

«Они» — это американская администрация, и в деревнях Талицкого сельсовета Кирилловского района Вологодчины внимательно следят за всеми ее происками. И в оценочных выражениях не стесняются: рад бы привести одно-другое, да не могу себе позволить...

Но все-таки, повторяю, о своем житье говорить интереснее. И самая злободневная тема — перестройка, хотя слова этого, изрядно уже затертого от частого, к месту и не к месту употребления, хозяева дома ни разу и не произнесли. Но слово не слышится, а перестройка видится, она вошла в дом, многое изменила в жизни хозяев.

...На окраине деревни Большой Пепел стоит длинное приземистое здание, довольно неказистое на вид. Была там молочнотоварная ферма, и славилась она не столько высокими надоями, сколько низкой дисциплиной доярок и кормачей. Кто только не приезжал сюда увещевать животноводов, каких благ не сулил — все без толку. Даже чисто житейские соображения не задевали: ферма расположена близко от кучно сбившихся вокруг Большого Пепла малых деревень (10—15 минут хода), ручного труда мало, кормов вдоволь колхоз заготовливает, выпасы богатые и тоже не за горами, рядом. Но о бригадном подряде люди и слушать не хотели, друг на друга не надеялись.

— Год назад, когда на правлении колхоза «Коминтерн» обсуждались пути перестройки, приняли смелое решение: ликвидировать ферму, перевести коров на животноводческий комплекс в Талицу, на центральную усадьбу. Дояркам и кормачам тоже, хочешь не хочешь, пришлось туда же переводиться на работу, вливаться в бригады, где и дисциплина, и порядок на высоте: на подряде третий год работают. Теперь до рабочего места пять километров, на обед домой не сбегаете. Это минус, конечно, а плюс в том, что заработок вдвое больше стал, некоторые доярки так и вообще в передовики вышли. Словом, нет худа без добра.

Но что же делать с освободившимся помещением? Подремонтировали, утеплили, кое-что переоборудовали. Решили поставить там телят на откорм, 150 голов. А вот кому доверить молодежь?

Колхозные зоотехники ходили по домам, заводили разговор о возможностях семейного подряда. Люди осторожничали: шутка ли, такую ношу на семью взвалить! Ни дня, ни ночи знать не будешь. А если падеж начнется? А если с кормами перебои? Навозоуборочный транспортер сломается? Пропадешь вместе с теми телятами!

Не вдруг согласились и Алешенцевы, Валентин и Валентина, как их здесь зовут. Несколько долгих вечеров всей семьей (при родителях из семерых детей двое живут: Василий и его младший брат, восьмой класс кончает в этом году) разбирались в бумажках, что оставил им зоотехник. — условия подряда, рационы кормов, распорядок дня...

Самостоятельный участок работы, да еще вблизи от дома, в километре, не дальше, — это все хорошо. А вот ответственность!

В деревне стали замечать, что Алешенцевы то по одному, то всем семейством зачастили на пустующую до поры ферму. Там шел ремонт, и Валентин Антонович начал помогать плотникам. Его сыновья тоже не бездельничали: осваивали новое

для себя «транспортное средство» — лошадь. На мотоциклах ребята с детства гоняют, и разберут, и соберут, а вот лошадь запрях... Но освоили. И когда снова приехал зоотехник — узнать, что же решили Алешенцевы, — Васька с братом опередили ответ родителей: «Если лошадь оставите на ферме — беремся!»

Взялись. Первые три месяца приноравливались и, что называется, не вылезали из телятника. «Ни выходных, ни проходных», — рассказывает Валентина Александровна. — Мужиков своих запустила — стыд сказать! Своя скотина заждалась, а мы все возле телят пропадаем».

Но семья есть семья. Забота, поддержка, понимание — все проявилось в работе. Душевные, человеческие качества каждого становились — не побоюсь этого выражения — производительной силой. Но Валентина Александровна объяснила проще: «По совести работаем. Жалею друг друга. Вот и получается...»

А что же получается?

Даю короткую справку.

Среднесуточный привес телят — 620 граммов.

Падеж — нет таких фактов.

Распорядок для каждого — по внутрисемейной договоренности.

Выходные дни — тоже по договоренности.

Праздники. С ними сложнее. Телят годовных не оставишь.

Отлучки из деревни — лучше надолго не отлучаться.

Ваську («Василием станет после армии, — пояснил отец. — А сейчас какой он Василий? Смешно даже. Васька!») раз, а то и два в неделю отпускают погулять в Талицу. Там клуб, комсомольская организация активно работает, художественная самодеятельность есть, лекторы приезжают. И девчат много. Васька на мотоцикл — и в Талицу, а братишка на лошадь — и на ферму, подменяет брата. Лошадь, кстати сказать, пришлась ко двору, работы для нее хватает. И экономия горючего есть: не трактор же гонять вокруг телятника, если груз невелик. А по весне огороды вспашет — и хозяевам, и соседям-пенсионерам.

Теперь зададим несколько вопросов и попытаемся ответить на них.

Первый. Выгоден ли семейный подряд Алешенцевым? Да, выгоден — и не только в материальном отношении. Подряд — он еще и воспитатель, если говорить о детях. И то, что он семью укрепляет, факт бесспорный.

Второй вопрос. Выгоден ли семейный подряд колхозу? Ответ тоже однозначный: да, выгоден, экономически оправдан.

Третий вопрос: везде ли применим семейный подряд? Практика показывает — применим. Легче прижился пока на откорме скота, чем, скажем, на производстве молока. Как обстоит дело с семейным подрядом в растениеводстве — это особого разговора требует.

Четвертый: перспективен ли семейный подряд? Да, если за него будут браться молодые семьи. Пока же есть данные, что на семейном подряде работают в основном люди предпенсионного возраста. А молодые хотя и многого. Телевизором, мотоциклом и лошадью им не обойтись.

...Познакомился с семьей Алешенцевых, посмотрел, как они живут, работают, как относятся к доверенному. И невольно вспомнилось происходящее на Костромском крахмало-паточном заводе, хоть совсем и непохоже все. А вот вспомнилось...

Представил своих новых знакомых в бри-

гаде, что грузила машины для отправки на завод, с которым колхоз связан договором. В договоре — количество, сроки, качество, цена. Неужели и Алешенцевы глину и камни вместе с картошкой стали бы кидать в кузов?

Нет, не могу себе такого представить. Как же они после такой работы в глаза друг другу смотреть будут? А ведь и там перестройка идет, и здесь. Почему же так по-разному люди к своему делу относятся? Есть, есть тут над чем подумать.

А пока продолжу и расскажу, что еще видел в той же командировке, на вологодской земле. Речь снова будет о перестройке, о проблемах обновления и улучшения жизни на селе, но только подойдем мы ко всему этому как бы сбоку, а проще сказать —

ОТ ПЕЧКИ...

Деревня Шортино — семь домов. Кирилловский район Вологодской области вообще красотой мест своих славится, край озерный, лесной, а Шортино и совсем в великолепном месте издревле стоит, в Святое озеро смотрится. Дома в деревне большие, а поленицы дров едва ли не выше крыш поднимаются. Сколько же надо дров, чтобы перезимовать в тепле? Обед здесь варят на баллонном привозном газе, вроде бы экономия дров должна быть, но нет, как тут сэкономишь, если печки от тяги гудят, а тепла настоящего нет, сколько ни жги, как в прорву.

Что ж за печки такие?

Не печки виноваты. Печники пошли немехи, да и тех не найти в округе, а найдешь — не заманишь. Цену ломают несусветную, а по-настоящему, как в старину печи кляли — в четыре, в шесть «ходов», — сделать не могут. В редкой деревне свой мастер есть, да и тот теперь с оглядкой работает — вдруг нетрудовой доход припишут, уже бывало такое. Закон об индивидуальной трудовой деятельности в силу еще не вошел, вот мастеровой человек и затаился до поры, выжидает. А печи не избы — небо греют.

С дровами трудно стало — дорожают, с подвозом хлопот не оберешься. Бензопила «Тайга» 400 с лишним рублей стоит, да и ненадежная очень, а запчастей не найти. Вот деревни и начали сами себя сжигать — в буквальном смысле. И Шортино, где я «зацепился» за вроде бы мелкую — в масштабах перестройки, социального и бытового переустройства села — проблему, и сотни других деревень. Дома, брошенные хозяевами, продают не для жилья, а под слом. Проще сказать — на дрова. Удобство какое: сосед уехал на центральную усадьбу или в город, а оставшийся два-три года топил печь его избы. И дешевле дров выходит.

Истопили сами себя 28 деревень Заднесельского сельсовета Усть-Кубинского района, по четыре-пять домов в каждой осталось. Пошли в печи сараи и скотные дворы, другие постройки. Причин тому много, но все-таки одну, если со стариками поговорить, выделяют уверенно: печников хороших не стало.

Фомаида Петровна Плеханова, ей 84-й год пошел, рассказала:

— Печь нам клал такой мастер, что маленькую охачку кинешь — весь день тепло держится. Хлеб испечешь, обед на всю семью сваришь, скотине три чугуна нагреешь, спать ляжешь — а печь все как огонь. Уж такой мастер, такой умелец! Ему даже аттестат был выдан. На вот, поди, и не выдывал такой бумаги. Он сосед мой был, светлая ему память, вот я и храню...

НАДЕЖДА НА ЖЕНСКИЙ СОВЕТ

ЖИТЬ ЛУЧШЕ — БЫТЬ ЛУЧШЕ

Я работаю в облисполкоме, часто веду приемы трудящихся. В исполком почти всегда приходят с какими-то просьбами. Как правило, это просьбы разумные: многодетной семье нужны более удобная квартира, приусадебный участок, нужен телефон заболевшим старикам... Мы помогаем.

Но все-таки часто приходится сталкиваться с тем, что люди хитрят, изворачиваются, даже обманывают — и все для того, чтобы урвать побольше, побольше иметь, жить не просто в достатке, а лучше других! Имели одну машину, появилась другая марка — и подавай хоть из-под земли новую. Некоторые семьи имеют хорошую квартиру, норовят еще жилплощадь получить.

Не всегда есть время и возможность на этих приемах разобраться, откуда идет страсть к потребительству, почему некоторые люди не хотят держаться в рамках разумных потребностей, разумного потребления? А это необходимо делать!

Кому, как не женсоветам, заниматься воспитанием. В Положении сказано, что Советы женщин по месту жительства работают в тесном контакте с местными Советами народных депутатов, постоянными комиссиями Советов по вопросам труда и быта женщин, охраны материнства и детства, депутатскими группами.

Вот на этот тесный контакт и надежда. Сейчас в Воронежской области создаются женские советы. И мы ставим целью направить их работу именно в это русло — воспитание.

Ж. ФЕДОРОВА,
заместитель председателя
Воронежского облисполкома.

У ТЕЛЕВИЗОРА ХОРОШО, НО...

Прочитала я Положение о Советах женщин и подумала, что, может быть, сбудутся и мои мечты. Не такие уж они заоблачные, вполне земные, а вот пока только мечты.

Я живу в Унече, районном центре, работаю на молокозаводе. Городок у нас небольшой, уютный. Много садов. Мы, унечцы, чувствуем себя наполовину горожанами, наполовину крестьянами. Летом у нас все в цвету, многие копаются после работы на своих участках, физической работы хватает. А зимой? Скотину не держим, так что, как в городе: утром — на работу, вечером — к телевизору. И больше ничего. Разобщены мы, люди среднего и старшего поколений. Молодежь ходит на танцы, на стадион, а что делать нам? Сагитировать женщин своего возраста на какие-то совместные полезные занятия я не могу, не умею.

А теперь вот думаю: женсоветы при жэках, на предприятиях должны настойчиво взяться за создание групп здоровья,

клубов по интересам. Я уверена, многие женщины оторвутся от телевизора, не будут так погружены в домашние дела — время для саморазвития, самовоспитания найдется.

В. ЛЮБИМОВА,
мастер Унечского молокозавода.

ПОД МАТЕРИНСКИМ ПРИСМОТРОМ

Очень важными кажутся мне в Положении о Советах женщин строки, где говорится о нашем праве проверять по поручению советских, государственных, хозяйственных органов и по своей инициативе работу медицинских и детских учреждений, предприятий торговли, службы быта, общественного питания. Особенно привлекают слова «и по своей инициативе». Их можно поставить во главу угла всей работы женсоветов.

Большинство активисток женсоветов — это матери. И их не может не волновать, какие условия созданы для малышей в детском саду колхоза или совхоза, даже если их собственные дочка и сыновья уже взрослые. Несколько лет назад в нашем колхозе имени Ленина был детский сад на 140 мест — явно маленький для хозяйства. Не без участия женсовета правление колхоза решило вопрос о строительстве нового, на 280 мест.

Но мало построить детский сад — женщина должна быть спокойна за своего ребенка, быть уверена, что ему хорошо в саду, что его воспитывают, развивают, растят здоровым. Поэтому мы уделяем внимание тому, как кормят ребят в саду, как за ними присматривают, какие им нужны игрушки и книжки, какие заботы волнуют воспитателей. И, самое главное, что в стороне от этих забот не остаются ни правление, ни партком, ни профсоюзный комитет.

Территория нашего сада стала детским городком — просторным, зеленым, с деревьями и цветочными клумбами, с игровыми площадками, бассейном, веселыми фигурками сказочных героев. Мы устроили конкурс для родителей на лучшее оформление детского сада, и взрослые с удовольствием мастерили для ребят столы и стулья, кубики и клоунов. При детском саде есть участок в 25 соток, и каждый малыш на земле что-то выращивает — овощи, ягоды, цветы.

Наши малыши окружены заботой и приветливостью. А воспитатели детского сада знают — их работа на виду у всех, а прежде всего у женсовета.

О. ЗАНОХА,
зоотехник,
член женсовета
колхоза им. Ленина
Аламединского района
Киргизской ССР.

Аттестат отпечатан в типографии на плотной бумаге, виньетки, окружающие текст, потускневшим от времени золотом отливают. Читаю:

АТТЕСТАТ

1900 года, октября 8-го дня, дан сей аттестат от Шапшенского волостного старшины, Кадниковского уезда, Федора Дмитриева Кремина и сельских старост Шапшенской волости разных обществ, подрядчику печных дел, крестьянину Заднесельской волости, деревни Горки, Василию Александрову Левичеву, в том, что он, Левичев, производил работу, выделку кирпича и кладку печей в Шапшенском Шомякинском земском училище, каковой Левичев печи работал добросовестно во всех отношениях, вел себя честно, добросовестно, пьянством не занимался, в чем и выдан ему настоящий аттестат за надлежащим подписом и приложением казенных печатей.

Шапшенский волостной старшина
Федор Кремин.

Сельские старосты:
Негодяевского — **Д. Барышкин,**
Большого — **А. Кобылин,**
Зуенского — **С. Силян,**
Софоновского — **С. Канюков**
(по неграмотности прилагаю печать).

Под аттестатом еще семь подписей с той же бесхитростной припиской. Согласитесь: документ не только интересный — назидательный. Деловая и нравственная характеристика, рождающая доверие к мастеру и человеку. Реклама, рекомендация — как угодно можно называть. И еще заметим: о том, что подрядчик печных дел работал быстро, в сжатые сроки — в аттестате ни слова. А добросовестность мастера дважды упомянута, и, думаю, это отнюдь не стилистическая погрешность. Налицо — моральное поощрение. Наши деды и прадеды, надо полагать, не бесплатно работали. За рубль, но и по совести!

Не являет ли «сей аттестат», хоть и выдан он полуграмотными старостами, пример делового подхода к организации индивидуальной трудовой деятельности печников, плотников, столяров, кровельщиков, пимокатов, других специалистов, которые или перевелись в сельской местности, или работают таясь и кое-как, а нужны позарез. Эти специалисты и могли бы стать службой быта, основать бюро добрых услуг, в чем так нуждаются люди и из-за отсутствия которых покидают родные края.

А в деревне Горки, где живет Фомаида Петровна Плеханова, где жил Василий Александрович Левичев, осталось два дома. И две русские печки, сложные мастерам. Они и сейчас как огонь — от «маленькой охалочки». Сколько же леса сэкономил Василий Александрович — и при жизни своей, и после, — если по всей округе «печи работат добросовестно»!

Не зря говорят — танцевать надо от печки. Лучше получается. И не только в танце.

...Перестройка — слово громкое, большое, значительное по смыслу. Но включает оно в себя и новое отношение к самым простым, будничным делам.

В Кабуле у меня есть давний и хороший друг — полковник Муса Мухаммад. Он доктор медицинских наук, окончил в свое время Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова в Ленинграде. Там же защитил вначале кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Дважды я бывал в Афганистане, и дважды мы встречались с Мусой. Я знаком с его тремя братьями, которые учились в Советском Союзе, теперь все трое военные летчики. И на этот раз, как только я прилетел в Кабул, то сразу позвонил своему давнему другу. Муса пригласил к себе, в Центральный военный госпиталь Министерства обороны ДРА, где он заведует недавно открытым военно-медицинским факультетом.

Встретились, обнялись. Муса с увлечением начал рассказывать о переменах, которые произошли в их госпитале за последнее время. Рассказывал, что с головой теперь ушел в науку, публикует много научных работ... Конечно, не обошлось без разговоров о возвращении наших шести полков на Родину. Муса, кроме всего прочего, — один из лучших хирургов Афганистана. Ему многое дано знать о том, как обстоят дела на всех фронтах необъявленной войны.

— Окрепла наша армия, окрепла наша страна, — говорил он мне, — спасибо советским солдатам, офицерам, всем советским людям. Мы знаем, что в беде советские товарищи нас никогда не оставят. Да, кстати, тебя, может, заинтересует: утром позвонил мой друг доктор Тарек Масуон. Он начальник родильного дома. Говорит, что три женщины с согласия своих мужей назвали новорожденных русски-

ми именами. В честь ваших воинов.

Я позвонил в гостиницу: наш фотокорреспондент оказался на месте, и мы поехали на улицу Шарарах, в родильный дом, который известен всему Кабулу под названием Малалай Зежантун. Пока мы ехали, Муса рассказал, что в Кабуле этот родильный дом пока единственный. Роженицы — не только жительницы столицы, большинство их из сельской местности.

На пороге родильного дома нас встретила старшая медицинская сестра Шаеста. Она провела нас в кабинет доктора Тарек Масуона. Оказалось, что Тарек учился в Москве. А до Москвы курс медицины проходил в Дели, в Индии. Он из зажиточной семьи. Отец его известный в Афганистане адвокат, председатель общества юристов. Но с самого начала семья Масуона связала свою судьбу с Апрельской революцией. Тарек в свое время служил в армии, в танковых войсках. Был заряжающим. Сейчас в армии служит младший брат. Есть еще сестра, она врач, работает на фармацевтической фабрике. Женат. Двое дочек.

Потом Тарек рассказывает о родильном доме. Начинает с радостного: вот уже семь месяцев, как с рожениц перестали брать плату за пребывание в больнице. Раньше надо было платить до 360 афгани за сутки.

— Заключен договор о строительстве новых корпусов больницы, — продолжает рассказывать Тарек, — эти корпуса построят нам советские товарищи. Срок ввода их: май — июнь восьмидесят седьмого года.

К разговору подключается секретарь партийной организации Мухаммад Мехди. Узнаем, что всего обслуживающего персонала в больнице 321 человек и 70 из них — члены Народно-демократической

▲ Афганские женщины провожают советских воинов.

партии Афганистана. Такая деталь: из 70 партийцев только 15 мужчины, остальные женщины.

В больнице работают и наши медики. Помогают, консультируют, учат, передают опыт и знания.

У Мухаммада спрашиваю:

— Какие имена девочек и мальчиков сегодня в ходу у родителей?

— Для мальчиков — это Валид и Халед, для девочек — Мино.

— А какие русские имена решили мамы взять для своих новорожденных?

— Давайте пройдем к ним, и вы сами спросите...

Мы заходим в палату, где стоят три кровати. Возле стенки справа лежит Хафиза, у окна — Нахида, слева — Ханифа. Хафиза из кишлака, который в нескольких десятках километров от Кабула. Нахида — преподавательница. Ханифа работает в строительном управлении. Там же работает и ее муж Абдуджалиль. Он высококлассный чертежник. С Ханифой получился разговор продолжительнее, чем с другими, может, потому, что она менее застенчива.

— Большая часть строительных материалов (цемент, арматура, металл) поступает из Советского Союза, — говорит Ханифа. — Без них мы бы не построили ни одного дома. К тому же и доставка строительных материалов лежит на плечах советских товарищей. Я знаю, что значительную часть грузов доставляют совет-

БЛАГОДАРНОСТЬЮ

«Я хочу, чтобы каждый, кто говорил бы о моей дочке, думал о ней, окликал,— знал, в честь кого она так названа...»

ские военные на своих грузовиках. Я со многими знакома лично. У нас работает инженером Валя, она из СССР. Можно сказать, что она самая лучшая подруга...

У Ханифы вчера ночью родился сын.

— Не хватает слов выразить благодарность за все, что сделали советские товарищи для нас, афганцев,— говорит Ханифа. — Не жалели ни сил, ни крови, ни даже жизни своих... Это мой третий ребенок,— показывает глазами на розовую кроху счастливая мама. — Первая у меня дочка Зохра, второй сын Навад. А вот этого, последнего, мы решили назвать Иваном. В честь наших советских друзей и побратимов в этой необъявленной войне. Мы же знаем, погибли советские солдаты в боях с душманами. Вот пусть и будет мой сын в честь погибших Иваном.

У Хафизы дочка. Она назвала ее Таней.

— К нам приезжал агитационный отряд. В нем была врач Татьяна. Она спасла мою дочку. Если бы не она, девочка родилась бы мертвой. В честь вашего доктора я и назвала свою дочь Таней...— Хафиза задумчиво помолчала. — Вынашивая ребен-

И мамам, и малышам — внимание медсестры. ▶

Мулла Ахмаджан с Танечкой. ▼

ка, я знала, что душманы заминировали поля. Ваши солдаты очистили их от мин. На этой земле сейчас работают мои родители...

У Нахиды тоже дочка. Она назвала ее Олей.

— Почему? Если бы у меня, как у Ханифы, родился сын, я бы его назвала Николаем, или Олегом, или Игорем, но обязательно бы русским именем. В честь тех, кто мужественно выполнял интернациональный долг на нашей земле. Я хочу, чтобы каждый, кто говорил бы о моей дочке, думал о ней, окликал,— знал, в честь кого она так названа...

За окном ярко светило солнце. С улицы доносился шум Кабула. Мы смотрели на счастливых мам, на их крошечных детей, которым не было еще и двух суток от роду.

Простые женщины не в состоянии, допустим, поставить в знак благодарности величественную стелу, не могут в знак признательности вознести на пьедестал бронзовую фигуру. Но они — матери. Они рожают детей — память о себе на долгие годы. Они рожают детей — память о дедушках и бабушках, умерших и живых. Они рожают детей и называют их самыми дорогими именами. Они простые женщины. Они вот так выразили свои чувства к нашей стране.

Тарек Масуон, когда мы уже распрощались с молодыми мамами в их палате, вдруг сказал:

— Хотите присутствовать при обряде посвящения в мусульмане новорожденно-

го? У нас при родильном доме есть два муллы.

Совершается обряд просто. Мулла берет на руки ребенка и произносит ему негромко на ухо несколько слов...

Кого же из новорожденных уважаемый мулла Ахмаджан собрался приобщить к аллаху? Оказалось, дочку Хафизы.

— Понимаете, Хафиза из глухого кишлака, там пока свои обычаи и нравы,— объяснил нам Тарек.

Мулла, приобщая младенца к вере, как бы узаконивает имя, которое дают ему родители.

— Идете. Мулла это делает у нас в комнате, где поспокойнее и посторонние люди не мешают.

— Но мы-то никак не сойдем за своих? — Идете...

Мы ни слова не понимали из того, что говорил мулла, но мы дважды услышали в его заклипаниях русское имя «Таня». Мулла разрешил нам присутствовать при исполнении обряда. Он даже разрешил все это сфотографировать.

Мулла Ахмаджан закрепил русское имя за афганской девочкой.

Потом он нам коротко объяснил свое благословение:

— Я согласен с чувствами матери, родившей этого ребенка...

В. ФИЛАТОВ, полковник.
Фото В. СВАРЦЕВИЧА
и В. ХАБАРОВА.

г. Кабул.

ПОПРИДЕРЖКИ ХАРАКТЕРА, БРИГАДИР

Я все вспоминаю лицо этой женщины, молодое, но с живыми глазами, с румянцем на тонких скулах, ее быструю походку, легкую и непреклонную фигуру. Облик ее подтверждал немудреные факты биографии — работала, всю жизнь работала... Сначала агрономом, потом, когда родились двое сыновей, подхватив детишек, летела выработать трудодни на току, дети подросли — пошла дояркой на ферму, а полтора десятка лет назад по просьбе тогдашнего председателя колхоза стала телятницей. Никто в Варваровке не хотел идти в телятник, а Полина Павловна Сказочкина согласилась...

Выросли и вышли в люди сыновья. В

личном хозяйстве Полины Павловны полный порядок: две коровы, телочка, свиньи, куры, большой огород.

Пенсию Полина Павловна получает хорошую — 120 рублей. Чего, казалось бы, ей надо? Оказывается, надо. Справедливости!

Ранним утром она пришла ко мне пешком в райцентр: «Встала при луне, по хозяйству копалась, а потом не выдержала — пошла...» Накануне было собрание коллектива фермы — Полину Павловну не поддерживали, осталась она одна со своими претензиями и жадной справедливости. Куда ей было еще идти, когда уж обила пороги сельсовета и райкома партии, когда по ее

взволнованному письму приехал корреспондент из Москвы. Теперь, по ее мнению, выходило, что и корреспондента обвели вокруг пальца: председатель стоял за бригадира стеной, а люди молчали. «Только бы вы поняли!» — повторяла Полина Павловна. Алые пятна горели на ее щеках, а в глазах не угасал решительный огонь. «Пойду до последнего», — говорили эти глаза...

В своем письме в «Крестьянку» Сказочкина обвинила бригадира фермы В. П. Музырева в пьянстве, грубости, издевательствах над работниками. По ее словам, тот выжил с фермы не ее одну, занимается самоуправством, приписками, бесчестит людей. Она просила выехать на место для честного разбирательства.

И разбирательства долгого было не нужно, чтобы уяснить правоту Полины Павловны. Бригадира в последнее время дважды штрафовали за пьянство на рабочем месте — факт, сам за себя говорящий. Люди, собравшиеся в доме Полины Павловны, подтвердили и другие обвинения. Беспощадно груб, говорили жители Варваровки. Рассказывали случаи за случаем, где жесткость бригадира переходила все границы.

Пенсионерки маленькой деревни жаловались, что по домам сидеть им скучно, работать привыкли, но на ферму, пока там такая обстановка, не пойдут ни за что. Парторг фермы Тимофей Иванович Бурлаков, человек далеко за пенсионного возраста, тоже не смолчал:

— Нам в правлении говорят: терпим до следующего случая и снимаем вашего бригадира. А сколько этих случаев уже было... Не может человек свой характер унять, ясное дело.

Неофициальное собрание разошлось, взволнованно шумя. А потом по инициативе председателя колхоза Н. А. Минаева состоялось рабочее собрание коллектива фермы. И здесь все, включая парторга... дружно промолчали.

Полина Павловна сидела с горящим лицом, сцепив руки. Собрание со странной повесткой дня — может ли бригадир возглавлять коллектив — было третьим по счету, и в третий по счету раз нечего было записывать в протокол. Разве что слова доярки Нины Ивановны Царевой:

— У нас ругачка в ходу. Видно, нельзя с нами иначе, по-хорошему-то не понимаем.

— Ну, почему же, Нина, нельзя, почему? — вскинулась Полина Павловна, но, не встретив ни одного сочувственного взгляда — люди смотрели в пол, — растерянно опустила на свое место.

Ситуация выходила парадоксальная: Сказочкина была права, сам председатель колхоза Н. А. Минаев не отрицал ни фактов пьянства бригадира, ни его грубости. Но ни председатель, ни коллектив Сказочкину не поддерживали. Главным их вывод был — работать надо, выполнять план, а не разбировать дрязги и выносить сор из избы.

До каких пределов можно быть защитником истины? Председатель попросту называл Сказочкину смутьянкой, секретарь колхозного парткома Григорий Андреевич Арапов — «женщиной с характером». Оба

они убеждены, что Сказочкина лезет не в свое дело, стараясь навести порядок на ферме. Они и сами были бы рады уволить В. П. Музырева, но работник он опытный, а замену найти трудно. С Музыревым ферма, худо ли, бедно, план выполняет, а обиды, амбиции — это все психология, к делу отношения не имеет. И маленький конфликт можно раздуть до пожара... Так Полина Павловна, еще недавно ходившая в лучших телятницах, завоевала себе репутацию скандалистки.

Я вспоминаю, как, явившись ранним утром в Пугачев, она быстро, стараясь ничего не забыть, пересказывала мне, что было после собрания в красном уголке. «Знаете, что Нина-то Царева сказала? Тайно надо было голосовать, тогда бы правда вышла наружу».

Что же это получается? Никто в Варваровке не утверждает, что крик, ругань и нервозность — это хорошо. Но против выступает открыто одна Сказочкина, люди же отмалчиваются, надеясь на какое-то тайное голосование... Да почему тайное-то? А вот видят, сколько лет ходит по инстанциям и выступает на собраниях Полина Павловна, и все без пользы. К ней, к Сказочкиной, у того же коллектива отношение как к человеку со стороны: на ферме она уже не работает, стало быть, не ей судить о здешних порядках. Если по-соседски — пожалуйста, расскажут Полине Павловне о своих печалях, повздыхают вместе... Вздыхают вместе, а воюет Сказочкина одна. Потому и безуспешно воюет, что союзников надежных нет.

Может быть, не надо было ей увольняться, а молча, с любовью и терпеливо делать свое дело, показывая личным примером, как должно относиться к работе, убеждая поведением, что в отношениях между людьми необходимы согласие, доверие, уважение?

Такого человека, кто стоически боролся за правоту, не выметая при этом сора из избы, я тоже нашла в Варваровке. Вернее, уже не в Варваровке, а на центральной усадьбе колхоза «Красный герой», в деревне Каменка. Надежда Григорьевна Чернова, бывшая нормировщица Варваровской фермы, сначала и рассказывать ничего не хотела.

— Я там и родилась, и дом у нас был, но не хочу ни о чем вспоминать, тошно...

Чернова тоже считала, что порядка на ферме мало: по ее словам, бригадир рвал акты о падеже, не подписывал ведомости, требовал завешать расценки «кому надо». Она боролась, но в конце концов сдавалась. Не только с работы ушла, из родной деревни перебралась на центральную усадьбу, подальше от бригадирского гнева, благо что председатель удовлетворил ее просьбу и предоставил мужу Черновой как ветерану войны квартиру. О честности и добросовестности бывшей нормировщицы все говорили в один голос, никто не попрекал ее строптивым характером, не называл кляузницей и смутьянкой. Однако те же люди дали этой честности потонуть во лжи. Почему?

Пожилая женщина не может слышать без слез названия родной деревни. Справедлива ли такой итог трудовой биографии или это цена молчаливого стоицизма?

Председатель «Красного героя» Николай Александрович Минаев считает своим первым долгом выполнение плана. А что в отдаленной на семь километров от центральной усадьбы деревне нет мира, что обиженные пенсионерки при нехватке кадров на ферме сидят по домам, что люди боятся в открытую выражать свое мнение, что, привыкшие к грубости и хамству, они считают их явлением нормальным («с нами иначе нельзя» — помните?), — это волнует его не особенно.

А должно бы встревожить до боли сердечной. Ведь Василий Павлович Музырев, проработавший в колхозе всю жизнь, без отпусков на курорте, и известный здесь как опытный производственник, но человек со скверным характером, дал этому характеру такую волю, что искал предствления своего коллектива об отношениях между работающими людьми, обесценил для многих понятие достоинства. И уж если говорить о перспективах такого коллектива, о его способности решать задачи, которые не становятся год от года проще, то на что же полагаться? На окрик и грубость бригадира или добрую волю людей, объединенных уважением друг к другу, ответственностью за дело, им доверенное?

Труд и достоинство трудящегося человека связаны самыми крепкими узами. Человек, которого уважают, и работает лучше. Он хозяин себе и своему делу, он не даст ненароком себя оскорбить и не промолчит, когда оскорбляют другого, он не потерпит несправедливости еще и потому, что у него есть доверие и уважение товарищей.

Как же научить людей ценить в себе и друг в друге чувство собственного достоинства? Этого не сделаешь волевым решением. Чтобы «открыть» это чувство в каждом, чтобы утвердить правду в отношениях между людьми в маленькой Варваровке, нужен опыт нравственной жизни коллектива, нужна такая позиция руководителей хозяйства, при которой этот опыт был бы возможен.

Николай Александрович Минаев с живейшим интересом рассказывал о колхозных планах. Сколько же предстоит сделать: газифицировать деревни, возвести дома городского типа... Все для людей, чтобы им хорошо, удобно жилось, они это заслужили — работа в сельском хозяйстве, сами знаете, нелегкая...

Николай Александрович говорил о необходимости уважения к людям теми же словами и так же горячо, как «смутьянка» Сказочкина. Разница была в другом. Председатель считал, что уважение своим труженикам колхоз окажет завтрашними новыми стенами и бытовыми удобствами. А пенсионерка полагала, что оно и в ежедневном общении людей. И должно утверждаться сегодня, сейчас, немедленно.

Т. ШОХИНА

Пугачевский район,
Саратовская область.

Фотомонтаж Г. МАЛОФЕЕВА.

ЭХО НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

«ФАКТЫ НЕ ПОДТВЕРДИЛИСЬ...»

(1986, № 10)

Обком профсоюза работников агропромышленного комплекса сообщает, что факты, указанные в статье А. Головкина, проверены работниками обкома с выездом на место. Установлено, что в Большесолдатском ремонтно-техническом предприятии были грубо нарушены правила учета граждан, нуждающихся в улучшении жилищных условий и предоставлении жилых помещений в Курской области. На учет нуждающихся были поставлены люди, не проживающие в селе Большое Солдатское, а также те, кто имел жилищные условия, превышающие учетную норму.

По итогам проверки 16 граждан сняты с учета. В связи с тем, что решение администрации и профкома ремонтно-технического предприятия не было утверждено исполкомом Большесолдатского райсовета народных депутатов, вселение четырех работников, не имеющих ордеров на жилые помещения, признано самовольным. Они подлежат выселению.

В райисполкоме проведен семинар-совещание с руководителями и председателями профкомов предприятий, организаций и учреждений, ведущих жилищное строительство или участвующих в нем на долевых началах. Статья «Факты не подтвердились...» рассмотрена на заседании Большесолдатского районного совета колхозов. Указанные в статье недостатки признаны правильными.

Районный совет колхозов обязал руководителей хозяйств укомплектовать штаты инженеров по технике безопасности и потребовал создания безопасных условий для труда. До этого техническая инспекция труда обследовала большинство предприятий и хозяйств района. За нарушение охраны труда и техники безопасности привлечены к административной ответственности 15 должностных лиц.

Несчастный случай, который произошел 22 февраля 1986 года с начальником цеха Большесолдатского откормсовхоза А. И. Пепельюховой, расследован. Материалы расследования направлены в прокуратуру Большесолдатского района. За сокрытие несчастного случая и нарушение требований безопасности директор откормсовхоза Скоркин В. И., главный инженер комплекса Копцев В. П., инженер по технике безопасности Киселев Е. Д. подвергнуты штрафу.

Статья «Факты не подтвердились...» обсуждена на совещании председателей райкомов профсоюза Курской области. По статье принято постановление (13 ноября 1986 г.), в котором определены меры по улучшению работы профкомов хозяйств и райкомов профсоюза.

В. С. ДЕНИСОВ,
председатель Курского обкома
профсоюза работников
агропромышленного комплекса.

Сегодня мы публикуем новые стихи известной советской поэтессы Юнны Мориц. Наряду с ними — одно из самых популярных ее стихотворений «Дует ветер из окошка...», ставшее песней.

* * *

Дует ветер из окошка
На тебя и на меня.
Нож, тарелка, вилка, ложка —
Для тебя и для меня.

Свьше начата дележка
Для тебя и для меня —
Озарения немножко
Для тебя и для меня.

Капля сока, хлеба крошка —
Для тебя и для меня.
В рай волнистая дорожка
Для тебя и для меня.

Неба синяя рогожка
Для тебя и для меня.
Пощади меня немножко
Для тебя и для меня.

* * *

Какой не русский дух — в попреках,
Что люди из краев далеких
Везут плоды в мешках, в корзинках
И продают на русских рынках!

Крестьяне Азии, Кавказа
И вы, крымчане, молдаване,
Для сердца чистого и глаза —
Отрадно ваше пребыванье,

Священ ваш труд, прекрасны лица
И дивны языки, наречья!
Какой народ способен злиться,
Валить свои противоречья

На ваши дыни, мандарины,
На ваши розы и гвоздики,
На ваши горы и долины,
На ваши сакли и арыки,

На вашу душу и на тело,
На ваши юбки, шапки, блузки?..
На это пагубное дело
Народ не согласится
Русский!

Памяти Андрея Платонова

Как дожди потекут —
В землю сложаются,
К жизни выведут
Всё, что есть.
А на русской земле
Люди множатся —
Скопом легче
Свое перенести.

ЮННА МОРИЦ

Как снега полетят —
Лягут гладко,
Станет рожь
Понежней в глубине.
А на русской земле
Выжить сладко:
Каждой, каждому —
По войне...

Как полягут снега
Лаской-пухом,
Обогреют деревья
В садах.
А на русской земле,
Ясной духом,
Век с минутой
Не в ладах.

А как солнце
Воскреснет весеннее —
Станет сеяться
Свет меж людьми.

А на русской земле
Нет спасения,
Коль гордыня сильнее
Любви.

На сквере

Здесь в годы юности моей
Старушка, божий одуванчик,
Сдавала угол, стол, диванчик —
Всего за двадцать пять рублей.
Она любила молодежь,
Поэтов юных, музыкантов.
Не будь бездомен —
Не найдешь
Такой поклонницы талантов!

А жили тесного тесней,
В одной квартире —
Семь семей,
И мыли тридцать два жильца
Под краном тридцать два лица.

Диванчик пел, а стол скрипел,
Мой угол был слепяще бел.
И шел мне двадцать третий год,
И светел был событий ход.

Стиляг драконила печать,
Джаз героически сражался,
Пошел воевать права качать
И с треском самовыражался.

Поэзия пробита твердь
И каждый вечер шла на сцену —
Как на кострище, как на смерть, —
Поэтам возвращая цену.

Брала нас критика на штык,
Вопила: «Пошлость!» и «Дешевка!»
Но нас прославил каждый втык,
И это отрицать неловко!

Такие были времена,
Такие страсти бушевали...
А там, где угол мне сдавали,
Трава сегодня зелена.
И проживает одуванчик,
Где стол скрипел
И пел диванчик,
Диванчик пел, а стол скрипел,
В семи кастрюлях суп кипел,
Пятнадцать кошек, семь собак
Делили коридорный мрак,
И мыли тридцать два жильца
Под краном тридцать два лица.

* * *

Неуверенного в себе человека
Затравило искусство XX века,
Осмеяло ранимость его и стыдливость.
Я намерена восстановить
справедливость!

Вы должны попросить у него прощенье
За то, что питали к нему отвращенье,
Издавались над робостью,
чувством вины,
Вечно тыкали пальцем в его
беззащитность

И, проявляя большую начитанность,
Ссылались при этом на Фрейда и сны
Неуверенного в себе человека!

Вы о нем сочинили романы и повести,
Очернили, стыда не имея и совести
Неуверенного в себе человека,
Все пороки свои в этот образ вложив:
Двоедушие, трусость, коварство,
нахальство,
Извращенные способы выйти
в начальство.

Неуверенного в себе человека
Истребляли, травили.
Да чудом он жив!

Неуверенный в себе человек
Станет редкостью скоро,
Как в Африке снег...
Человек в себе неуверенный
Скоро вымрет, как мамонт, друзья!
Должен кто-то сказать ему:

«Не вымирайте!
Мы не будем вас мучить!
Вы с нами играйте!...»

Должен кто-то с любовью обнять его
первым,
Защитить от уверенно бьющих по нервам
Неуверенного в себе человека!
Пусть это буду я.

Рис. В. ФЕДОРОВА.

М. ВЫЛЕГЖАНИН. У меня братишки нет, у меня сестренки нет...

**ВСЕСОЮЗНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ
НАРОДНОГО
ТВОРЧЕСТВА**

Дорогие читатели!
«Крестьянка» продолжает объявленный в прошлом году фотоконкурс. Его темы:
**МОЙ ДОМ, МОЯ СЕМЬЯ.
ЖИЗНЬ МОЕГО СЕЛА.
КАК ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР.
ПРАЗДНИКИ НАШИХ БУДНЕЙ.**

Приглашаем к участию в конкурсе самодеятельные фотоклубы и, конечно же, всех фотолюбителей.

Желаем удач и ждем ваши снимки!

СТИХИ В ЧЕРНОБЫЛЕ

Римма КАЗАКОВА

...Это было в теплые дни сентября. Мне предложили принять участие в задуманном Союзом писателей рейде по Днепру с началом в Чернобыле, и я подумала: не будет ли наше «десантное» явление туда, где люди заняты трудной и опасной работой, ненужным и бестактным?

Я читала умные, достойные статьи о Чернобыле, смотрела телевизионные передачи, пресс-конференции, выступала на вечерах в фонд помощи Чернобылю, разговаривала со своими украинскими коллегами о тех драматических событиях, с горечью думала о гибели молодых пожарников, о Телятникове и его замечательном отряде, все больше ощущая потребность хоть что-то сделать для тех, кто работает в зоне аварии.

Нас было около двух десятков литераторов России, Украины, Белоруссии. Были и две иностранки, которые легко и добро вписались в нашу компанию, две студентки Литинститута, два очарования: медлительная, с настороженными глазами боящегося послушаться ребенка болгарка Звезда Чакырова и огненный бесенок, никарагуанка Альба Торрес. Не все из нас до этой поездки были знакомы, кое-кто не ладил друг с другом, что, в общем, не редкость для литературной среды. Но после нашей совместной днепровской дороги братское и сестринское чувство, мне кажется, уже никогда нас не покинет.

...Киев. Исток нашего древнего славянства, дивный, любимый город. До начала рейда у нас был свободный день, и мы поехали по городу, все больше успокаиваясь, проникаясь тем, чем живут сейчас киевляне, мужественно пережившие недавнюю беду и продолжающие — каждый! — как бы стоять на незримой вахте. Крещатик, Софийский и Владимирский соборы, Васнецов, Нестеров, Врубель, лавра, неповторимый Андреевский спуск с домом Булгакова, Подол, приметные места, так давно живущие в памяти, в сердце...

Стояло лучезарное бабье лето, и все было как в прежние годы.

Первая встреча с киевлянами... Состоялся городской митинг — так начинался наш рейд. Что и как мы скажем им? Никто нас не учил, не инструктировал, мы говорили то, что думали и чувствовали, говорили об угрозе войны и о том, что события в Чернобыле уже всем миром признаны жестоким уроком того, как опасен может быть и мирный атом. Мы читали стихи, выражая ими душевное сочувствие тем, кто пережил эти тяжелые месяцы. Мы честно сказали: издалека не можем и не имеем права судить обо всем так же, как те, кто живет здесь, но мы приехали сюда потому, что хотим в силу своих возможностей внести хоть малую толику в их переживания, жизнь, работу.

Запали в душу строки украинца Владимира Бровченко из маленькой его поэмы о Чернобыле (я перевела их на русский):

*Полночный ветер с веток листья
сбросил,
Они кружатся, полные смущенья...*

*Пойдем на площадь, у людей попросим
И у земли и времени прощенья...*

*Мы или другие, торопясь в пути,
Недодали души всеasily чисел —
Мой созданный для жизни дом, прости,
Что я недоглядел, что недомыслил...*

А на другой день был Чернобыль, а точнее — Зеленый Мыс, вахтовый поселок в сорока пяти километрах от АЭС, где живут и отдыхают труженики Чернобыля. Перед поездкой я позвонила заместителю начальника Киевского речного порта капитану Анатолию Николаевичу Жуку, с которым недавно побывала в Америке, участвуя в советско-американском круизе по Миссисипи.

— Вот правильно, Федоровна, — сказал Анатолий Николаевич, — хорошо задумано: по Днепру после нашего миссисипского вояжа! Ты расскажи им там, в Чернобыле и других местах, как на «Дельта куин» был День Украины. Как там меня американцы щупали: не больно ли, не радиоактивный... Не верили сперва, что все нормально. Я им говорю, что по Днепру плавать можно, все в порядке. Вот теперь сама пройдешь по реке — потом расскажешь всем правду. А то ведь иностранцы считают, что у нас тут вообще все вымерло. Между прочим, теплоход, на котором вы отправляетесь в рейд, лучше, чем была старушка «Дельта куин». Все там есть: и кондиционер, и горячая вода в каютах. Так что счастливого плавания!

...Время близится к полудню. Выходим на причал. Маленький портик на берегу Киевского моря. Вдалеке — проходная, за ней выстроились в ряд четырнадцать теплоходов Волжского речного пароходства. Пока строился вахтовый поселок на десять тысяч человек, эти теплоходы — дома для тех, кто работает в зоне АЭС. Нас встречают. Я сразу как-то выхватила взглядом румянощеку, улыбающуюся женщину — Галину Ивановну Трянову, секретаря Припятского горкома партии. Она рассказала, как много было желающих приехать в Чернобыль на помощь после аварии, как сейчас здесь живут и работают. Но слушать ее внимательно и по-журналистски четко все записать не пришлось: зафырчал мотоцикл — и вся наша братия ринулась к первому настоящему рабочему-чернобыльцу. И хоть были с нами еще теле- и радиожурналисты из Киева, Володя Шеманков не растерялся, стал охотно рассказывать о себе, о товарищах.

Приехал он в город Припять из Белоруссии, женился и остался навсегда. Сейчас работает на плавучем самоходном кране,

который разгружает щебень, бетон, трубы и другие строительные материалы. Есть здесь народ и из других мест. Этот, в рабочей робе, — Виталий Григорьевич Бурик. Приехал из Курска. «Нас тут двенадцать ремонтников с Курской АЭС, — рассказывает он. — Чистим теплообменное оборудование для генераторов. Все мы чувствуем себя хорошо. Шесть человек уже уезжают домой...»

Они — и Шеманков, и Бурик — наверное, задали тон нашему ощущению Чернобыля сегодняшнего дня. Были в их жестах, словах будничность, отсутствие нервозности, суетливости и одновременно приподнятость людей, понимающих, что они делают очень важное дело. Для всех! Не только для округи или тридцатикилометровой зоны. Они продолжали эстафету славных пожарников, первыми встретивших беду и жизнью своей погасивших ее настолько, насколько хватило их жизни...

Пройдя через контрольный пункт, где юный дозиметрист поводил по каждому из нас прибором, похожим на увеличенных размеров утюг, и установил, что прибор на нас не реагирует, мы направились на теплоход «Карелия». Выбор на него пал случайно: мы просто должны были немного переждать, когда пообедают свободные от вахты люди. В салоне постепенно скапливался народ. Сначала медленно, смущенно с обеих сторон, но с каждой минутой все сердечнее начал разматываться разговор о житье-бытье. Я сидела рядом с двумя симпатичными женщинами. Одна — Любовь Омельчук, насосный мастер из Припяти. В ее бригаде шесть человек. Работают в три смены по двое. Качают и очищают воду для нужд зоны АЭС. Пятнадцать дней работают, пятнадцать отдыхают в профилактории. Постоянный медицинский контроль.

— Чувствуем мы себя, честно скажу, хорошо, — признается она. — Вначале было очень не по себе, знаете — страх. А сейчас все хорошо. И еще я очень довольна, что дети мои устроены. Дочь-восьмиклассница будет пока учиться в киевской школе, ПТУ моего сына временно переведено...

Другая женщина больше молчала, только улыбалась. Я спросила, как ее зовут. Людвина Кузьминична Лебедневская. Три года назад приехала из Белоруссии в Припять...

Пришел капитан «Карелии», куйбышевский речник, молодой, но уже опытный и внушительно пышнобородый Александр Михайлович Меркулов.

— «Карелия» здесь с начала июля, и, по сути, я теперь директор гостиницы, ибо мы — жилье. Стоять будем всю зи-

му,—рассказал нам капитан,—и проблем много. На теплоходе живет 180 человек, занимающихся в основном дезактивацией подземных коммуникаций. Всех надо накормить, создать условия для нормального отдыха... Не помешали ли вы своим приездом? Да что вы, люди наши очень интересуются литературой!

И вот мы разбиваемся на группы и идем по теплоходам уже на организованные литературные встречи. Мы читали стихи, отвечали на вопросы, говорили о политике, о любви, о дорогах человечества и наших малых, но таких важных для каждого жизненных путях.

Как и предполагал капитан Жук, мне пришлось рассказать и об Америке, где многие осуждают милитаристскую политику, не хотят войны, о Дне Украины на шедшем по Миссисипи пароходе «Дельта куин», о том, как американцы пробовали украинское сало, отплясывали вместе с нами гопак и подпевали украинским песням...

Окончание этой встречи было совершенно неожиданным. Встала женщина, вся какая-то осянная, с повлажневшими глазами. Назвала себя: Аделия Николаевна Вилюра. Оказалось, мы с ней старые знакомые. Четыре года назад, когда мы с поэтом Петром Вегиним приезжали в Чернобыль и проводили в Припятском Дворце культуры поэтический вечер, Аделия Николаевна была там. А в конце своей взволнованной речи она призналась, что сама пишет стихи, и прочла трогательное сердцу, совпадающее с нашим общим настроением стихотворение с финальными строчками: «Люди, любите друг друга!»

...От Зеленого Мыса днепровская дорога последовала до Черкасс, потом — Кременчуг, Запорожье с легендарным Днепрогэсом и казацкой Хортицей, Херсон, Одесса. Митинги, посвященные острой проблеме сохранения мира, вечера поэзии, встречи. Короткие, но такие прекрасные дни на земле, связанной с именами Богдана Хмельницкого, Шевченко, Пушкина, Гоголя, Макаренко.

И все-таки в центре этого памятного отрезка жизни останется, наверное, Чернобыль, его подвижники, его трудовая бесменная вахта. Теперь по-особенному понимаешь, что главное сейчас в мире — солидарность, сплоченность людей перед лицом всеобщей беды. Как сплотились наши люди, чтобы противостоять большому горю, чтобы максимально быстро погасить его последствия, так и все человечество должно сплотиться, чтобы предотвратить ядерную войну.

...А Днепр течет, несет свои воды через земли родных сестер — России, Белоруссии, Украины. То голубой и золотой от неба и полуденного солнца, то предвечерне темный, задумчивый, спокойный, похожий и непохожий на Волгу, на Миссисипи, на Амазонку и Ганг, как похожи и непохожи все люди на земле. Но есть одна общая для всех река. Имя ей — жизнь. И надо, чтобы волны этой великой реки навсегда сохранились чистыми, незамутненными, живительными!

НАВСТРЕЧУ ВСЕМИРНОМУ КОНГРЕССУ ЖЕНЩИН

Этим летом столица нашей Родины Москва станет радушной хозяйкой большого международного форума — Всемирного конгресса женщин. Он созывается одной из самых крупных и влиятельных в мире общественных организаций — Международной демократической федерацией женщин (МДФЖ). Конгресс открыт для всех национальных, региональных, международных неправительственных организаций, а также ООН и ее специализированных учреждений, деятелей самых различных политических и идеологических взглядов, убеждений и религиозных верований, для всех, кто отстаивает прочный и безопасный мир, кто содействует тому, чтобы человечество могло вступить в 2000 год без ядерного оружия, в условиях равенства и социального прогресса.

На конгрессе предполагается всестороннее обсуждение конкретных действий и совместных усилий, отвечающих интересам, заботам и нуждам самых широких слоев женщин, их организаций и движений, выступающих за осуществление целей Десятилетия женщины ООН — равенство, развитие, мир, — за реализацию перспективных стратегий и других документов, принятых на Всемирной конференции ООН в Найроби.

В этих целях в соответствии с решением Бюро МДФЖ на конгрессе будут работать 8 комиссий и 3 центра. В комиссиях планируется обсуждение таких тем, как мир и разоружение; положение трудящихся женщин; сельские женщины; семья; развитие и экономическая безопасность; национальная независимость и демократия; воспитание в духе мира и роль средств массовой информации; сотрудничество в осуществлении Найробийских перспективных стратегий.

Впервые в истории проведения Всемирных конгрессов будет действовать центр «Женщина и социализм». Работа этого центра позволит показать, как претворялись в жизнь в социалистических странах основные положения ленинского учения по женскому вопросу на разных этапах развития общества.

Сейчас во всем мире полным ходом идет подготовка к конгрессу.

Широкие консультации, проведенные МДФЖ с различными международными, региональными и национальными организациями, свидетельствуют о демократичной и открытой форме подготовки конгресса. Его лозунг и платформа, как и темы комиссий и центров находят полную поддержку среди женских организаций разнородной политической ориентации всех континентов.

В ходе консультаций был высказан целый ряд предложений по программе конгресса. Так, например, предлагается провести специальные заседания по вопросам мира и безопасности в азиатско-тихоокеанском регионе, по положению в Центральной Америке, на Ближнем Востоке, на юге Африки.

Всемирная федерация профсоюзов предложила организовать рабочую группу на тему: «Женщины в профсоюзном движении», Международная организация журналистов — «Женщина в журналистике» и другие.

Во многих странах созданы национальные подготовительные комитеты, которые включают в свой состав представителей различных женских движений. В ряде стран началась работа по сбору средств для оплаты проезда участников конгресса, а также изготовление различных поделок и игрушек для Базара солидарности, который будет открыт на конгрессе.

Радушно, гостеприимно, заботливо готовятся встретить делегатов и гостей конгресса его хозяйки — советские женщины. Им предстоит решить немало организационно-технических вопросов, чтобы обеспечить условия для плодотворной работы конгресса и чтобы его участницы, прибывшие в Москву со всех концов земли, чувствовали себя в нашей столице как дома. Комитет советских женщин вместе с другими общественными организациями и ведомствами готовит целую серию художественных и фотовыставок, конкурсы детского рисунка, фильмы, плакаты, красочные буклеты, рассказывающие о жизни женщин и их участии в борьбе за мир.

«Добро пожаловать!» — говорят советские женщины делегатам и гостям Всемирного конгресса.

Н. КИСЕЛЕВА,
главный редактор русского издания
журнала «Женщины мира».

Детей у них не было, они сами были как дети. Дмитрий Петрович часами возился в гараже с оранжевым «жигуленком». Мария Степановна посвящала досуг заветной тетради с выписками. Откроет, допустим, на случайной странице — и вслух прочтет, шевеля пухленькими губами: «Все мы родом из детства». И тихонечко засмеется. Или кивнет согласно, увидев любимое изречение: «В человеке должно быть все прекрасно...»

— Моя Муся живет в мире мудрых мыслей, — шутит Дмитрий Петрович, когда друзья начинают расспрашивать о семейных делах.

А какие дела? Тишина, покой. Шуршание бумаги, летучий бег пера, прерывистые вздохи Муси, насвистывание Дмитрия Петровича, возвращающегося из гаража или направляющегося в гараж.

Когда-то он работал инженером на заводе автоприцепов, но потом сообразил, что на инженерскую зарплату машину не купишь. Перешел на конвейер слесарем-наладчиком, и вот не успел оглянуться, как все сбилось: и гараж, и машина, и прочие блага.

— Зачем вам автомобиль? — ворчала Нина Прокопьевна, мать Муси. — Завод рядом, дорогу перейти... ездить никуда не требуется.

Дмитрий Петрович не спорил, а только насвистывал: ведь машина уже была куплена, чего ж попусту дискутировать? А теща все продолжала ворчать, несогласная с такой расточительностью. Она побаивалась неразговорчивого зятя, он казался ей прямо-таки загадочной личностью: на завод всегда ходил в галстуке и выглаженном костюмчике, а дома — в плавках и майке, и в разговоре все шуточки-прибауточки-отговорочки, ни слова всерьез, и она никак не могла к нему приспособиться и привыкнуть, даже обращалась каждый раз по-разному: то по имени и на «ты», то на «вы».

— Мне кажется, Дима, что вы свою ненаглядную машину любите больше, чем Мусю, — замечала Нина Прокопьевна, поджимая бледные губы.

— Мама, оставь нас в покое, — вздыхала Муся, заступаясь за мужа. — Машина ведь общая, семейная. Дима ее не только для себя покупал.

— А для кого же? — ехидно шурилась теща. — Что-то не вижу я, чтобы ты на ней каталась...

— А вот и ошибаешься. Завтра, например, мы за грибами едем, — сказала Муся. — Правда же, Дима?

— Замetano, — подтвердил муж. — Мамаша, айда с нами?

— Нет уж, спасибочки, — отказалась Нина Прокопьевна.

И на другое утро, в солнечную сентябрьскую субботу, помчались супруги на собственном оранжевом «жигуленке» за город, в лес.

Свернув с шоссе, Дмитрий Петрович проехал в глубь леса по тропе и там, на поляне, остановил машину. Оранжевый автомобиль отлично смотрелся на фоне осенней пестрой листвы, и Дмитрий Петрович, выйдя из машины, долго не мог на нее налюбоваться.

Место оказалось и впрямь грибное. нынешняя осень вообще, как известно, была урожайной во всех отношениях. И ягоды, и грибы. Даже белые попадались, что для наших сибирских мест совсем редкость. А уж маслята, подберезовики, лисички, опять — хоть косой коси. Даже Дмитрий Петрович, обычно равнодушный к дарам природы, и тот увлекся. Впрочем, время от времени он оглядывался и проверял, на месте ли оранжевый «жигуленок». А вот Мусю он как-то упустил из виду — и примерно через час спохватился: где ж она? Дмитрий Петрович огляделся, крикнул:

— Муся! Ау!

Но никто не ответил, не отозвался. Тогда он быстренько совершил круговую пробежку, держа в центре зримого круга опять же свою машину. Никого! Жена как сквозь землю провалилась. «И когда она успела уйти так далеко? — раздраженно подумал Дмитрий Петрович. — Ведь только что рядом была...»

— Муся! Муся! — кричал он. — Ау! Муся!

Лишь эхо ему откликалось.

Дмитрий Петрович не на шутку встревожился. Подбежал к машине, стал громко сигналить, но и на этот механический призыв не донеслось живого отклика. — Что же делать-то?... — растерялся Дмитрий Петрович и глянул на машину, словно советуясь с умным другом.

Дмитрий Петрович долго еще блуждал по лесу, кричал до хрипоты, чуть сам не заблудился — и все без толку.

Муся пропала, потерялась, исчезла. Среди бела дня. Совсем как в сказке: пошла Маша за грибами и заблудилась.

Унесли ее гуси-лебеди... А куда унесли? Подумав об этом, Дмитрий Петрович невольно улыбнулся, но тут же согнал с лица улыбку: «Что же делать-то?! Тут ведь тайга вокруг на сотни километров!»

Солнце клонилось к закату. Дмитрий Петрович отбросил полиэтиленовый мешок с ненавистными грибами. Быстро сел в машину, выехал на проселочную дорогу, заметил место сворота и решил отъехать подальше, куда, по его предположениям, могла уйти Муся. Он медленно ехал и сигналил через каждые несколько метров.

Над лесом опустились сумерки. Дмитрий Петрович долго и безуспешно разыскивал заблудившуюся жену. А когда совсем стемнело, он вернулся в город.

Заехал домой — в квартире Муси, конечно, не оказалось. Позвонил Нине Прокопьевне — нет, Муся не появлялась... А что случилось?! Дима! Дима!

Но он уже бросил трубку. Бегом вниз, в машину. Приехал в милицию, подал заявление. Пообещали: примем все необходимые меры, но должен пройти суточный срок — вдруг она сама вернется?

Муся к утру не вернулась. Тогда начались настоящие поиски. И милиция с собаками, и сам Дмитрий Петрович отправились на вчерашнее грибное место. Весь день искали — и ничего.

На третий день к поисковой группе присоединились работники военкомата, где Муся служила машинисткой. И многие заводские друзья Дмитрия Петровича тоже включились в охоту. И все бесполезно.

Дмитрий Петрович похудел, осунулся.

Рис. А. ЯЦКЕВИЧА.

Не шутил, не навистывал, как прежде. По вечерам сидел дома, слонялся по пустой двухкомнатной квартире. Иногда вдруг ему казалось, что все это розыгрыш, нелепая шутка и вот сейчас, в любую минуту, входная дверь распахнется и на пороге появится Муся — круглолицая, в рыжих своих кудряшках, засмеется и бросится ему на шею, и все мигом станет на свои места.

Но Муся не возвращалась. Зато пришла ее мать, Нина Прокопьевна.

— Где моя дочь? — скорбно произнесла она, остановившись на пороге.

— Вы же знаете...

— Ничего я не знаю! Я там не была. Я знаю одно: моя дочь уехала с вами в лес... И вот ее нету...

— Вы на что намекаете?!

— Где моя дочь? Отвечайте!

Он в испуге попятился.

— Да разве я виноват? — прошептал Дмитрий Петрович.

— А кто же? Если б ты любил ее, не бросил бы в лесу!

«Неужто она права?!» — подумал он.

— Я знаю — ты беспокоился о своей проклятой машине, — сказала Нина Прокопьевна. — А про Мусю и думать забыл...

— Послушайте! Почему вы говорите со мной как с врагом? — обиделся Дмитрий Петрович. — Ведь Муся — моя жена... и я не меньше вас волнуюсь!..

— Да брось ты, — перебила она. — Уж мне-то хоть очки не втирай. Я ничего не забыла. Ты ведь и жениться не хотел — разве не так?

— Ну-у, когда это было, — смутился он. — И охота вам вспоминать...

— Как же такое забудешь. — Она вскрикнула. — Если б Муся тогда не забеременела, ты б и не женился.

— Но ведь я женился! Как честный человек, я понимал...

— Ой, не надо. Кому нужна твоя честность? Ей нужна была твоя любовь...

— Зачем вы так?

— А как иначе, Дима?.. Ваш ребенок умер на второй день после рожде-

ния — помнишь? Ты и это поставил ей в вину. А потом вдруг в тебе проснулись отцовские чувства — и ты потребовал: хочешь ребенка. Хотя знал — уверена, что ты знал от врачей! — знал, что детей у нее никогда не будет... Ты знал! Зачем же ты мучил ее, зачем повторял: вот бы нам ребеночка... зачем?

— Я хотел...

— Ничего ты не хотел, Дима! Единственное существо в мире, которое ты любил и любишь, — твоя ненаглядная машина! Разве не так? Ну, скажи: разве не так?

Он ничего не ответил.

Когда Нина Прокопьевна ушла, он лег на диван и закрыл глаза, но заснуть не мог. В ушах продолжали звучать слова: «Разве не так? Разве не так?»

Дмитрий Петрович вскочил, сел на краю дивана, уставился в стену. Он вдруг поймал себя на мысли, что уже почти смирился с тем, что Муся исчезла, пропала, совсем, навсегда... нет, он будет, конечно, продолжать поиски, он будет искать до конца, до упора, до зимы, до весны... пока не прочешет всю тайгу... Но в душе-то, но в глубине-то души — он ведь уже сейчас почти привык к ее отсутствию. Он боялся задумываться о страшных подробностях ее возможной гибели (жуткие картины мелькали в его сознании, но он отгонял их прочь), он просто смирился и сдался. Ему даже перед самим собой было стыдно признаться, но ведь это же было, было: он в особо грешные мгновения начинал уж заглядывать в будущую свою свободную жизнь — и мелькали, опять же секундно, ярко и мимолетно, картинки той

будущей жизни: какие-то субтропические пейзажи... морской прибой... незнакомые женские лица... яркие манящие губы...

Он отмахнулся от навязчивых этих видений и быстро прошелся по опустевшей пыльной квартире. Распахнул дверцы шкафа — и увидел сиротливо висящие на плечиках платья жены. Он прикоснулся дрожащей рукой к шелковой гладкой поверхности, осторожно провел пальцами... потом тронул мягкое трикотажное платье, купленное совсем недавно... И вдруг ему показалось, что платья эти живые!.. Они трепетно прижимались к его рукам, лънули к нему, они еле слышно шуршали и шелестели, издавали родной, нежный запах...

— Муся... — прошептал Дмитрий Петрович и прижался лицом к этим душистым сиротливым призракам, к мягким живым оболочкам, в которых таилась душа заблудившейся, потерявшей хозяйки. — Муся, родная моя... Муся!.. Прости меня за все! У меня нет никого, кроме тебя...

Он поцеловал ее платья, а сердце его надрывалось от нестерпимой боли.

Дмитрий Петрович накинул куртку, выбежал из дома, распахнул дверь гаража — и уже через минуту рванул на машине за город.

Конечно, это было не очень разумно — ехать в лес среди ночи, одному... Но он ни о чем не думал, не рассуждал, он знал: надо искать.

Остановив машину на том самом повороте, Дмитрий Петрович заглушил мотор, вышел и, не оглядываясь, углубился в лесную чащу. Ночь. Мрак. Он знал, что наверняка может не найти обратную дорогу, может вполне и сам заблудиться, а уж машину свою потеряет — это как пить дать. Но он не думал об этом. Он знал лишь одно: если сегодня же, нынче ночью, он не разыщет Мусю, то лучше ему вообще не возвращаться из этой проклятой таежной глухомани...

И он ее нашел! Столько дней ее безуспешно разыскивали — и милиционеры с собаками, и военкоматские офицеры, и заводские друзья-товарищи. А он один, ночью — и нашел!

Он обнаружил ее в заброшенной охотничьей избушке, вдали от проезжих дорог, километрах в пятнадцати от ближайшей деревни. Ну, точно как в сказке: унесли гуси-лебеди девочку Машу в избушку на курьих ножках... И ведь что удивительно: Дмитрий Петрович никогда раньше не бывал в этих глухих местах, однако шел ровно и прямо, шагая не по дороге и не по тропе, шел, проламываясь через кусты и густой валежник, шел, ни о чем не думая и ничего не боясь, — и добрал наконец-то до покосившейся избушки, где в сыром непроглядном мраке, на низких нарах, забившись в гнилое тряпье, подтянув по-детски колени к подбородку, спала измученная, голодная Муся.

— Ну вот наконец-то, — тихо сказал Дмитрий Петрович.

Он не стал ее будить. Он знал, что сейчас, среди ночи, им отсюда не выбраться. Он решил: доживем до утра.

Про оставленную где-то машину он даже и не вспомнил.

— Был разговор на селе:
— Огора строится.
— Ведь ему колхоз квартиру предлагал...
— Не захотел.
— Свой дом, говорит, сам строить буду.

Кто помоложе, сомневался: а хлопот-то сколько, осилит? Кто постарше, кивал с одобрением: хорошее дело. Если человек строит дом, значит, большую жизнь задумал. Значит, дорога ему земля отцов и дедов.

А люди поговорили и задумались. Невелика пока собственная семья Николая Огоры — жена Валентина и дочка Алла, — надо помочь! Дочке двух лет не было, когда начали рыть яму под фундамент нового дома. Помогали родственники, помогали соседи, просто односельчане. И правление колхоза имени Ивана Франко не поскупилось: и техникой подсобило, и материалами обеспечило. За три года всем миром построили дом. Алле пять исполнилось. Дом, в котором ей жить, вырос на ее детских глазах. Алле он очень нравится, особенно как пахнет все новое: стены, окна, струганые доски пола. Родители тоже довольны домом, просторным и удобным. Гордятся им и село Пустовиты — 30 человек принимали участие в стройке, и каждый, проходя мимо, нет-нет, да и заглядится на оранжевый огонек: как они там, счастливы?

Все село могло видеть счастливые лица хозяев в день переселения. Мать Николая, Мария Александровна Огора, испекла хлеб. А мать Валентины, Евдокия Андреевна Господарская, угощала гостей прозрачным холодцом. Чего только не было на праздничном столе! Конечно, односельчане желали Николаю и Валентине долгой жизни, конечно, поздравляли с новым жильем и, заглядывая в будущее, дали добрый совет: «Большой дом для большой семьи!»

Село Пустовиты,
Мироновский район,
Киевская область.

Т. ИВАНОВА
Фото Е. МАТВЕЕВА.

СЛАДИЛИ ДОБРЫЙ ДОМ

Удался хлеб
собственной выпечки...

На дворе дрова для пер-
вой зимы в новом доме.

Есть чем угостить:
у хозяев всего впрок!

Полыхала премия

● Не беда, а обида.

● Во всем виноваты «бывшие»?
● Факты подтвердились — а что дальше?

«Беда у нас не беда, а обида на руководство большая. Заработала наша ферма в 1984 году за высокие показатели в республиканском социалистическом соревновании премию в сумме 800 рублей. Собрали нас, похвалили, выпел дали, а вот денег ждем по сей день. Такой же случай повторился и за 1985 год. Нам обидно, что такое отношение к нашему труду. Всю душу вкладываем в работу, а заботы о нас нет».

(Из письма доярок Малосередкинской фермы № 4 колхоза «Заветы Ленина» Мокроусовского района Курганской области.)

«...факты, изложенные в письме коллектива доярок Малосередкинской фермы, полностью подтвердились. Подобное положение сложилось в результате безответственности руководства колхоза, нарушения им финансовой дисциплины».

(Из письма в редакцию первого заместителя председателя Агропромышленного комитета Курганской области Г. И. Лямзина.)

В этих двух письмах в редакцию, собственно, вся история, ради которой я ездил в Курганскую область. А между письмами — сама поездка. И о некоторых ее подробностях придется рассказать.

Куда все же делись те деньги, которыми доярок наградили, так сказать, «платонически» — объявили сумму премии и не выплатили? В РАПО тут же дали справку — 800 рублей (за работу в 1984 году) поступили на счет РАПО 5 апреля 1985 года, колхозу перечислены 30 апреля. 600 рублей (премия за победу в соревновании 1985 года) поступили на счет РАПО 13 мая 1986 года, колхозу перечислены 30 июня. Деньги двигались исправно по рельсам финансовых правил, а тупиком стала колхозная бухгалтерия. Отсюда они не стронулись, пока не вмешалась редакция. Правда, меры были тут же приняты.

Ну, а те, кто, говоря словами Г. И. Лямзина, «допустил безответственность и нарушение финансовой дисциплины», их принятые меры как-то коснулись? Нет, не коснулись. Некого касаться: за последние два года в хозяйстве сменилось четыре бухгалтера, два председателя колхоза, несколько зоотехников. О тех, кто прямо виноват в случившемся, говорят сегодня с добавкой «бывший» — и секретарь партийной организации колхоза П. Н. Просеков так говорит, и председатель профкома Л. А. Жевлакова.

Земля в колхозе плохая, урожаи невысокие. Трудно работать, очень трудно...

Люди, к которым были адресованы претензии доярок, получалось, сами нуждаются в сочувствии. Я бы, может, им и посочувствовал, да одно мешало: женщины с Малосередкинской фермы. В старом, полуразвалившемся коровнике, где нет почти никакой механизации, в грязи и холоде, без спецодежды, без выходных и даже без отгулов работают они. И хорошо работают, даже в республиканском соревновании два раза подряд победителями вышли. Значит, и в тяжелых условиях добросовестный труд, в который, как пишут доярки, душа вложена, дает свои плоды? Так с чего же жалеть людей, которые, как ни крути, если прямо не виноваты, то причастны к тому, что трудолюбивые, добросовестные работницы терпят неудобства?

Особенно расхотелось жалеть того же Петра Никандровича Просекова после собрания на ферме — оно собралось как бы само собой, стихийно, когда мы пришли.

Уже не о премии шла речь — об отношении к людям. Что со спецодеждой плохо: резиновых сапог вообще не дают, а халаты шлют огромных размеров, сами, говорят, перешьете. Что в магазин привозят то, чего на центральной усадьбе не берет никто. Что не выбраться никуда — автобусы ходят как попало. Что на ферме сыро, без резиновых сапог нельзя никак, а главное — холодно.

Вот оно в чем дело. Не только шифера не хватает в колхозе — не хватает умения уважать людей. Простого внимания к ним не хватает, на которое не нужно «выбивать» фонды. В человеке, в руководителе, в партийном, в профсоюзном работнике это внимание предполагается их чувством ответственности. А тут не только помочь — выслушать людей не хотят.

Собрание он мог бы провести (или подсказать, чтобы провели) еще в тот раз, когда доярки обратились к нему за разъяснениями о «пропавшей» премии.

Обращались они и к Людмиле Алексеевне Жевлаковой в профком: и по поводу механизации, и по поводу спецодежды, и по поводу премии. Обращались тчетно. Председатель профкома не сделала после жалобы доярок самого простого: в бухгалтерию не позвонила. Была ведь премия, была уже на счете колхоза. Вручить бы ее в самой торжественной обстановке, объяснить всем, что и в трудных условиях можно работать хорошо, даже очень хорошо. И работа эта будет непременно замечена, награждена.

В автотранспортном управлении можно было рассказать про малосередкинских доярок: вот вы каких замечательных работниц заставляете по полдня автобусов ждать. В райторге вопрос поставить: люди во Всероссийском соревновании победили, а вы не даете им возможности школьную форму для детей, валенки на зиму купить?!

Премия давала много возможностей. Не использовали ни одной. Умудрились этой премией даже обидеть людей, принудив ее добиваться через редакцию. Потому что не делали своего дела так же добросовестно, как малосередкинские доярки. И «списали» все, чего не сумели, на «бывших».

Ил. БУТИН

У НАС

ПЛЫЛИ ДЕВЧОНКИ НА РЕЧНОМ ПАРОХОДИКЕ

Километров на двадцать пять растянулось по правому берегу Печоры село Усть-Цильма. Ему без малого полтысячи лет. «Золотым сундуком» печорской старины называют Усть-Цильму. Собранные здесь рукописные фолианты, мастерски исполненные полууставом, хранятся в Древле-хранилище Пушкинского Дома в Ленинграде.

Известен этот край фольклористам и этнографам, кинематографистам и художникам, потому что живы в нем исконные песни и хороводы. По старинным фасонам шьет наряды местная мастерская. Традиционной одеждой из шелков и парчи обшивают внучек бабушки.

Вот как передает, например, рассказ мастерицы Марфы Николаевны Тирановой московская исследовательница Юлия Краковская. «Ницё вы, молодежь, не понимаете. — вразумляла Марфа Николаевна гостью. — Я гляжу на свою дочку: што в избе, к скотине, к печке, в клуб, в институт — нам все едино, каким цветом и зимой, и летом... А еще культурны! К примеру, вот в этом сарафане на «горку» — печорский хоровод — не выйдешь. Почему? Да потому, что в этом — в гости... Опять же на какой случай гостей созывают. Если именины — надо получше надеть сарафан. Да не этот, Юлья! Этот самолучший, на «горку». Ежели такой в гости надеть — хозяев обидишь: подумают — заносишься, гордишься, лучше всех хочешь быть, вырядилась, как луковица. Хуже надеть нельзя тоже, подумают: не уважаешь хозяев, надела што ни попало, как на грязную работу. Ну вот этот, темно-зеленый, в самый раз в гости. Плат к нему уж светло-зеленый будет или парчовая «половинка» светлого золота... А этот сарафан в «средни гости» (там шурин приехал на побывку к соседям аль кака родня). Этот на праздники больши. Этот — на средни...» Чтобы весь усть-цилемский этикет соблюсти, надо сарафанов двадцать нашить.

А какой же праздник на «горке» собирается! Нигде такого не увидишь. Не случайно режиссер-кинодокументалист Борис Карпов приехал со съемочной группой на Печору, чтобы заснять этот хоровод. Полыхала на солнце парча, горели шелка. Шестьсот сарафанов в кругу да шестьсот по-за кругом. Мужчины в орденах, парни в красных рубахах!

На одной из усть-цилемских «горок» попросил меня московский художник Андрей Козловский познать его с Александрой Алексеевной Дуркиной и Федорой Петровной Малышевой. Видно, заметил он военные медали на их сарафанах, заинтересовался. Отошли мы в сторону, присели. Стали женщины рассказывать.

...Оказывается, весной 1943 года сельсовет проводил мобилизацию в Печорское речное пароходство. Мужчины на фронте, на призыв откликнулись лишь девушки. Так

В ГОСТЯХ

Исконные северные промыслы — занятие для мужчин. Но если тундру, тайгу покидает женщина — разоряется оленеводство, хиреют охота и рыбное дело.

Наверное, поэтому такое заметное место занял раздел «Тундровичка» в журнале «СЕВЕРНЫЕ ПРОСТОРЫ». Языком фотографии, очерка, публицистики это новое издание рассказывает о труде и жизни на Крайнем Севере, знакомит читателя с уникальными предметами быта и промыслов коренных северян, со способами изготовления одежды, обуви, с традициями в питании и заготовке продуктов впрок.

Александра Дуркина и Федора Малышева стали кочегарами на речных пароходиках. В местных рейсах научились держать пар на пределе, занимались ремонтом. Потом узнали, что будут перегонять печорские буксирные речники на Западно-Сибирского и Нижне-Иртышского пароходств, выполнявшим срочные заказы фронта. Путь на Обь не только реками, но и двумя студенными, известными своим коварством морями.

Перед экспедицией наглухо задраили иллюминаторы. Проверили запасы угля, воды. Без гудков и сигнальных огней ушли вниз по родной реке. В Нарьян-Маре собрались пятнадцать буксиров с известными по Печоре именами — «На вахте», «Профсоюзник», «Плотник», «Металлист», «Волга», «Иртыш»... Связали тросами караван, и трапальщик повел их в Печорскую губу.

С каждым часом волны становились все круче. Многие девушки страдали от морской болезни. И все-таки работу свою делали справно. Устыцилемки оказались из самых стойких. Без отдыха несли по две, даже по три вахты подряд.

— Только одного тогда боялась, — вспоминает Александра Алексеевна, — как бы самой в топку от усталости не угодить...

Но предстояло еще «семь бед». При подходе к проливу Югорский Шар подорвался на mine и затонул ведущий караван трапальщик. А тут радиограмма: грядет сильный шторм. Решили продолжать путь, несмотря на штормовое предупреждение... Девять баллов на море. Лопнули тросы, соединявшие буксиры, разметало их.

— Других судов не видно, — рассказывает Александра Алексеевна. — Куда идем, не ведаем. И так сутки, вторые, третьи. Потом вышла на палубу, вижу: сигнальные огни — корабль военный! Девки, кричу, смотрите, «морьяк» нас подбирает!

Думали уложиться в неделю, а потребовалось шестнадцать суток. Позже устыцилемки трудились на сибирских реках.

— Горы хлеба перевезли, — вспоминают они. — До сих пор, как увидишь речной буксир, так сердце и замирает. Да прежних на Печоре не осталось. Только «Щорс», но и тот лишь с виду похож на довоенный: кочегарки в нем и в помине нет...

Не так давно маршрутом тех печорских буксиров прошли туристы усть-цилемского клуба «Полярная звезда». На скоростных лодках типа «Обь», с моторами «Вихрь-25». И что вы думаете? Спортсменам потребовалось сорок семь суток!

В. ОСТАШОВ

с. Усть-Цильма,
Коми АССР.

РОЖДЕННОМУ — ИМЯ И ПЕСНЯ

У чукчей был обычай: при рождении ребенку дарили именную песню. Дали такую песню и мне. Фольклор Чукотки не только часть моей работы, но и часть жизни, начиная с самого первого дня.

В конце пятидесятых годов я после педучилища вернулась в родную усть-бельскую тундру. Работала в красной яранге учительницей. Не хватало подходящих учебных текстов. В тех, что были, речь шла о садах и огородах. Но яблони на Чукотке не растут, теплицы с огурцами и помидорами стали появляться позже. А ведь тексты для закрепления правил грамматики родного языка должны быть близки и понятны.

И вот по вечерам, когда оленеводы собирались у костра, я пристраивалась за спинами стариков сказителей. Вынимала химический карандаш, доставала тетрадку и писала, писала. Пальцы немеют, но не попросишь же рассказчика: не торопись, мол, говорите медленнее. А магнитофоны тогда были редкостью... Но все мои труды окупались на уроках: какое удовольствие было преподавать по легендам и песням, услышанным от таких мастеров народного слова, как Атэкай, Тынагыргын...

Потом мне приходилось участвовать в составлении сборников сказок и преданий, организовывать фольклорные экспедиции. Теперь каждый год жду не дожусь лета и новых поездок. Стараясь привлечь в экспедиции художников, музыковедов, издателей. Оказалось, что и собирать фольклор надо уметь, что эта работа требует не только выносливости, но и своей системы, специальных знаний.

Стоит ли доказывать, что фольклор способен помочь науке раскрыть многие тайны? Мне, например, многое подсказало общение с землячкой из Усть-Белой Екатериной Александровной Рультинуут. Мастер редкого и труднейшего жанра — горлового пения, талантливая сказительница, она знает сказки, пришедшие с далеких островов Северного Ледовитого океана. Или Галина Николаевна Алексеева, она работала в Уэлькальской пошивочной мастерской: всю жизнь прожила среди морских охотников, никогда не кочевала по тундре, а сколько мы услышали от нее оленных легенд... Эти люди помогают воссоздать историю отношений между разными группами чукчей, между «оленными людьми» и «береговыми».

В Магаданской области, кроме чукчей, живут представители других северных народностей — эскимосы и эвены, коряки и якуты... Эвенский и эскимосский фольклор постоянно изучается, а вот корякским, например, пока занимались мало. В Северо-Эвенском районе, в селении Верхний Парень, где живут коряки, я нашла добровольных помощников — учителя, оленеводы, секретарь сельсовета переводили мне сказки верхнепареньских старожил. И все-таки, не владея корякским языком, я не смогла уловить многие нюансы повествования. Мы говорили с местными жителями о том, что им необходимо воспитать энтузиастов-фольклористов из своей среды. Многого можно увидеть по-новому в истории нашего края, узнавая корякские сказания о происхождении чукчей или об эвенских традициях...

Еще в педучилище мне посчастливилось связать свою судьбу с самостоятельным музыкально-хореографическим искусством Чукотки. Тогда в Анадырь приехал из Магадана Валентин Португалов — поэт, актер, режиссер. Этого искусственного в студенческом искусстве человека поразила студенческая самостоятельность педучилища. Он начал работать с нами, и возник ансамбль, который впоследствии стал основой профессионального коллектива «Эргырон».

Ныне в Магаданской области более двадцати самостоятельных национальных коллективов. И какие энтузиасты в них работают!

Человеком-ансамблем называли Ольгу Петровну Геунтонау из селения Энмелен, она руководила хореографическим коллективом «Ракушка». По их танцам «Северное сияние», «Скрип моря», «Ракушка» — поразительно богатая мимика, своеобразный юмор! — можно изучать особенности народной хореографии. А руководительница ансамбля «Дружба» из селения Мейныпильгыно Елена Ивановна Кытгаут создала музей чукотского быта и культуры. Восстановила старую ярангу со всеми ее атрибутами, составила генеалогическую карту жителей Мейныпильгыно. Особую ценность имеет рукописная книга Елены Кытгаут. «Круглый год» — так бы я назвала этот труд. Здесь подробно описаны все оленеводческие праздники, старинные ритуалы Беринговского района, собранные сказки и песни...

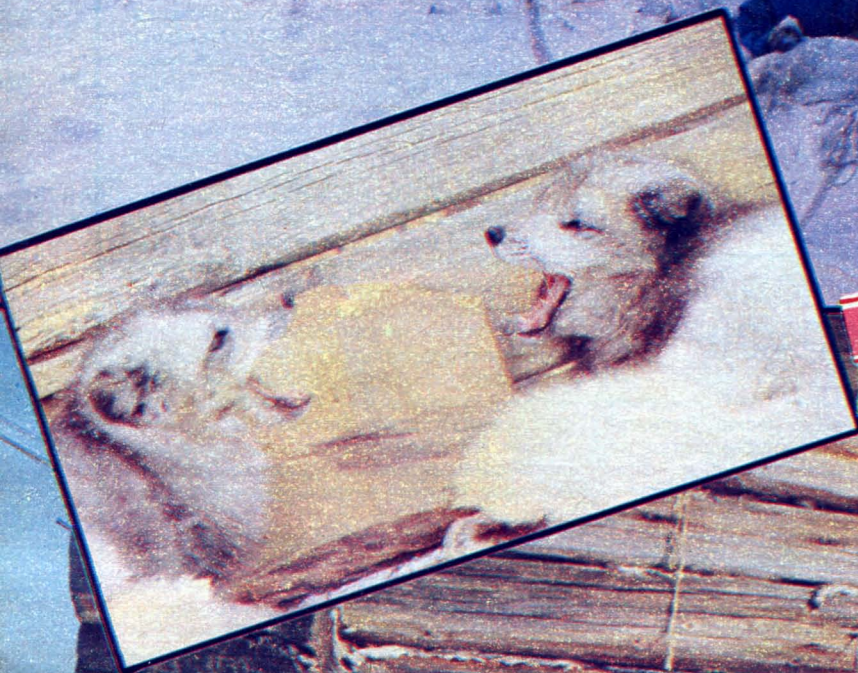
Очень важно, что при многих народных ансамблях возникли спутники — детские хореографические студии. С чего бы ни начиналось приобщение ребенка к фольклору, оно должно привести к познанию народной культуры в целом, во всех ее проявлениях. Но людей, знающих культуру Чукотки, ее обычаи, мало. Это сказывается и на работе агиткультурбригад, обслуживающих оленеводов. Почти в каждой из них штатным расписанием предусмотрена должность методиста-фольклориста, но чаще всего она или вакантна, или занята человеком, неспособным собирать фольклор и использовать его в своей работе.

Думается, пора открыть отделение народного искусства в Магаданском музыкальном училище для северян, выросших в традициях национальной культуры.

Дети тундры — сами источник живого народного слова. Мне, например, помогло в подготовке «Книги чтения на чукотском языке» то, что работа над ней совпала с очередной фольклорной экспедицией. В Шмидтовском районе и на острове Врангеля я прислушивалась, как говорят сегодняшние ребята. Это помогло и в создании детских поэтических книжек.

Антонина Кымытваль,
чукотская поэтесса.

САМАЯ СЕВЕРНАЯ ЗИМА

Ни работе, ни радости

не помешает

суровая погода

Сыграем?

Среди всех наших совхозов «Россия» — один из самых северных. Для семнадцати с половиной тысяч оленей — пастбищ на два миллиона гектаров земли. Таков арктический размах «России»!

А руководит этим совхозом за Полярным кругом энергичная и обаятельная женщина — Валентина Александровна Вахнина. В тундру ее никто не увозил, сама приехала. Крестьянской породы сибирячка прижилась на Ямале. И человека, и землю любишь еще и за то, сколько вложил в них души, труда, надежды. Восемь лет назад Валентина Александровна стала директором. И совхоз, как дом при хорошей хозяйке, окреп при ней.

Арктика есть Арктика — сплошные минусы по Цельсию.

А что же в плюсе?

Настоящая работа, от которой всегда становится жарко.

И уютный дымок над чумом, мудрейшим изобретением предков нынешних ненецких оленеводов.

И мягкие нарядные унты, и ягушки из оленьих шкур — так согреют, что рукавички скинешь.

А главное — хорошее настроение от того, что делаешь на этой суровой земле доброе дело. Да лучше посмотрите в эти веселые глаза — вот отчего тепло!

А. ХИТАРОВА

Фото С. КУЗНЕЦОВА.

Ямало-Ненецкий автономный округ.
Тюменская область.

«Дорогая редакция! Четыре года назад у меня одно за другим случилось сразу два несчастья: неизлечимо заболел маленький сын и умер, а вскорости муж ушел к другой женщине. Моя жизнь мне стала не нужна. Не знаю, что бы со мною было, если бы я, неверующая, не зашла в церковь. Там было так тихо, пусто, красиво: все сияло, и мне так захотелось, чтобы бог был и чтобы он мне помог. Молитв я не знала, стала молиться своими словами, заплакала. Ко мне подошел священник (или кто-то из служителей), по-доброму заговорил: «Я вижу, у вас несчастье...» — и стал меня утешать, все время вспоминая бога. Верующей я так и не стала, но знаю точно: не зайди я тогда в церковь, мне бы моего горя ни за что не пережить. Вот я и думаю: те люди, у которых случается несчастье, им ведь легче было бы, если бы они верили. Разве не так?»

А. П., Воронежская область».

Бог помог в несчастье... Какая странная позиция: и верить не стала, а бог помог. Колебания: мол, лучше было бы, если бы верила, может быть, легче стало бы жить...

Когда на человека обрушивается такое горе, вдруг разом исчезает в жизни опора, теряется смысл: то, что было самым главным, пропало, и вместо него — пустота. Вот рос сын — родное существо, и все, что ни делалось — и уют в доме, и вкусный обед, и варенье на зиму, и хозяйство, и работа — было важно не только само по себе, а еще и для него: чтобы был здоровым, чтобы радоваться его успехам. А когда он болел, и вовсе отошли на второй план все остальные заботы, только этой бедой была полна жизнь. И вдруг удар за ударом: за смертью сына — измена мужа. Тот единственный человек, для которого должна была быть так же страшна эта потеря, который должен был поддержать, помочь пережить горе, — этот человек бросил, предал.

Когда случается такое, невыносимой делается сама житейская обыденность. Привычные стены и знакомые лица напоминают об ушедшем, которого не вернешь, и даже мысли о чем-то другом кажутся кощунством и предательством. В это время душа должна совершить работу преодоления горя. Эта работа происходит исподволь, незаметно. В жизни, продолжающейся вокруг как ни в чем не бывало, надо найти новую опору, заново построить отношения с людьми, вложить новый смысл в дела повседневности. Работа эта совершается не сразу, она требует времени (недаром говорят: «время лечит»), она нуждается в помощи. Эту помощь человек ищет бессознательно и потому находит зачастую неожиданно для себя. В тот момент, когда острота потери пережита, когда начинает возрождаться интерес к жизни, новая опора находится как бы сама собой, как бы вдруг, и тогда кажется: «это работа помогла мне выжить...», или «это друзья...», или «родные...». И жизнь постепенно входит в новую колею, остаются только рубцы в сердце и в памяти, невидимая черта, по которой меряют свою жизнь: «это было еще тогда...», «это было после...».

А когда горе особенно сильно, когда

в жизни не остается ничего, что не было бы разбито и обесмыслено потерей, тогда человеку приходится менять свое отношение к прежней жизни и к себе, каким он был прежде, перестраивать в чем-то очень важном свою

систему жизненных ценностей. Говорят: «Переродился, стал другим человеком...» Когда-то люди, воспитанные в религиозном духе, под влиянием глубоких жизненных потрясений нередко теряли веру, яростно отвергали бога. Они объясняли это так: «Если бы на свете был бог, он не допустил бы такой несправедливости».

Теперь бывает, что люди, воспитанные атеистами, пережив большое горе, обращаются к религии. В этом посвоему находит удовлетворение та же потребность отрезать себя от прошлой жизни, потому что возвращение к ней заставляет снова переживать невыносимую боль. А если почувствуешь себя другим человеком, начнешь смотреть на жизнь другими глазами, тогда и свое прошлое можно увидеть как не свое. Появляется ощущение отстраненности: «Это было не со мной...»

Но то, о чем рассказывает читатель-

ница, судя по всему, и не было таким полным перерождением. Так в чем же дело?

Когда человек нуждается в благотворном переживании, которое поможет стряхнуть оцепенение, долго владевшее душой, а рядом не оказывается ни близкого человека, которому ты нужен, ни интересного дела, в которое можно уйти с головой, тогда это переживание ищут в чем-то другом. В церковь можно зайти случайно, неожиданно для себя, как получилось у автора письма. И она нашла здесь отвлечение от своего горя.

Сама обстановка храма как бы заставила забыть обо всем, что осталось за его стенами, отгородила от жизненной реальности. Здесь тихо, и тишина эта настороженная, гулкая. Голос в этой тишине отражается от стен, звучит по-особому, не буднично. Отсюда не видно улицы. Узкие окна располо-

жены высоко. Проникающие в них полосы света рассеиваются, создавая неровный, таинственный полумрак. Росписи стен, иконы — все создает причудливую декорацию для той мнимой жизни, что протекает здесь.

Эти особенности архитектуры и убранства храмов не случайны. Они рассчитаны на то, чтобы переносить людей из реального мира в условный, мнимый, вызывать у них соответственное настроение, эмоциональный подъем. Без этого настроения невозможно богослужение — сложный, раз навсегда отлаженный спектакль, в котором каждый присутствующий является одновременно и зрителем, и участником. И человеку, переживающему горе, спектакль этот, вероятно, помогает стряхнуть ставшее привычным напряжение, расслабиться. А тут еще подошел священник, произнес что-то доброе и, вероятно, очень хорошо это

сказал — служители культа умеют профессионально утешать людей...

Выйти на улицу в этом состоянии облегчения — значило для автора письма сделать первый шаг навстречу жизни. Наверное, после этого горе навалилось снова, но была уже память о том, что тоска и подавленность могут отступить, и хотелось испытать это состояние еще раз.

Вот так, возможно, и получилось, что «бог помог». Но легче ли жить на свете с верой в бога? Вряд ли. Разве наши бабушки жили легче и счастливее нас? Разве в прежние времена горя было меньше?.. Нет, никого и ни от чего бог не спасал. Когда человек в состоянии помочь себе сам или рассчитывает на чью-то реальную поддержку, он о боге не вспоминает. Только чувство полной беспомощности перед жизненными невзгодами вопреки очевидному рождает надежды на небесную справедливость. Своеобразная красота ритуала, душевный подъем, вызванный горячей молитвой, способны дать лишь временное облегчение. Но оно быстро исчезает, стоит выйти на солнечный свет. Это и понятно: вера дает не помощь, а только забытье.

Тот, кто обратился к богу с горя, как и тот, кто запил с горя, избрали опасный способ помочь себе. Когда человек испытывает сильные физические страдания, ему дают наркотик, который отключает сознание, заставляет не чувствовать боль. Но он не лечит! Наркотик дают в крайнем случае, его нельзя принимать долго — привыкнув к нему, организм не может справиться с болезнью, мало того, возникает новая болезнь — наркомания. Лучше самое тяжкое горе перестрадать — не отнимать у души этот труд, и тогда найдутся силы для того, чтобы начать жить сначала.

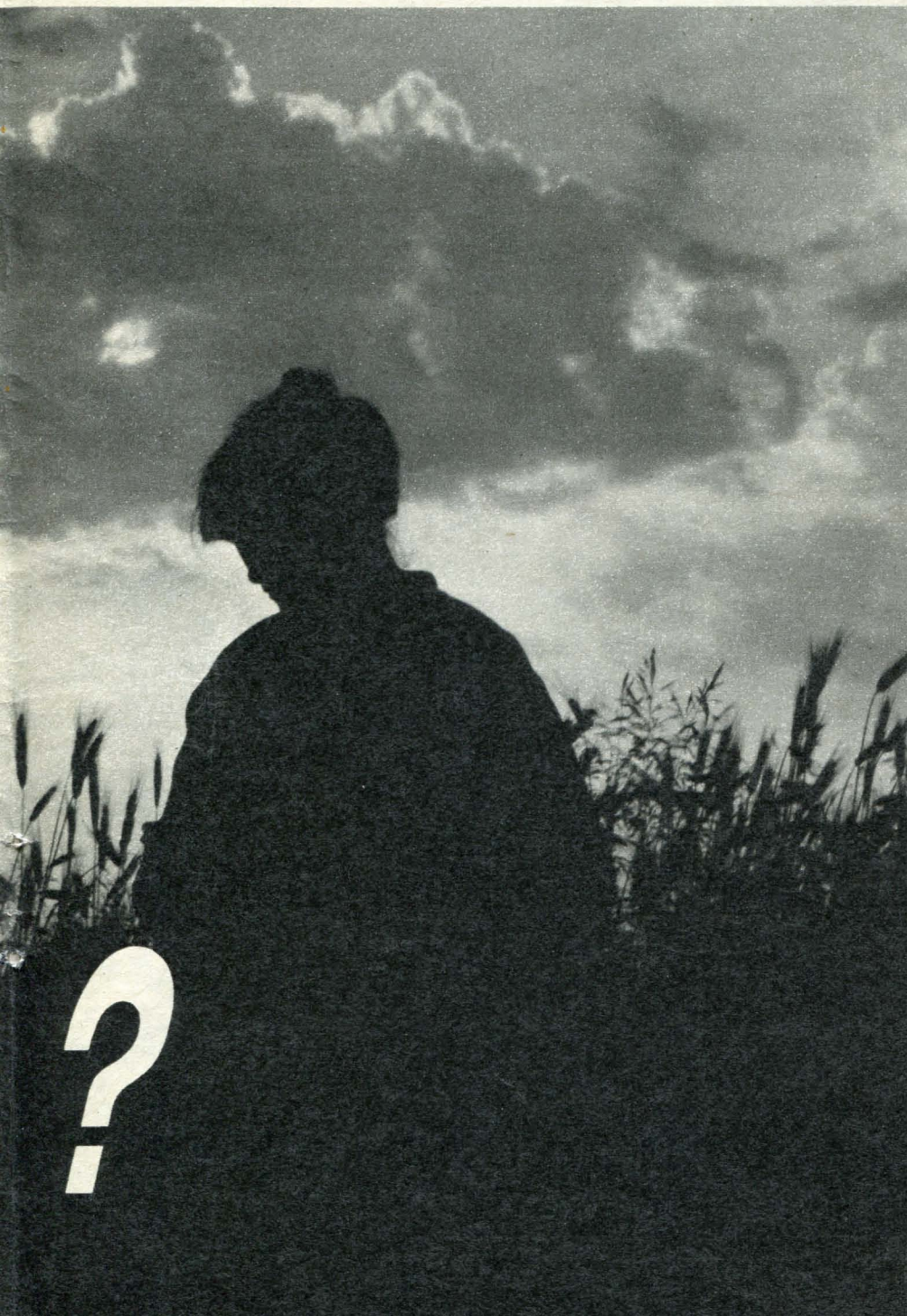
Весь принцип церковного утешения сводится к одному: «Удались от жизни и обратись к богу». Действительно, в жизни бывает всякое: и большое горе, и временные трудности, и нелады между людьми, незаслуженные обиды. И в каждом случае приходится искать свой выход, подступать и так, и эдак, набивать шишки...

Но для блага самого человека — не привыкать прятаться от невзгод, а научиться их преодолевать. И самому, и с помощью других людей. Ведь не с божьей же помощью преодолеваем мы сегодня всяческие разновидности зла, унижающие человека, оскорбляющие его достоинство.

Человеку нужен опыт преодоления. И, наверное, в конечном счете самое важное для каждого из нас — чувствовать себя необходимым делу своему, другим людям. Именно это дает ощущение твердой почвы под ногами, полноты жизни, уверенности в завтрашнем дне; именно это и есть главная жизненная опора. Только жизнью можно вылечиться от горя.

Г. БУШКОВА

Фото Д. РУГАИНА.

ТЕБЯ Ж, КАК ПЕРВУЮ ЛЮБОВЬ,

ПУШКИНСКОМУ
ДОМУ

Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук!
Звук понятный и знакомый,
Не пустой для сердца звук!

Это — звоны ледохода
На торжественной реке,
Переключка парохода
С пароходом вдалеке.

Это — древний Сфинкс, глядящий
Вслед медлительной волне,
Всадник бронзовый, летящий
На недвижном скакуне.

Наши страстные печали
Над таинственной Невой,
Как мы черный день встречали
Белой ночью огневой.

Что за пламенные дали
Открывала нам река!

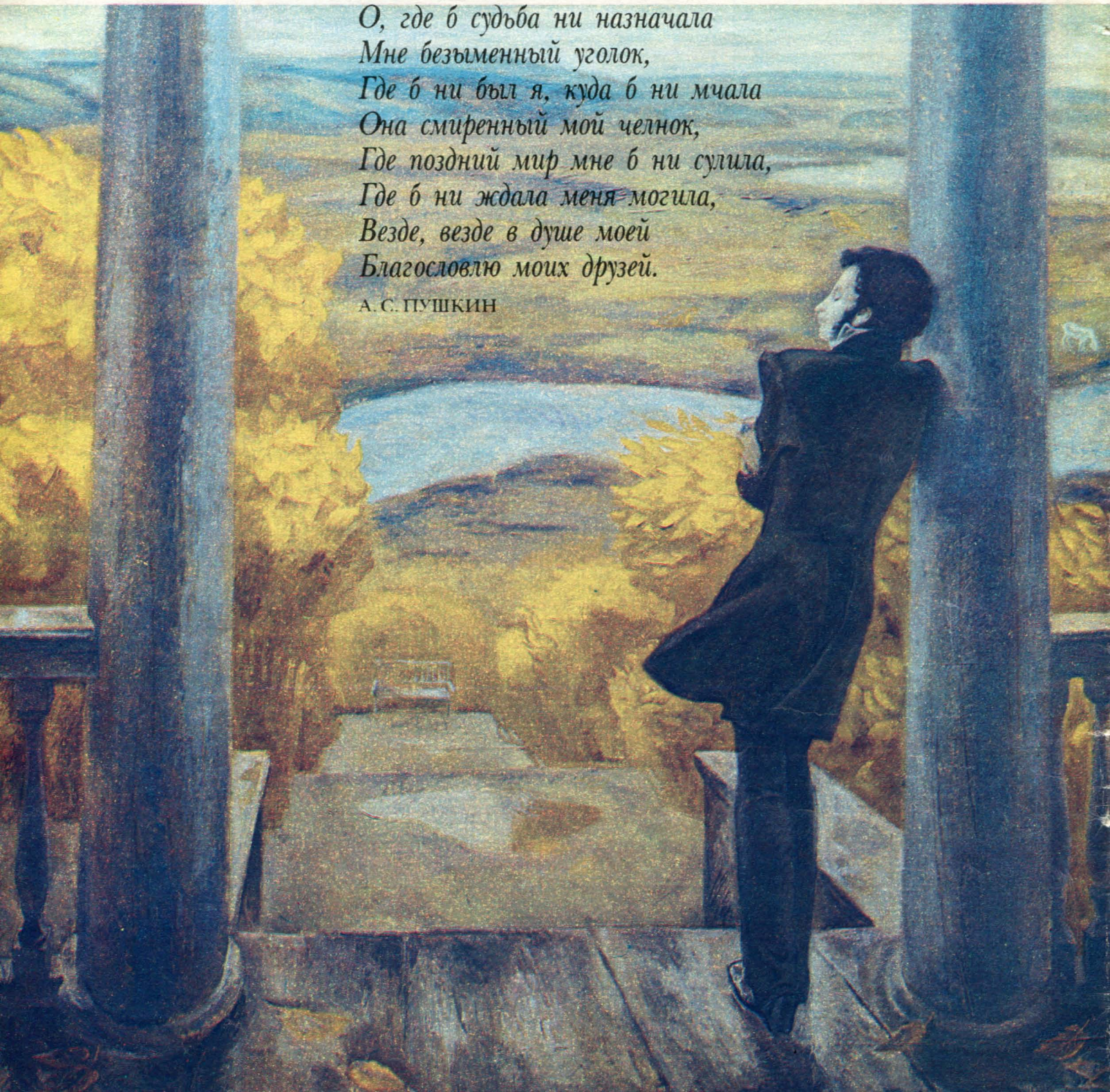
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.

Пропуская дней гнетущих
Кратковременный обман,
Прозревали дней грядущих
Сине-розовый туман.

Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

О, где б судьба ни назначала
Мне безыменный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок,
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю моих друзей.

А. С. ПУШКИН

РОССИИ СЕРДЦЕ НЕ ЗАБУДЕТ !..

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

Вот зачем такой знакомый
И родной для сердца звук —
Имя Пушкинского Дома
В Академии Наук.

Вот зачем в часы заката
Уходя в ночную тьму,
С белой площади Сената
Тихо кланяюсь ему.

Александр БЛОК 1921.

Смуглый отрок бродил по аллеям,
У озерных грустил берегов,
И столетие мы лелеем
Еле слышимый шелест шагов.

Иглы сосен густо и колко
Устилают низкие тни...
Здесь лежала его треуголка
И расстрепанный том Парни.

Анна АХМАТОВА 1911.

Нет, был барабан перед
смутным полком,
Когда мы вождя хоронили:
То зубы царицы над мертвым
певцом
Почетную дробь выводили.

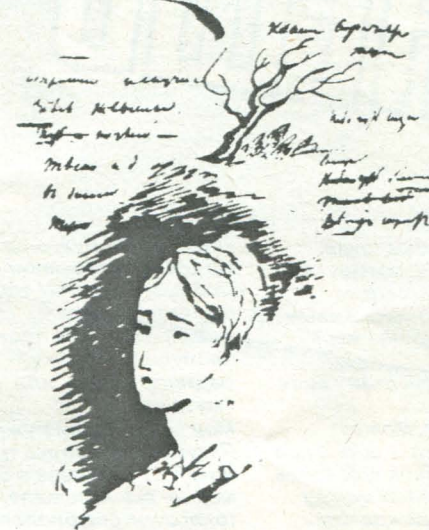
Такой уж почет, что ближайшим
друзьям
Нет места. В изгавье, в изножье,
И справа, и слева — рюшцы
по швам —
Жандармские груди и рожи.

Не дивно ли — и на тишайшем
из лож
Пребыть поднадзорным
мальчишкой?
На что-то, на что-то,
на что-то похож
Почет сей: почетно — да слишком!

Гляди, мол, страна, как молве
вопреки
Монарх о поэте печется!
Почетно — почетно —
почетно — архи-
Почетно, почетно — до черту!

Кого ж это так — точно воры воры
Пристреленного — выносили?
Изменника? Нет. С проходного
двора —
Умнейшего мужа России.

Марина ЦВЕТАЕВА 1931.

О ПУШКИНЕ

...И Пушкин падает в голубоватый
Колочий снег. Он знает — здесь
конец...

Недаром в кровь его влетел
крылатый,
Безжалостный и жалящий свинец,
Кровь на рубахе... Полость
меховая

Откинута. Полозья дребезжат.
Леса и снег и скука пугевая.
Возок уносится назад, назад...
Он дремлет, Пушкин. Вспоминает
снова

То, что влюбленному забыть
нельзя,

Рассыпанные кудри Гончаровой
И тихие медовые глаза.
Случайный ветер не разгонит
скуку,

В пустынной хвое замирает край...
...Наемника безжалостную фуку
Наводит на поэта Николай!
Он здесь, жандарм! Он из-за хвоя
леса

Следит — упорно, взведены ль
курки,

Глядят на узкий пистолет Дантеса

Его тупые скользкие зрачки.
И мне ли, выученному, как надо
Писать стихи и из винтовки бить.
Певца убийцам не найти награду.
За кровь пролитую не отомстить?
Я мстил за Пушкина

под Перекопом.
Я Пушкина через Урал пронес,
Я с Пушкиным шатался по окопам.
Покрытый швами, голоден и бос.
И сердце колотилось безотчетно,
И вольный пламень в сердце

закинал,
И в свисте пуль, за песней
пулеметной
Я вдохновенно Пушкина читал!
Идут года дорогой неуклонной,
Клопочет в сердце песенный

порыв...
...Цветет весна — и Пушкин
отомщенный
Все так же сладостно-вольнотлюбив.
Эдуард БАГРИЦКИЙ 1924.

ПРИЕЗЖАЯ СЕМЬЯ
ФОТОГРАФИРУЕТСЯ
У ПАМЯТНИКА
ПУШКИНУ

На фоне Пушкина снимается
семейство.
Фотограф щелкает, и птичка
вылетает.
Фотограф щелкает,
но вот что интересно:
на фоне Пушкина!
И птичка вылетает.

Все счеты кончены, и кончены
все споры.
Тверская улица течет,
куда — не знает.
Какие женщины на нас кидают
взоры
и улыбаются...
И птичка вылетает.

На фоне Пушкина снимается
семейство.
Как обаятельны
(для тех, кто понимает)
все наши глупости и мелкие
злодейства
на фоне Пушкина!
И птичка вылетает.

Мы будем счастливы
(благодаренье снимку!).
Пусть жизнь короткая пронесится
и тает.
**На веки вечные мы все теперь
в обнимку
на фоне Пушкина!**
И птичка вылетает.

Булат ОКУДЖАВА 1970.

Для трех номеров нашего журнала за 1984 год писатель Л. Жуховицкий подготовил обзор писем о любви, браке, семье под общим заголовком «Любовный многоугольник». Материал был дискуссионный и вызвал буквально лавину откликов — около десяти тысяч. С момента публикации прошло больше двух лет, а письма все продолжают идти. Большинство читателей, даже те, кто не во всем согласен с автором, считают обзор интересным, нужным, заставляющим задуматься. Но есть и другие отклики — хлесткие, злые, ехидные, как, например, письмо, которое мы сегодня публикуем и которое попросили прокомментировать Леонида ЖУХОВИЦКОГО.

...ПОЖНЕШЬ СУДЬБУ

«Как-то в одной из ваших статей проскользнула фразочка, нечто вроде: «В целом все устроено справедливо, потому что несправедливость неустойчива». Значит, дескать, судьба справедлива. Что заработал, то и получил. Но вот жизненные наблюдения не очень-то ее подтверждают, по крайней мере мои.

Пробежимся наскоро по моим знакомым в поисках этой самой пресловутой справедливости судьбы.

Вот одна подруга — ума бог не дал, красоты тоже. Может, наделил каким-то особенным талантом? Наделил — есть у нее редкостная способность невольно собирать на себя всю грязь, какую только можно себе представить в отношениях между мужчиной и женщиной. Вот так получается. Но прежде чем винить ее в этом, просьба указать на просторном материке судьбы место, куда удачно пристраивают некрасивых дур, даже и добрых.

Дальше — еще одна подруга. Есть за ней разные грешки. Есть и искупление. Всю жизнь живет с ненавидимым мужем. А уж если кого полюбит — всегда безответно. «По поступкам и возмездье» — как сказано в одной старой пьесе. Но за что возмездие ей? Всего-то и грехов — невинное лицемерие и отсутствие чувства юмора.

Ну, да что скрывать? Эти две девицы не без греха, судьбе есть хотя бы за что их наказывать. По заслугам или чуть больней — на это посмотрим сквозь пальцы.

Возьмем третью подругу, глядя на которую я верю, что не все еще потеряно, есть еще люди. Она сверхстарательная, трудолюбивая, умная, необыкновенная, сказочно добрая, порядочная до мозга костей, обаятельная и т. д., и т. п. Недостатки? Не вижу ни одного. Да, забыла! Еще одно немаловажное достоинство — она не давит сделанным, не подвывает услугой, а еще и стесняется благодарности. Честное слово, она такая, какой я ее описываю. Здесь мы наверняка увидим товарный вагон, набитый милостями судьбы. Но что мы находим? Три человека на иждивении — дочь, отец, брат. Дочь маленькая, отец на пенсии, брат психически не совсем в норме и уже лет семь не работает принципиально. Есть бывший муж-алкоголик, которого она до сих пор еще любит. Это в плане личной жизни. А в плане карьеры — уже год числится на временной работе, где везет воз с утра до ночи, а ее не желают брать на постоянную, так как ищут поблатней и повзяточней. Налицо полный блеск! И комментировать ничего не нужно. Теперь о себе. На свою жизнь пожаловаться не могу. Сама знаю, судьбе есть за что мне мстить. А мне даже везет.

Муж — умный, обаятельный, не пьет, деньги зарабатывает не другим чета — 300 рублей и по нынешним временам неплохо, а если надо, то и уроками подработает. Короче говоря,

«настоящий мужчина».

Но есть такое правило: «Кто платит, тот и заказывает музыку». Полностью с этим согласна. Весь вопрос, какую музыку? Я преподаю в школе. Так вот, у наших ребятишек есть такая игра: старшеклассник подходит к малышу и спрашивает: «Хочешь послушать музыку?» Вне зависимости от ответа он тянет беднягу за ухо или за нос, пока тот не завопит. Это и есть «музыка».

Мой «настоящий мужчина» поступает со мной именно так. Разумеется, все его требования справедливы. Каждый муж хочет, чтобы жена в браке не опускалась, книги читала, умные мысли высказывала, желательно по поводу его диссертации (благо мы оба биологи, он в сельхозтехникуме, я в школе). Только и слышишь: «Как у тебя обленился ум, вот раньше, в невестах...» Ему что — он тарелочку грязную отпихнул и может думать о вредителях картофеля. А я думаю о грязной посуде, нестираном белье и пыльной мебели. Я не против высокой культуры и совершенствования в специальности — но когда? Я женщина домохозяйка, мужа на кухню послать рука не поднимается — он добытчик, глава семьи, и незачем ему женским делом заниматься. Вы скажете: вот были женщины, сочтатели и ум, и дом! Были, конечно, такие гении. И есть, наверное. Только, по-моему, к доброй половине из них на кухню без ужаса не зайдешь. Ходит она вся такая начитанная, зато ребенок у нее грязный, из рук все валится.

Да, муж у меня не первый. Первый был такой из себя положительный, что просто тошнило, вышла за него, чтобы от матери уйти. Два года вытерпела. Зато второй брак — по самой горячей любви. Идеал! За это плата — характер мужа, который не пройдет мимо ни одной бабы.

Вы думаете, у меня есть какой-то порок, гримза, например, и муж мне изменяет поэтому? Нет, я не гримза, мужа люблю, и он меня любит. Клянется, что дело не во мне, просто характер у него такой, он иначе не может по широте природы... Но если в природе все гармонично, почему женщина должна рожать, страдать массой болезней, а мужчина с приятностью для себя максимально увеличивать в это время человеческий род? Ладно, поставим вопрос более глобально. Судьбу, как мифическую Фемиду, надо бы изображать с завязанными глазами. Она хватает кого попало и сует куда попало, швыряет свои милости, как пули-дуры, только успевай под одни вовремя подставиться, а от других увернуться.

Я не предъявляю судьбе претензий, не прошу возмещения убытков. Мои претензии к вам: не надо делать таких обзывающих заявлений о справедливости, потому что и справедливость, как и все в нашей жизни, случайна.

Маргарита З., Латвийская ССР».

МИЛАЯ МАРГАРИТА!

Письмо вы прислали интересное. Если я правильно понял его суть, на судьбу вы согласны не обижаться, все ваши претензии только в мой адрес: зачем я идеализирую фортуны, пытаюсь найти какую-то систему в абсолютном хаосе, справедливость в слепой игре случайностей. Вы приводите целый ряд житейских историй, на ваш взгляд, полностью разоблачающих судьбу — вздорную бабенку, которая расшвыривает спелые и гнилые яблоки как и куда попало, ничуть не заботясь, кому какое достанется. Вы даже не злитесь на всю эту бестолковщину: что поделаешь, такова жизнь, — вас возмущают лишь разговоры о ее справедливости. Где, мол, тут справедливость — орел или решка, вот и все, что кому выпадет.

Должен сказать, что у вашей точки зрения довольно много сторонников. И часто они идут дальше вас, делая прямой логический вывод: стоит ли нам особенно стараться, если от нас так мало зависит, если нашим будущим все равно по-своему распорядится судьба — существо капризное и некомпетентное?

Я судьбу вовсе не идеализирую — и у нее бьются свои промахи. Но я действительно о ней гораздо лучшего мнения, чем вы. Мне кажется, люди сплошь и рядом хотят спихнуть на нее свои собственные ошибки и упущения. Простите за не слишком серьезное сравнение, но это чем-то напоминает монологи футбольных тренеров после очередного проигранного чемпионата. Кто виноват? Судьи виноваты! Хотя любой соображающий болельщик от подобных речей лишь досадливо отмахнется: судьи для всех одинаковы, играть надо как следует...

Ладно, бог с ним, с футболом, у нас разговор не о спорте. Лучше поговорим о вас и ваших невезучих подругах. Почему каждой из них судьба кинула гнилое яблоко, или, если употребить ваше воинственное сравнение, все они подставились не под ту пулю?

Давайте по порядку. Начнем с той подруги, что, как вы пишете, невольно собирает на себя грязь — не потому, что хочет, а потому, что так получается. Вы просите «указать на просторном материке судьбы место, куда удачно пристраивают некрасивых дур, даже и добрых».

Сразу отвечу: такого места нет. Потому что нет в нем нужды. Добрых дур, как и добрых умниц, пристраивать нигде не надо — сами прекрасно пристраиваются там, где нужна их доброта. А таких мест полным-полно: рядом с людьми, нуждающимися в заботе и помощи. Например, в больницах, домах престарелых и инвалидов, в детских домах и детских садах. Мест полным-полно, да вот желающих маловато. Вы знаете больницу, где не требуются санитарки, или детский сад, где избыток нянечек?

Ваша подруга такого места не нашла. Может, она просто не слишком добра? Ведь доброта не существует сама по себе, она живет лишь в поступке, в действии, а если бы ваша подруга такие поступки совершала, вам сегодня не пришлось бы думать, куда ее пристроить.

Впрочем, добром человеку вовсе не обязательно искать «добрую» должность. Он и сам по себе должность. Монтажник или учительница, инженер или милиционер — к нему все равно потянутся те, кто нуждается в доброте.

Боюсь, за доброту вы принимаете отсутствие недоброты. Но это вещи разные.

Кстати, в доброте вашей подруги я не уверен по одной причине — потому, что в отношениях между мужчиной и женщиной она собирает на себя именно грязь. Но приглядитесь — к добрым грязь не прилипает. По той простой причине, что они людей любят, а в любви, с чем бы она ни соприкасалась, грязи нет.

Видимо, под «удачным пристроением» вы понимали нечто вполне конкретное: где бы найти человека, с которым вашей подруге жилось хорошо. Вопрос по-житейски понятный и, возможно, имеющий какое-то отношение к судьбе, но при чем тут справедливость?

Дальше — следующая подруга. Вы считаете, что за невинное лицемерие и отсутствие чувства юмора судьба наказала ее непомерно жестоко. Готов был бы с вами согласиться: неполадки с юмором вовсе не вина, это как отсутствие зрительной памяти или музыкального слуха. Но при чем тут чувство юмора? И при чем тут судьба? Сама вышла замуж за нелюбимого, сама выбрала этот путь. А уж лицемерие, виновное или невинное, — следствие: из года в год притворяться любящей тяжело, и манера поведения вошла в плоть и характер, деланная улыбка словно приросла к лицу, теперь уже и не разберешь, что собственное, что прилипшее. И что ее побочные любви безответны — тоже легко понять: привычку к нелюбви и внутреннюю готовность к неверности люди чувствуют автоматически, как волки пугающий запах пороха и ружейного масла. Мужу ее тоже не позавидуешь, но опять-таки в чем тут провинилась судьба? Сам решил строить жизнь с нелюбящей женщиной. Глупец? Может, глупец, а может, слишком сильно любил и пошел на все, добровольно принял именно эту судьбу со всеми ее не столь уж загадочными вариантами.

Кстати, не слишком верю, что муж так уж ненавидит и вообще их совместная жизнь — полный кошмар. Ведь живут — значит, что-то их связывает, и довольно прочно, иначе давно бы перегрызлись и разбежались. Не исключаю, что дом, который издалека представляется вам чуть ли не адом, для обоих приемлем и даже хорош. Слишком уж мы привыкли делить мир на черное и белое, а ведь в спектре семь цветов и сотни оттенков. У любви есть не только ночь, но и день, который, думаю, все же важнее ночи. А если подруга жалуется и стонет, то стоит ли эти стенания принимать чересчур всерьез? Поворачивать на судьбу — тоже своеобразное удовольствие, и редкая женщина добровольно от него откажется...

Теперь о третьей подруге — той, которая убеждает вас, что не все еще потеряно, что человечество можно спасти, ибо есть еще Люди, которые с большой буквы.

Трудно ли вашей подруге? Трудно, и очень. Плохо ли? На этом, думаю, не станете настаивать и вы. Что требуется человеку для счастья? В общем, многое. Но, наверное, прежде всего уверенность в том, что ты кому-то нужен. А ваша подруга не просто нужна — необходима. И дочери, и отцу, и брату, и даже вам, чтобы не рухнула ваша вера в человечество. А о чем говорят ее обаяние, сказочная доброта и порядочность, проникающая даже в костный мозг? О том, что она живет в ладу с собственной совестью и окружающим миром, иначе

злость и раздражение хоть где-нибудь, да прорвались бы. Плохо, что ее целый год держат на временной работе, но ведь держат, а тех, что поблатней и повзятчней, все-таки не берут. И, наверное, знаете, почему? Потому что блат блатом, выгода выгодой, но даже не очень хорошему человеку хочется, чтобы рядом работал очень хороший человек.

Нет, ваша подруга не живет в довольстве и богатстве. Зато живет в любви. Ей есть кого любить, и ее любят. Даже вы любите — при всей своей недоброй наблюдательности ни одного недостатка вы у нее не нашли, а такую всепрощающую слепоту дает только любовь.

Вы считаете, что этой вашей подруге недодано везения. В чем-то вы, возможно, и правы. Но вот чего конкретно вы попросили бы для нее у судьбы? Выигрыша в спортлото? Карьеры? Нового мужа, поблагополучней? Но зачем ей новый, если она все еще любит бывшего? Словом, еще вопрос, как вам следует относиться к подруге — жалеть ее или завидовать...

Ну, а теперь о самом, пожалуй, главном, о том, что, вероятно, и послужило личным поводом для ваших упреков мне и судьбе, — о вашей жизни.

Вы на нее не жалуетесь, вы даже признаете, что вам везет, после чего тут же, без промедления, начинаете жаловаться на жизнь. Не стану обвинять вас в отсутствии логики — женская нелогичность принадлежит к числу недостатков, которые приятней иных достоинств. Но давайте все-таки разберемся в ваших сложностях — какие из них вам подбросила судьба и о каких позаботились вы сами.

Конфликтная точка — муж. С одной стороны, самое большое ваше жизненное приобретение, уйма достоинств: и обаятельный, и умный, и зарабатывает, и подрабатывает, и любит — словом, мужчина стопроцентно «настоящий». С другой стороны, эти его столь привлекательные качества привлекают, к сожалению, не только вас, а муж, вместо того чтобы разумно распределять свои симпатии между женой и работой и возмущенно отворачиваться от назойливых поклонниц, использует свое броненое обаяние чересчур уж энергично. И естественный вопрос: за что судьба подсушила вам спутника жизни с таким неудобным недостатком?

Ваше огорчение вполне понятно. Но на фортуны вы, мне кажется, грешите напрасно. Фортуна-то как раз определила вам мужа сугубо положительного. Это вы сами обменяли его на то, что есть сейчас. Сами выбрали судьбу, которую, кстати, так легко было предугадать: чем ярче спутник жизни, тем больше с ним всевозможных забот, в том числе и тех, что обрушились на вашу голову.

Разве трудно было сообразить, что ваш «настоящий мужчина» будет нравиться женщинам и, значит, тревогами по этой части вы обеспечены на много лет вперед? И что человек, так много требующий от самого себя (работает, подрабатывает, пишет диссертацию), и вам предъявит требования более высокие, чем, возможно, первый муж? Кстати, разве требования эти вам во вред? Ну, хочет, чтобы вы в браке не опускались. А вам чего бы хотелось — опуститься?

При всяком выборе мы что-то приобретаем, а что-то теряем. Судьба тут ни при чем — сами прикидываем, сами колеблемся, сами рассчитываем, сами решаем. Вас

жизнь не обидела, наоборот, дала возможность, как в том же футболе, сыграть второй тайм. Любая семья, даже недолго просуществовавшая, — это целая жизнь со своим ритмом, течением, опытом, со своим светом и теплом. Ваша первая жизнь была спокойная, но с нелюбимым, сейчас идет вторая — с любимым, но хлопотная. Вы предпочли бы жить с любимым, но без тревог? Любимый предпочел бы, но, к сожалению, у фортуны нет «блатных» вариантов. Так что практически разумнее ценить то, что есть, и улучшать свою жизнь кропотливо, любовно и самоотверженно, как когда-то крестьяне из поколения в поколение улучшали доставшийся им от прадедов кусок земли. Как бы ни хотели мы быстрее избавиться от мучающих проблем, топор не тот инструмент, которым можно регулировать человеческие и особенно семейные отношения...

Итак, судьба. Мы с вами, Маргарита, относимся к ней по-разному: вы плохо, я хорошо. Больше всего судьба мне нравится тем, что ее нет. Ни доброй, ни злой, ни справедливой, ни коварной — никакой. Есть жизнь и мы — наше умение прислушиваться к ее голосам, всматриваться в ее бесчисленные лики, изучать и учитывать закономерности ее бесконечного процесса. Вот говорят — море жизни. Что ж, похоже. А в море одни рыбацат, другие купаются, третьи тонут. Но море — оно одно на всех и

одинаково для всех. Это мы разные: кто учился плавать, кто боялся, кому было лень. А на старте все примерно равны.

Да, равны — именно равны, а не одинаковы. Ибо все наши недостатки, как правило, компенсируются какими-то достоинствами. Что и создает в жизни устойчивое равновесие.

Куда пристраивать некрасивых дур, спрашиваете вы, и этот вопрос кажется вам неопровержимым аргументом, убийственным свидетельством изначальной несправедливости. Мол, о чем можно говорить, если одной ради скромного успеха надо из кожи вон лезть, а другой достаточно пройтись по улице, покачивая тем, что качается. Так-то оно так, но почему же народный опыт печально вздыхает именно над участью красавиц? «Не родись красивой, а родись счастливой» — есть в этой пословице истина, иначе не жила бы она века.

Почему же счастье противопоставляется красоте? Да потому как раз, что красивые слишком надеются на сладкую возможность пройтись по улице. И нет у них жесткой необходимости учиться, умнеть и обуздывать характер. А дурнушкам приходится — у них-то иного выхода нет. И нетрудно догадаться, кто выходит вперед к середине дистанции, когда умение пройтись по улице теряет свое решающее значение.

Ладно, это общие соображения. Но вот

вам факт. Если некрасивым нет места на материке судьбы, почему же они существуют? Почему не вымерли за предыдущие века?

Да по той элементарной причине, что некрасивых женщин любили и они исправно рожали детей, передавая им и свою некрасивость, и те качества, которые заставляли мужчин эту некрасивость не замечать. Так что приглядитесь внимательней — фортуна ли обидела вашу подругу?

Живучесть переходящих из поколения в поколение человеческих типов как раз и говорит о том, что все они «пристроены» в жизни примерно одинаково, решающего преимущества нет ни у кого. И если кажется, что одним идут только тузы, а другим — безнадежно слабая карта, вините не судьбу, а пристрастность собственного взгляда.

«Почему женщина должна рожать, страдать массой болезней, — спрашиваете вы, — а мужчина с приятностью для себя максимально увеличивать в это время человеческий род?» Можно было защититься от упрека шуткой знаменитого юмориста: «Женщины утверждают, что трудно рожать, — попробовали бы они каждый день бриться!» Но в последнее время мужчин, причем всех скопом, столько ругали за дело и без дела, что попытаюсь ответить серьезно.

Трудна ли жизненная ноша женщины, и

обсуждать бессмысленно, противников не найдется — и так ясно, что трудна, почетна, необходима. Ну, а мужская работа на земле? Тут мнения разделяются. Но если принять вашу точку зрения, как объяснить, почему приятная, полная развлечений мужская жизнь столь коротка — в среднем чуть не на восемь лет короче женской? Известно, что мальчиков рождается больше, но вот до старости доживает больше женщин.

Да, мужчины не вынашивают ребенка, не рожают, не кормят. Но они добывают уголь и водят поезда по железным дорогам, валят лес и тушат таежные пожары, в страду сутками не отходят от штурвала комбайна... Народное хозяйство нашей страны не представишь себе без женщины — низкий ей поклон за это, и все-таки самые тяжелые профессии на свете — мужские. В том числе и наиболее опасная — защищать женщину и ребенка от военной беды. В каждой войне мужчины идут на смерть, чтобы выжили женщины. А недавняя трагедия Чернобыля? Разве случайно она вынесла на траурные страницы газет улыбающиеся лица молодых мужчин, погибших, увы, уже в мирное время, чтобы опять-таки защитить женщину и ребенка?

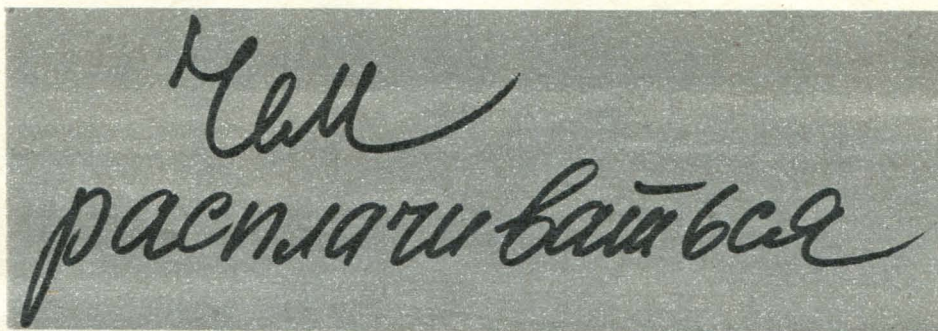
Женщина в первую очередь отвечает за дом — трудное это дело. Жаль, если муж не до конца понимает, чего вам стоит вести хозяйство. Но ведь и ваш добытчик свою ежемесячную добычу — три сотни плюс приработок — тоже не в скверике под лавкой находит. Как сочетать порядок в доме с ростом в профессии, спрашиваете вы. Мой ответ не будет для вас новостью: тяжело! Так же тяжело, как сочетать работу с учебой, заработок с приработком, ежедневную службу со строительством собственного дома или благоустройством садового участка. Трудно сочетать, но стараемся, сочетаем. Потому что жить хочется получше, а для этого трудиться приходится побольше — много-то пути нет. Разве что полностью положиться на судьбу: не подкинет ли от великих щедрот своих тысяч десять в спортлото...

Природа поступила мудро, разделив человечество на мужчин и женщин. Надо и нам быть мудрей — не считать, кто чего выгадал при рождении, не завидовать чужой и не хаять свою дорогу, а просто лучше заботиться друг о друге. Нам ведь не может быть по отдельности ни плохо, ни хорошо: женская беда непременно бьет по мужчине, мужская — по женщине. И тут равны...

Есть старинное изречение, на мой взгляд, одно из самых мудрых на земле: «Посеешь поступок — пожнешь привычку, посеешь привычку — пожнешь характер, посеешь характер — пожнешь судьбу». Вы эти слова, конечно, знаете, все мы их знаем. Но вот ведь незадача — знаем одно, а живем по-другому. Бесшабашно сеем поступки, привычки, характер, а потом стонем и сетуем, что выпала такая, а не лучшая судьба.

Есть в жизни, конечно, и случайности. То все наши планы смешает землетрясение, то заговорит вулкан, то все произойдет просто, буднично и потому особенно обидно: шел человек по улице, никого не трогал, а ему на голову — кирпич! Вот уж где не повезло, так не повезло.

Впрочем, и кирпичи чаще падают на голову разиням...

Материально-техническая база сельского клуба, даже самая лучшая, отнюдь не гарантирует полноценной культурной жизни села. Но вот отсутствие этой базы как раз гарантирует, что центром духовной жизни клубу не стать.

Когда основные усилия клубных работников уходят на «выбивание» необходимого, страдает главное их дело — воспитание земляков. Организатор культуры не должен подменять снабженца или завхоза, у него свое поле деятельности. При каких же условиях он сможет вернуться к исполнению собственных, столь важных обязанностей, где многое определяет именно личность воспитателя?

В Ивановской области есть отличные сельские клубы и дома культуры, есть нормальные и есть те, чье положение можно назвать бедственным. Проблемами не обделен ни один, но проблемы очень разные. В первой части статьи, опубликованной в предыдущем номере журнала, мы попытались представить примеры каждого рода претензий и показать ту роль, которую приходится играть заведующим клубами, директорам домов культуры и руководителям районных отделов культуры в обеспечении клубных учреждений на селе самым необходимым для работы. В чем же причина существующего положения вещей?

Вот как задумана система снабжения учреждений культуры, находящихся в ведении местных Советов. В Российской Федерации они снабжаются Госснабом РСФСР через госснабы автономных республик и управления снабжения и сбыта исполкомов краев и областей. Таким образом, как только у заведующей клубом возникла в чем-нибудь необходимость, она должна обратиться в областное управление культуры. То, в свою очередь, подает заявку в управление снабжения и сбыта облисполкома — и вопрос решен. Исключение составляют сценические приборы, музыкальные инструменты, аттракционы и иные сугобо специфические предметы, которые на базы облиснабсбыта не поступают. Их поставку осуществляет централизованно Министерство культуры РСФСР. Но для конкретного клуба эти тонкости не должны иметь никакого значения, поскольку специальное оборудование клуб получает опять же через областное управление культуры в соответствии с потребностями. Кажется, четкая и простая система. Где в ней может произойти сбой?

В Ивановской области я постоянно общался с начальником областного управления культуры А. Д. Зиборовой, инженером отдела строительства и материально-технического обеспечения Л. И. Моревой, начальником планового отдела А. Н. Федоровой и заведующей отделом областного методического центра Н. Н. Хохловой. Суждения каждой из них по интересующим меня вопросам не противоречили, а только

дополняли друг друга, так что я представляю здесь общее мнение управления культуры:

— Крыши в клубах текут, шифера же для ремонтных работ нам не выделяют вообще.

— Почти все клубы в области покрашены снаружи синей или зеленой краской таких оттенков, что смотреть не хочется. Каждый год даем заявки на 10 тонн белил, а нам на 612 клубов дают к концу года хорошо если 200 килограммов.

— Трудно представить современный ДК с печкой. Но нам совсем не выделяют котлов, труб, нормальных радиаторов.

— Совершенно не поступает декоративная кафельная плитка. Нет современных светильников. За год не дали ни одного настенного бра...

Цитирование претензий управления культуры можно продолжать, но и так ясно: облиснабсбыт не отпускает учреждениям культуры товар в нужном количестве и нужного качества.

Сначала о количестве. Что, действительно во всей области не нашлось 10 тонн белил? Или в самом деле за год не пришло ни одного бра? Конечно же, все это не так. И белила, и бра на складах есть даже в тот момент, когда управлению культуры отказывают в них совершенно. Но они есть для **всех** предприятий **всех** министерств, которые снабжают эти базы.

— Вот только что как раз на базу поступил очень красивый линолеум и современные, нужные нам светильники. Но снабженцы нам ничего не дают, говорят: ваше министерство само должно выходить на Госснаб и пробивать фонды, а мы не можем от организаций других министерств отрываться...

Но представьте, что Министерство культуры начнет через Госснаб пробивать для Ивановской области два десятка светильников и сотню метров линолеума. Чем же двум столь солидным организациям еще останется заниматься? Но предположим, что областные снабженцы все-таки в безвыходном положении, на всех у них попросту товара не хватает. Вот они и вынуждены оделять каждого по возможности. Пусть это будет хоть 200 килограммов вместо 10

Народный хор белорусского колхоза «Рассвет» имени К. П. Орловского — лауреат фестивалей самодеятельного творчества. ДК «Рассвета» — на балансе колхоза, вопросы культурной жизни — в центре внимания правления, и это одно из объяснений здешних успехов.

требуемых тонн, зато честно. Может быть, конечно, и так. А может быть, и нет. Потому что эта тайна за семью печатями, и никому ее снабженцы открывать не собираются.

Тут мне хочется сделать небольшое отступление о положении снабженца. Из лица, **обязанного** создать материально-техническое обеспечение какого-то **основного** процесса (в данном случае культурной жизни на селе), он превращается в распределителя благ. Само снабжение из **слуги** превращается в **хозяйина**. И для того, чтобы продолжать этим хозяйном оставаться, ему просто необходимо держать все карты закрытыми. Причем на всех уровнях, начиная с кладовщика. Помню рассказанный заведующей Яковлевским сельским клубом Валентиной Феоктистовной Солодовой эпизод: она целый день ходила по складу, упрямившая отпустить ей бочку олифы. Олифа есть, выдать — и дело с концом, кладовщику же легче, оставят его в покое. Легче, да тогда получится простое исполнение **обязанностей**, а не **услуга**, которую нужно выпросить. И по той же причине начальник управления культуры А. Д. Зиборова никогда не узнает, кому предназначены десятки стоящих на складе бочек с белилами.

А уж что касается качества, то тут снабженец совсем полновластный хозяин. Если он и даст в конце концов клубу линолеум, то о расцветке можно даже не заикаться. То же и насчет узора на плитке. Это уже нужно «доставать» и «пробивать» — опять становиться в зависимое положение от снабженца... Да за что же такие испытания работнику культуры?!

Но предположим, что все необходимое есть, можно идти и покупать. Как обстоит дело с тем, на что покупать? Опять предоставим слово работникам управления культуры:

— Хотим открыть залы игровых автоматов, установить в районах типовые детские городки. Один автомат стоит от тысячи рублей до четырех. Детский городок — тысячу. А мы-то ее всего одну и можем на район потратить в год.

— Были в свое время специальные лимитные книжки, которые в сельсовете выдавали заведующим клубами для более оперативной расплаты на базах снабжения. Финансистам они показались неудобными, банки их отменили, нас не спросили.

— Клубам даже по ныне действующему положению можно купить черно-белый или цветной телевизор, но финансисты это «или» полностью игнорируют, и оттого ни в одном клубе области цветного у нас так и нет...

Но представим на миг самую идиллическую картину: и товар есть, и деньги на него имеются. Или даже конкретнее: есть шифер, и его можно купить, есть усилитель, и на него отпущены средства. Перестанет ли после этого течь крыша и станет ли в зале слышна музыка?

Я уже не раз, говоря о хороших ДК в богатых хозяйствах, подчеркивал понятие **«наличные деньги»**. И это принципиально, так как наличных денег управление культуры дать не может. То есть существует «нештатный фонд», но это около 100 рублей в год, которых еле хватает на колку дров. За те же деньги, что есть по безналичному расчету, перекрыть клубу крышу, положить кафель, приладить водосточную трубу, не говоря уже о таких работах, как установка и ремонт специальной аппаратуры, могут только специализированные строительные и ремонтные организации. Да к тому же обязательные не только этим заниматься непременно, но и именно за безналичный расчет. Так вот, таких организаций на селе нет. Нет организаций. А специалисты есть. Не хватает их, не всегда они должной квалификации, но большую часть работы сделать могут. Даже совершенно официальным путем, по самому законному договору. Но принимают эти специалисты только наличные деньги. А их нет.

Мы намеренно оставили за рамками разговора еще множество весьма важных проблем. И давно устаревшие, мешающие делу документы типа «Перечня культур-

вентаря, музінструментов и технических средств для оснащения домов культуры и клубов РСФСР». И финансовую политику в отношении самих кадров работников культуры. И транспортные парадоксы. И жилищные сложности. И многое другое. К сделанному выводу это ничего нового не прибавит. А вывод здесь возможен единственный: то, что называется материально-техническим снабжением сельских клубов и домов культуры, снабжением не является. В одной фразе все это сформулировала заведующая Яковлевским сельским клубом В. Ф. Солодова: «Купить нечего, купить не на что, а и то, и другое умудришься, так приладить некому». И областное управление культуры с этой ситуацией ничего поделать не может.

Как же изменить ситуацию? Укомплектовать управление культуры кадрами, которые сумеют все «пробить» и «доставать»?

А может быть, стоит вспомнить крик души той же Солодовой: «Надоело мне быть завхозом, хочу своим непосредственным делом заниматься!» И прислушаться к менее эмоционально высказанному, но так же глубоко прочувствованному и продуманному мнению самих работников управления культуры: «Мы должны заниматься не красками и шифером, а людьми. Поскольку эффективно финансовые и хозяйственные вопросы мы не можем решать, так как не являемся полновластными хозяевами ни в той, ни в другой области, то решать нам их и вовсе не имеет смысла. **Все клубы надо передать на баланс колхозов и совхозов.** Мы счастливы будем отдать им все деньги, кроме средств на специальное оборудование, которое они получить иначе, чем через Министерство культуры, не смогут. Пусть за состояние крыш и полов отвечают те, у кого есть деньги и специалисты».

Но что же в этой идее нового? Ведь мы начали свой рассказ об учреждениях культуры Ивановской области именно с таких ДК, находящихся на балансах колхозов «Заря», имени Кирова и совхоза «Петровский». Эти дома культуры оснащены великолепно и ни в чем, вплоть до наличных денег, особого недостатка не испытывают. Все это так. Но ведь каждый из руководителей этих хозяйств снабжает свой ДК как может и именно потому, что **может**. По личным своим качествам, по связям, по все тем же способностям «пробить» и «доставать». И деньги дает, и специалисты выделяет только потому, что **хочет** этого, потому, что умный человек, дальновидный, прекрасно понимает, что без организации культурной жизни на селе невозможны долговременные и стабильные успехи хозяйства. **Может и хочет** — потому что хороший хозяин. А нужно, чтобы **каждый** был **обязан**.

Итак, выход простой в изложении и сложный в исполнении. Перевести сельские клубы и дома культуры на баланс хозяйств. Возвести учреждения культуры в ранг производственных подразделений и в соответствии с этим регламентировать обязанности руководителей колхозов и совхозов по отношению к состоянию дел в этих подразделениях.

Но при этом совершенно необходимо и встречное действие: Госснабу, Министерству культуры, Министерству финансов и Госагропрому перестроить систему материально-технического обеспечения сельских учреждений культуры так, чтобы роль снабженцев соответствовала своему назначению. А работники культуры пусть занимаются своими делами. Дел этих у них вполне достаточно.

Александр ВАСИЛЬЕВ
Фото Б. МАРИНИНА.

Ивановская область.

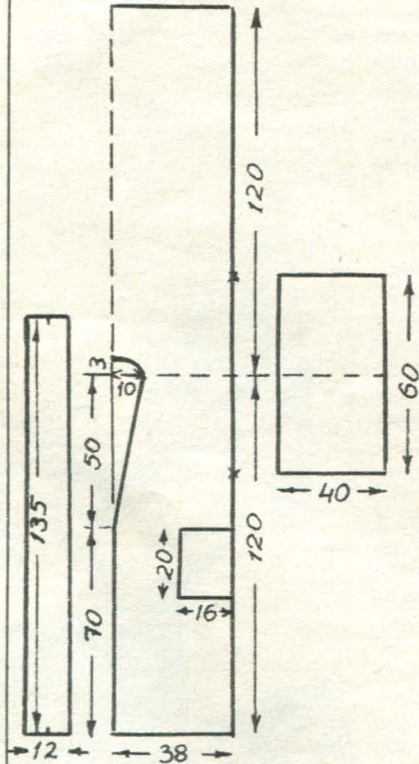

швы, важен, вышиваеи...

Чувствовать себя дома свободно, уютно и быть в то же время нарядной — можно ли это совместить? Да, с помощью удобного и модного халат-кимоно, который нетрудно сшить.

И ДОМА БЫТЬ НАРЯДНОЙ!

Предлагаем модель размера 48, роста III. Обратите внимание: по предлагаемой выкройке вы сможете сшить халаты и для себя, и для мужа. На женский потребуется 3,5 м ткани, на мужской — 2,5 при ширине 90 см, а также по 15 см подкладочной ткани подходящего цвета той же ширины. На наших чертежах — выкройка женского халата. Перенесите чертежи деталей на

бумагу. Сложите кусок ткани вдвое по длине, разместите на нем выкройку. Раскройте ткань. Спереди сделайте разрез посередине. Теперь застрочите на машинке рукава так, чтобы совпали звездочки (см. чертеж).

Прострочите боковые швы, подгоните низ рукавов.

Перед и вырез ворота на спинке заделайте полоской подкладочной ткани: сложите полоску и халат лицевыми сторонами, прострочите шов на машинке, перегните

отделку пополам и заделайте ее вручную потайным швом.

Слева нашейте карман. Его, а также спинку можно украсить вышивкой.

Рис. и чертеж С. ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ.

КАКИЕ ПОЛОСКИ ЛУЧШЕ

Клетка и полоска на ткани уже несколько сезонов не выходят из моды. И сейчас на прилавках магазинов лежит немало тканей с этим рисунком. Но вот вопрос: какую именно клетку или полоску выбрать? Об этом нередко спрашивают читатели в своих письмах.

Полным женщинам «противопоказаны» ткани в крупную клетку — они увеличивают зрительно объем, «толстят» фигуру. Лучше использовать ткани в мелкую клеточку коричнево-бежевых и синесерых тонов, при этом контраст

между расцветкой клеток не должен быть слишком резким.

Так же не рекомендуется полным женщинам невысокого роста шить вещи из ткани в поперечную полоску. Дело в том, что, рассматривая платье с таким рисунком, мы не можем охватить его сразу, не двигая глазами. Глаза следуют вдоль полосок, и эти усилия заставляют нас преувеличивать размеры предмета, как если бы мы рассматривали крупные объемы, не умеающие зрительно в поле зрения. А при взгляде на продольные полосы глаза остаются неподвижными и не утомляются, отсюда впечатление, что полнота скрадывается, фигура зрительно вытягивается, кажется стройнее.

Е. ГОЛОВНЯ, модельер.

швей, вяжем, вышиваем...

Предлагаем тем, кто вяжет на машине типа «Северянка», сделать изящный джемпер модного покроя «блузон» — вы видите его на снимке.

ДЖЕМПЕР- БЛУЗОН — НА «СЕВЕРЯНКЕ»

Модель размера 48, с удлиненной проймой. На джемпер пойдет 500 г тонкой шерстяной пряжи № 15,6/2 в 2 нити.

Вязанье — ажурное, лицевая сторона — изнаночная гладь. Отделка — обвязка крючком, листьями, связанными отдельно на спицах и пришитыми к готовому джемперу.

Плотность вязанья: 45 рядов по 28 петель = 10 × 10 см.

Все детали вяжут снизу вверх. Начинаем вязать СПИНКУ.

На иглы машины вспомогательной нитью наберите 151 петлю, провяжите 4 ряда. Затем основной нитью провяжите 18 рядов и начинайте выполнять узор «ажурные дырочки» следующим образом:

1. Одноигольным деккером снимите петлю с 12-й иглы (считая от левого края), перенесите ее на соседнюю иглу влево, там теперь за язычком будет 2 петли. Таким же образом перенесите петли с 28, 44, 60-й, то есть с каждой 16-й иглы до конца ряда. Все иглы поставьте в РП.

2. Провяжите 16 рядов.

3. Выполните те же операции, что и указанные в пункте 1, только петли теперь начинайте переснимать с 20-й иглы (считая от левого края), таким образом ажурные дырочки расположатся в шахматном порядке.

4. Провяжите 16 рядов.

5. Повторяйте работу с пункта 1.

Провязав от начала спинки ровным полот-

ном 94 ряда, приступайте к выполнению ПРОИМ.

Каретка и нить слева. Счетчик поставьте на «0». В начале ряда закройте 3 петли на левой пройме. Для этого одноигольным деккером перенесите петлю с крайней иглы на предпоследнюю, где теперь за язычком станет 2 петли.

На язычок иглы проложите рабочую нить и вручную провяжите 2 петли вместе. Так закройте все 3 петли. Освободившиеся иглы переведите в ННП. Провяжите 1-й ряд. В начале следующего ряда закройте 3 петли на правой пройме. Провяжите 2-й ряд. Теперь убавьте 2 петли на левой пройме, провязав ряд — 2 петли на правой пройме и продолжайте в такой последовательности: 2 раза по 2 петли, 8 раз по 1 петле. Всего в каждой пройме убавьте по 17 петель. Затем вяжите ровным полотном до разреза на спинке. Считая от начала выполнения пройм, провяжите 120 рядов.

Теперь вязание разделите пополам. Петлю с центральной иглы перенесите на соседнюю иглу вправо, освободившуюся иглу переведите в ННП. Затем правую половину игл поставьте в ВНП, на левых иглах вяжите ровно еще 20 рядов.

Далее приступайте к вывязыванию ПЛЕЧЕВОГО СКОСА и ВЫРЕЗА ГОРЛОВИНЫ частичным вязанием.

Предварительно сделаем небольшой расчет. Высота плечевого скоса равна 3 см, или 14 рядам. Количество петель плеча — 39. Плечо вывязываем, убавляя, то есть выдвигая в ВНП каждый 2-й ряд какую-то группу игл. Теперь высчитаем, на сколько групп (или частей) нужно разделить 39 петель плеча. $14 \text{ рядов} : 2 = 7$ (частей), то есть количество частей, на которые нужно разделить петли плеча, равно половине рядов по высоте скоса плеча.

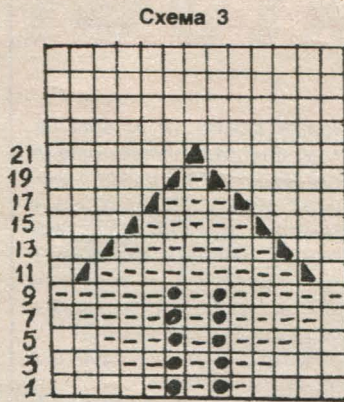
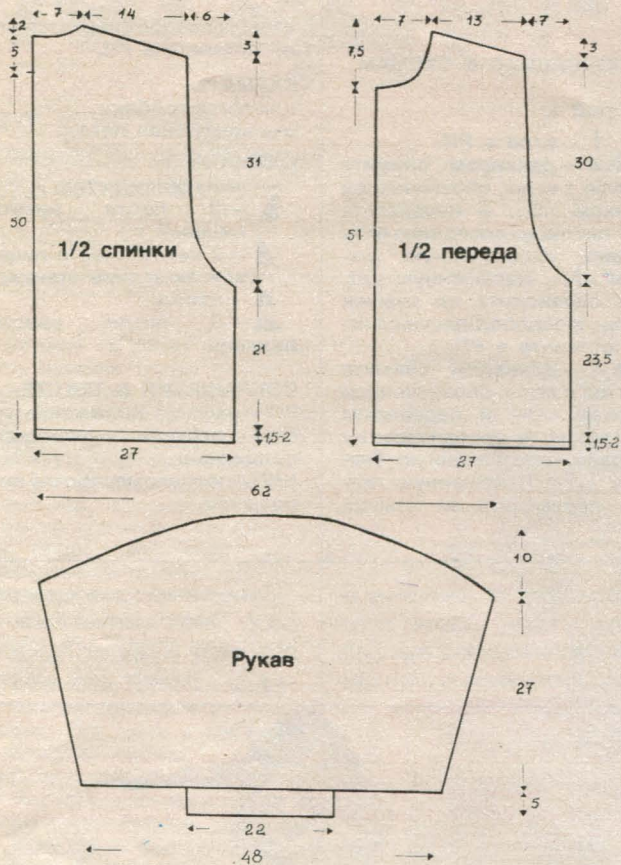
Теперь узнаем, сколько петель в каждой части. $39 \text{ петель} : 7 \text{ частей} = 4$ раза по 6 петель и 3 раза по 5. Так же рассчитываем горловину — ее глубина 2 см, или 8 рядов (количество рядов мы с вами всегда округляем до четного числа). Следовательно, 19 петель 1/2 горловины нужно разделить

на 4 части ($8 \text{ рядов} : 2$). Теперь узнаем, сколько петель в каждой части — $19 \text{ петель} : 4 = 3$ раза по 5 петель и 1 раз 4 петли.

Итак, вяжем горловину и плечевой скос. Счетчик поставьте на «0». Провяжите 1-й ряд слева направо. С левого края поставьте в ВНП 6 игл плеча, провяжите 2-й ряд. Обкрутите нитью первую от рабочих игл иглу ВНП. Провяжите 3-й ряд. Теперь поставьте в ВНП следующие 6 игл, провяжите 4-й и

5-й ряды. Поставьте в ВНП еще 6 игл плеча, провяжите 6-й ряд и справа выдвиньте в ВНП 5 игл горловины. Провяжите 7-й ряд, поставьте в ВНП следующие 6 игл плеча и так продолжайте вывязывать плечевой скос и вырез горло-

Четные ряды — изнаночные петли

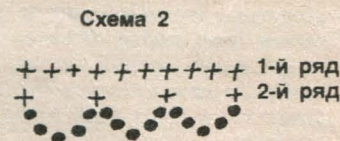
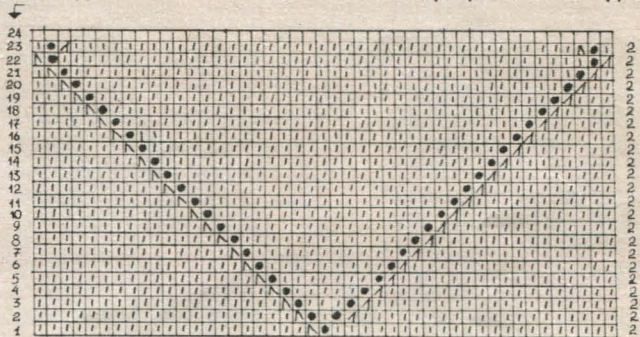

Схема 1

Последовательность выполнения операций Ряды

Повтор операций с 23-го пункта

вины, выдвигая в ВНП: слева — иглы плеча (3 раза по 5 петель), справа — иглы горловины (2 раза по 5 и 1 раз 4 петли).

В конце вязания все иглы поставьте в РП, провяжите 1—2 ряда и закройте все петли в одном ряду.

Правую половину спинки вяжите, как левую.

Переходим к вязанию ПЕРЕДА.

На иглы машины вспомогательной нитью наберите 151 петлю, провяжите 4 ряда. Затем вяжите основной нитью, ровным полотном, 90 рядов, выполняя узор «ажурные дырочки», как на спинке.

Теперь вывязывайте ажурную кокетку, пользуясь схемой 1, располагая узор по центру. Провязав от начала переда 106 рядов, счетчик поставьте на «0». Продолжайте работу, убавляя в каждой пройме по 20 петель в такой последовательности: 3 петли, 3 раза по 2 петли, 11 раз по одной петле. Принцип вязания такой же, как на спинке. Провязав от проймы 114 рядов, вывязываем ГОРЛОВИНУ.

Предварительно сделаем расчет. Количество петель по 1/2

горловины — 19. Глубина горловины — 34 ряда, из них 14 рядов — ровный вертикальный участок и 20 рядов — закругление горловины, которое мы выполняем частичным вязанием. Следовательно, 19 петель 1/2 горловины нам необходимо разделить на 10 частей (20 рядов : 2 = 10). Петли в частях распределяем в убывающей последовательности: 4 петли, 3 петли, 4 раза по 2 петли, 4 раза по одной петле.

Теперь сделаем расчет для вывязывания ПЛЕЧА. Количество петель плеча — 36, высота скоса — 14 рядов. Следовательно, 36 петель плеча нужно разделить на 7 частей (14 рядов : 2 = 7). 36 петель делим на 7 частей таким образом: 6 петель, 6 раз по 5 петель.

Чтобы вывязать горловину, ставим в ВНП правую половину игл + 1 центральную + 4 иглы левой половины горловины. Провязываем 2 ряда. Выдвигаем в ВНП следующие 3 иглы, провязываем еще 2 ряда и далее работаем в такой последовательности: 4 раза по 2 петли, 4 раза по одной петле (всего 19 петель

в левой половине горловины).

Провязав от проймы всего 134 ряда и закончив вязать закругление горловины, провяжите 135-й ряд слева направо и поставьте в ВНП первые 6 игл плеча. Свяжите 2 ряда и поставьте в ВНП следующие 5 игл плеча и так повторите 5 раз по 5 игл (всего получится 36 петель).

Справа вяжите ровно вертикальную часть горловины, в конце вязания иглы плеча поставьте в РП, провяжите 1—2 ряда и закройте все петли. На иглах машины останутся петли всей горловины и правого плеча.

Оставьте в ВНП иглы левой половины горловины + 1 центральная + 4 иглы правой половины горловины. Остальные иглы поставьте в РП. В дальнейшем правую часть вяжите, как левую. В конце вязания на иглах горловины провяжите 1—2 ряда и закройте все петли в одном ряду.

Теперь вяжем РУКАВ.

На иглы машины вспомогательной нитью наберите 135 петель, провяжите 4 ряда. Затем вяжите основной нитью, выполняя узор «ажурные дырочки» и прибавляя с

обеих сторон рукава каждый 6-й ряд по одной петле. Провязав 114 рядов, начинайте выполнять ажурный треугольник. Со 122-го ряда вывязывайте окат. Для этого с каждой стороны рукава убавьте петли в такой последовательности: 9 раз по 2 петли, 11 раз по 3 петли, 3 раза по 5 петель. Оставшиеся центральные 41 петлю закройте в один прием. Окат вяжите по принципу вязания проймы переда и спинки.

Детали отпарьте. Обвяжите ажурную кокетку на переде и треугольники на рукавах крючком № 2 нитью рабочей толщины (см. схему 2).

Затем свяжите листики спицами № 1,5 нитью рабочей толщины. Наберите на спицы 5 петель, включая кромочные. Далее вяжите по схеме 3. После этого листья обвяжите крючком одним рядом полустолбиков. Чтобы кончик листа был острым, провяжите 3 воздушные петли. Готовые листья отпарьте.

Далее на кокетке мелком нанесите контур ветки, вышейте его тамбурным швом, нитью в одно сложение. Теперь обвяжите там-

швы, вяжем, — вышиваем...

бурные петли одним рядом полустолбиков. Нить возьмите рабочей толщины. К заранее намеченным местам пришейте потайным швом листья. Осталось только вышить черенки листьев тамбурным швом и обвязать тамбурные петли одним рядом полустолбиков.

НИЗ ИЗДЕЛИЯ вяжем так. Снимите вспомогательную нить и 1—2 ряда основной нити. Открытые петли наденьте на спицы № 2, нить рабочей толщины. На спинке и

перед вяжите, не убавляя петель, 6—8 рядов платочной вязкой. На рукаве в 1-м ряду равномерно убавьте 80—90 петель и вяжите 5 см манжету платочной вязкой. Горловину обработайте как обычно (см. «Крестьянка», 1986, № 5, стр. 6 приложения «Хозяюшка»).

Не забудьте связать шнурок для продержки по талии.

Г. ТАРБЕЕВА,
преподаватель
машинного вязания.
Схемы и чертежи автора.
Фото В. КАМЫШКО.

В прошлый раз мы говорили о том, что для изготовления многих предметов туалета — поясов, сумок, украшений и т. п. — отлично подойдет кожа от старых, уже сношенных вами вещей. Скажем, голенища сапог (см. «Крестьянка», 1987, № 1). Теперь постараемся обновить эту кожу, «омолодить» ее.

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА СТАРУЮ ВЕЩЬ

Очистите кожу мокрой тряпкой и внимательно осмотрите голенище (или другое изделие из кожи, которое вы подготовили), чтобы выбрать самый верный и простой способ разъединения деталей. Если вещь изношена уж очень сильно, можно просто вырезать хорошие пластины кожи ножом, прорезая материал рядом со швами. При этом по краю детали (по всему периметру) нужно оставить полоску кожи с дефектами шириной до 1 см — в нее впоследствии будут забиты гвозди для растяжки.

Из голенища аккуратно выпорите «молнию», она вам еще пригодится, если прочистить ее щеткой в мыльном порошке и высушить, растянув на доске. Если сапоги имели подкладку из натурального

или искусственного меха, ее тоже можно почистить или постирать и натянуть на доску для просушки.

Экономно вырежьте старые швы, отстрочки, спорите ремешки, пряжки и т. п. — мы же договорились смотреть на вещь по-новому, а бывший фасон и отделка могут помешать в этом.

Вот теперь перед нами практически просто куски кожи, пора забыть о том, что когда-то это были сапоги...

Прежде всего моем кожу с лицевой стороны в теплой воде с мыльной пеной. Затем очень тщательно чистой теплой водой смоем пену, чтобы мыло не впиталось в поры кожи и не покрыло ее беловатым налетом. Следите за температурой воды: в горячей кожа дубеет, а в холодной смягчается недостаточно. Теперь слегка отожмите кожу руками и растяните ее на доске лицевой стороной вверх.

Детали натягиваем сначала в продольном направлении, затем в поперечном. Чтобы зафиксировать достигнутые размеры, прибиваем кожу гвоздиками к доске через каждые 2—3 см (в зависимости от толщины кожи). Эти гвоздики в процессе растяжки придется несколько раз перебивать во избежание перекоса детали. Особое внимание обратите на швы: чтобы растянуть их ровно, забейте с противоположных концов шва гвоздики.

Полчаса кожа сохнет, затем на-

ПОЯСНЕНИЯ К СХЕМАМ

СХЕМА 1:

! — игла в РП;
! — деккером снимите петлю с иглы, обозначенной знаком «О», и перевесьте эту петлю на соседнюю иглу влево, обозначенную знаком «Л». Навешенную петлю переведите за язычок иглы, а освободившуюся иглу оставьте в РП;

● — деккером снимите петлю с иглы, обозначенной знаком «О», и перевесьте эту петлю на соседнюю иглу вправо, обозначенную знаком «Л». Навешенную петлю переведите за язычок

иглы, а освободившуюся иглу оставьте в РП.

СХЕМА 2:

⊕ — полустолбик;
○ — воздушная петля.

СХЕМА № 3:

— лицевая петля;
▲ — 2 петли вместе лицевой;
▲ — 2 петли вместе лицевой за задние стенки;
● — накид;
▲ — 3 петли вместе лицевой.

СОКРАЩЕНИЯ В ТЕКСТЕ:
РП — рабочее положение;
ВНП — верхнее нерабочее положение;
ННП — нижнее нерабочее положение.

чинаем работу по обновлению ее лицевой стороны. Ссадины, потертости, если возможно подобрать краску в тон, замажьте с помощью

Примерно через день кожа просыхает. Теперь пластины готовы к дальнейшей обработке. Возьмите их в руки, помните: кожа должна

мягкой кисточки. Чтобы не образовалось возвышения на этом месте, когда «заплата» высохнет, слегка проведите по ней ватным тампоном, смоченным в ацетоне и сильно отжатым. Этим же способом пользуются для перераспределения краски по поверхности кожи, если подобрать новую краску в тон не удастся.

Затем кожу жируют: на ватный тампон наносят обычный крем для кожи («Сочи», «Луч») и тщательно втирают его во всю поверхность, затем сухой губкой полируют до появления блеска. Чтобы не было белого налета, не увлекайтесь количеством крема! Полировать надо тщательно, чтобы блеск был равномерным. Светлую кожу лучше смягчить не кремом, а молоком, чтобы не потемнела, после чего так же отполировать.

быть гибкой, чистой, блестящей, как новая!

Если вы не сразу собираетесь использовать кожу, то храните ее так. Сложите детали друг на друга лицевыми сторонами вверх, заверните в полиэтиленовый пакет, чтобы не сохли. Большие куски можно скатать рулоном, только не заламывая. Можно проложить слои кожи бумагой, но не газетной. Периодически придется проветривать пакет, перекладывать кожу. Храните ее в прохладном сухом месте.

Пожалуйста, постарайтесь подготовить пластины к следующему занятию. Мы будем шить из них новую кожаную сумку модного фасона.

**М. ИГНАШЕВА,
М. УТКИНА.**

Вот уж и день пошел прибавляться! Про эту пору в народе говорят: «Солнце на лето — зима на мороз».

СОВЕТЫ
МАРИИ ИВАНОВНЫ

ПОРА ПРОВЕРИТЬ ПРИПАСЫ

Теперь нам с вами, дорогие хозяюшки, нужно почаще заглядывать в погреб, пристройку или на террасу — туда, где мы сложили припасы, заготовленные на зиму. Как февральское солнышко засветит, так и пойдут они: картофель — прорасти, капуста — желтеть, соленья да квашенья — пузыриться... Сейчас придется каждые 2—3 недели «ревизию» своим запасам делать, чтобы уберечь их подольше.

СПУСКАЕМСЯ В ПОГРЕБ

Первым делом просмотрим картошку, проверим «глазки»: если где-то начали пробиваться «усы» — тщательно оборвем. Может случиться, что некоторые картофелины подмерзли. Эта беда невелика. Перед варкой опустите их на минуту в холодную воду, а потом положите в кипяток и доведите до готовности, добавив чайную ложку уксуса на каждую чайную ложку соли. — вкус картофеля не изменится. Вот только жарить его не нужно, если подмерз.

У капусты оборвем верхние пожелтевшие листья, проследим, чтобы кочаны не касались один другого.

Если рассол в бочонке с квашеной капустой пошел пузырями, лучше переложить капусту в тщательно подготовленные стеклянные банки и залить сверху на два

пальца растительным маслом — так она сохранится до конца весны.

Корни хрена, возможно, подсохли, подвяли — они слабы в хранении! Перед тем как чистить и тереть, опустим их в воду на 5—6 часов — корни оживут.

Морковь, редьку мы обычно храним во влажном песке. Теперь песок начнет быстро сохнуть — его надо будет слегка увлажнять, но ни в коем случае не заливать водой, тогда овощи начнут гнить.

Репчатый лук, наоборот, любит сухость. Если он у вас немного подмерз, не огорчайтесь, на вкусовых качествах это не отразится, даже размораживать не надо.

Ну, а теперь пора к плите, обед готовить. Давайте-ка попробуем сегодня, какова

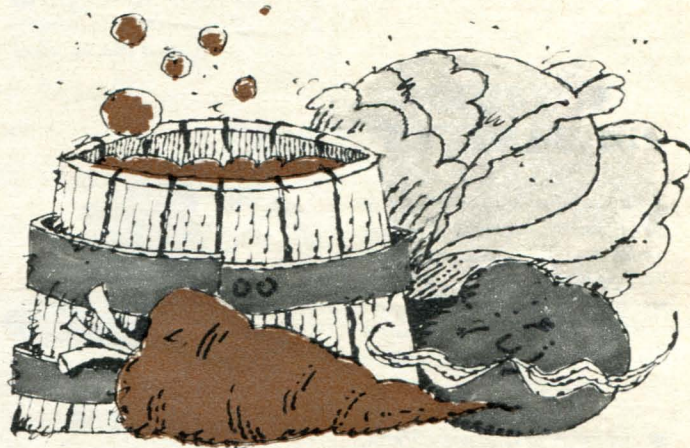
БЕЛОРУССКАЯ КУХНЯ

Вот где любят овощи! К примеру, в борщ белорусский кладут все, какие есть: морковь, свеклу, лук (их предварительно обжаривают с томатом-пастой), картофель, коренья, зелень... Овощи кладут в наваристый мясной бульон, добавляют, если есть, любые копчености, уксуса, сахара — по вкусу, заправляют сметаной.

Пирожки картофельные с капустой подают горячими, как самостоятельное второе блюдо. Готовят их так. Картофель отваривают, пропускают горячим через мясорубку, добавляют 1 яйцо на 1 кг картофеля, соль по вкусу, хорошо перемешивают, разделяют на круглые лепешки, кладут на них капустный фарш, формируют пирожки полукруглой формы, панируют в муке и обжаривают в жиру. Фарш делают из свежей или квашеной капусты, тушеной с луком и жиром, заправленной солью и сахаром. Подают пирожки, полив растопленным маслом.

Излюбленный десерт в Белоруссии — национальный кисель. Думаю, вы такого не едали, а я готовила — вкусно! Овсяную муку или геркулес нужно развести холодной водой, как жидкую сметану, и дать хорошо закипеть в тепле. Затем процедить через сито и заварить густой кисель, разлить в чашки или формочки, охладить. Перед тем как подать на стол, полить сиропом, приготовленным из ягод. К белорусскому киселю можно подать холодное кипяченое молоко.

Обед готов? Теперь можно по-

думать и о сладком. Но сегодня наши советы

СЛАДКОЕЖКАМ

я хочу дать... мужчинам: скоро ведь наш с вами любимый праздник, день 8 Марта, и думается, что наши мужья, сыновья, братья, внуки уже начали «ломать головы», чем бы порадовать женщин. Так вот: скажу по опыту, нет ничего для хозяйки приятнее, дороже, чем блюдо, сготовленное пусть и неумелыми руками, зато с добрым желанием порадовать.

Посоветую вам приготовить очень простой пирог. Тесто делают так: 200 г размягченного масла или маргарина, 200 г сметаны, яйцо, 3 стакана муки (может пойти и немного больше — это зависит от жира), пол чайной ложки соли хорошо перемешать, выложить на доску, подпыленную мукой, раскатать, небольшой кусок оставив для верха. Пласт теста выкладываем на противень, накрываем любой начинкой (подойдут яблоки, порезанные дольками и посыпанные сахаром, любое варенье, творог с сахаром и яйцом, а также тушеная капуста, отварной рис или мясо с крутыми яйцами и зеленым луком), сверху укладываем полоски, нарезанные из теста, смазываем яйцом, выпекаем в духовке 25—30 минут. Если начинка не сладкая, закрыть пирог лучше не полосками, а тонко раскатанным тестом.

Одного часа хватит на все, даже

с мьтьем противня! А главное — не было еще случая, чтобы этот пирог не удался, он выходит всегда.

ИЗ ЧЕРСТОВОГО ХЛЕБА

Пироги хороши, но и без хлеба не обойтись. А сколько же потом остается нарезанных кусков, особенно когда в доме гости бывают! Бабушка моя, бывало, целый обед из черствого хлеба могла сготовить. Давайте и мы сделаем хлебный суп по-крестьянски. Сухие черные корки вместе с нарубленной зеленью петрушки, укропа, сельдерея и мелко нарезанным репчатым луком обжарим на сливочном масле, зальем водой, посолим и доведем до кипения. Непрерывно помешивая, осторожно добавим тщательно взбитые яйца.

На 300 г сухих корок — 1,5 л воды, 50 г сливочного масла или маргарина, 3 яйца, 2 головки лука, 15—20 г зелени.

А из пшеничных сухарей сделаем оладьи: размелем их, зальем горячим молоком, добавим соль, сахар, яйцо, изюм, дрожжи, поставим в тепло на 2—3 часа. Пожарим на сковородке, подадим с маслом, сметаной, вареньем, медом, молоком.

На 200 г сухарей — 300 г молока, яйцо, 2 столовые ложки сахарного песка, 30 г жира для обжаривания, горсть изюма, 1/3 палочки дрожжей.

Приятного аппетита!

Ваша
МАРИЯ ИВАНОВНА.

ХОЗЯЙКЕ НА ЗАМЕТКУ

● Полированную или покрытую декоративной пленкой мебель лучше протирать специально подготовленной тряпкой для пыли: пропитать ее смесью глицерина и воды (1:10) и дать подсохнуть. Такая тряпка вбирает пыль, полирует поверхность.

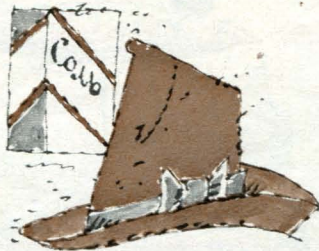
● Сумки из искусственной кожи нужно время от времени мыть теплой водой с уксусом, затем досуха вытереть мягкой тряпкой. Сильно загрязненные сумки хорошо вымыть с добавлением стирального порошка для синтетических тканей, затем протереть чистой влажной тряпкой и высушить при комнатной температуре.

● Если еда, которую вы готовили в кастрюле, пригорела и не удаётся полностью очистить дно, наполните кастрюлю крепким раствором соли и оставьте так на ночь. Утром дайте раствору закипеть — все пригоревшие частицы отойдут, дно заблестит, как новое.

● Если новые кожаные туфли или сапоги жмут ногу, увлажните их изнутри уксусом или одеколоном, сразу же наденьте и поносите дома 2—3 часа, пока не высохнут.

● Жирные пятна с обоев легко удалить. Для этого нужно наложить на них промокательную бумагу и прогладить горячим утюгом. Бумагу придется сменить несколько раз, пока пятно совсем не исчезнет.

ЧИСТИМ ШЛЯПУ

«Сейчас в моде шляпы с полями из велюра, фетра. Я тоже приобрела такую фетровую шляпку, но за два сезона она как-то потеряла вид: потерлась на сгибах, кое-где замаялась, залоснилась. Можно ли ее обновить?»

**О. ПЕТРАКОВА,
Кемеровская область».**

Есть несколько способов обновить изделия из фетра.

Потертые и замаятые места можно слегка, без нажима, почистить наждачной бумагой. Или, насыпав на них мелкую соль, почистить жесткой щеткой. А можно приготовить раствор нашатырного спирта пополам с водой, смочить в нем лоскут грубого сукна и чистить им поврежденные места, после чего протереть шляпу сухой чистой тряпкой, вычистить жесткой щеткой и высушить.

Нередко фетровые и велюровые шляпы покрываются пятнами в тех местах, где они плотно прилегают к голове, засаливаются. В таком случае их надо протереть чистой тряпкой, смоченной бензином или раствором нашатырного спирта с денатуратом, взятых поровну.

Шляпы светлые — серые, бежевые — чистят белой тряпкой, смоченной раствором из 5 столовых ложек уксуса, 5 столовых ложек нашатырного спирта и половины столовой ложки соли. После этого их протирают чистой сухой тряпкой.

Т. СТУКАЛОВА

ЧТОБЫ КНИГИ ЖИЛИ ДОЛЬШЕ...

«Очень люблю книги, трачу на них все деньги, которые могу отложить! А вот как правильно их хранить, чтобы дольше служили, не знаю...»

**Т. КНЯЗЕВА,
г. Мелитополь».**

Книги действительно нуждаются в бережном обращении, правильном уходе — ведь они не только с нами будут всю жизнь, но и детям нашим, внукам останутся как самое лучшее и памятное «наследство»! А ведь как часто приходится видеть: кто-то для удобства чтения перегнул книгу, другой

загнул страницу «для памяти», третий и вовсе оторвал кусок листа, чтобы записать нужный телефон, и т. п. При таком отношении книга скоро разлетится по листикам, разлохматится, придет в негодность.

Первый совет — заверните книгу, которую вы читаете или даете почитать, в бумагу или специальную обложку из клеенки, полиэтилена (они продаются в магазинах канцелярских товаров).

Снимая книгу с полки, сразу положите в нее закладку из полочки картона, плотной бумаги, обреза кожи или дерматина — тогда не придется загибать страницы на уголках.

Книжные полки, стеллажи, шкафы проветривайте время от времени — книги любят воздух! А вот пыли и влаги не терпят, поэтому во время генеральной уборки советуем снять их с полок, протереть сухой мягкой тряпкой или обработать пылесосом. Оборудовать пол-

ки или стеллажи лучше в затененной части комнаты — солнечные лучи обесцвечивают обложки.

Если обложки загрязнились, их можно протереть ватным тампоном, смоченным нашатырным спиртом, просушить и вытереть мягкой тряпкой. Кожаные обложки чистят тряпочкой, смоченной водой и слегка намыленной. Когда высохнут, их тоже следует протереть сухой мягкой тряпкой.

Жирные пятна на страницах можно вывести раствором картофельного крахмала (столовая ложка на полстакана воды). Когда крахмал высохнет, его стирают мягкой тряпкой.

Если страницы запачканы чернилами, смочите пятна перекисью водорода, протрите влажной ватой, положите сверху и снизу обработанного места промокательную бумагу в 2—3 слоя и закройте книгу — «промокашка» впитает влагу.

Разорванные страницы подклейте, оторвавшийся от обложки корешок книги попробуйте закрепить клеевой лентой. Если же переплет совсем разошелся, придется отдать в мастерскую переплести заново или сделать это самим: библиотека хлопот стоит!

Н. СУХОВА

ХЛОПОТ С ЭТИМ ЛЬДОМ!

«За зиму на стеклах не раз замерзает ледяная корка — мы живем на первом этаже... Горячей водой смывать боюсь, чтобы стекло не лопнуло, ножом тоже не хочется соскребать. Как лучше поступить?»

**И. ВАНДЕЕВА,
Псковская область».**

В половине литра теплой воды растворите горсть соли. Смочите в теплом соленом растворе мягкую щетку и проведите несколько раз по замерзшему стеклу — лед растает на глазах.

Когда корка совсем исчезнет, вытрите оконное стекло насухо.

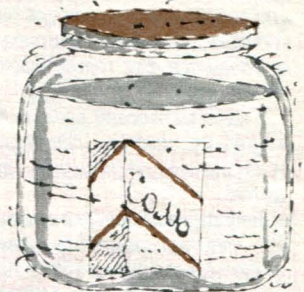

Рис. А. МАРТЫНОВА

«Борьбу за здоровье ребенка нужно начинать задолго до его рождения!» — считает В. И. ИВАНОВ, заслуженный врач РСФСР, доктор медицинских наук.

СТОИТ ВЫПИТЬ СТАКАН КОФЕ, КАК...

Причиной различных поражений кожи малыша бывает чаще всего аллергия. Число детей, подверженных этому заболеванию, за последнее время значительно возросло, причем установлено, что многие из них уже при рождении имели предрасположенность к аллергии. Откуда такая беда? Увы, чаще всего от мамы... Нередко приходится наблюдать, как женщина, готовящаяся стать матерью, спокойно курит, употребляет спиртные напитки. Обычно мы деликатно называем такие явления «дурными привычками». Но сказать честно — это настоящее преступление перед ребенком, которого такая мать заранее обрекает на страдания, омрачает его детство и юность. Вредно для будущего ребенка и неумеренное потребление лекарств, разумеется, совершенно исключены должны быть наркотики.

Большое значение имеет и правильное питание будущей матери, подбор пищевых продуктов для нее. Составить меню поможет врач, и следовать его советам нужно строго. Так, способствуют аллергическим проявлениям яичный белок, какао, шоколад, конфеты, мороженое... Эти продукты не стоит давать и детям до 3-летнего возраста.

Лучшей пищей для новорожденного, как и во все века, остается грудное молоко матери. В нем содержатся все необходимые для

роста и развития ребенка питательные компоненты, а также антитела, которые укрепляют иммунитет ребенка, повышают сопротивляемость инфекциям. Так что от правильного поведения во время беременности, дорогие будущие мамы, во многом зависит здоровье вашего малыша!

Но вот младенец появился на свет, и вы со страхом замечаете, что стоит вам съесть апельсин или выпить стакан кофе, как у него на

коже высыпают отеки, похожие на ожог, — это КРАПИВНИЦА, первое аллергическое проявление. С ним пока еще легко справиться, исключив из своего меню продукт, вызвавший реакцию.

Если не сделать этого, может возникнуть более тяжелое проявление аллергии у малыша — ЭКЗЕМА. Она чаще всего поражает кожу лба, щек, подбородка, задней поверхности ушной раковины. Кожа воспаляется, мокнет, покрывается корочками, усиливается зуд, ребенок не спит, не ест, плачет... Тут уже необходима консультация врача — он поможет выявить причину заболевания, которая может крыться в пище матери, пластмассе детских игрушек, одежде, мыле... Врач подскажет,

как помочь малышу. Но одно можно сказать в любом случае: мойте ребенка только детским мылом и чистой водой, пораженные участки кожи не пересыпайте тальком, не смазывайте кремом, самодельными мазями.

Серьезнейшее проявление аллергии у малыша — ЭКССУДАТИВНЫЙ ДИАТЕЗ. Чтобы избежать его, следите за своим питанием, не нарушайте режима, держите ребенка в чистоте и сухости, в точности следуйте всем рекомендациям детского врача — с этим заболеванием бороться нелегко! Если же все-таки признаки появились, примените водный настой лекарственных трав. Ученые С. Я. Соколов и И. П. Замотаев рекомендуют сбор в таком составе: равные количества крапивы двудомной, душицы обыкновенной, череды трехраздельной, фиалки трехцветной, ромашки аптечной, тимьяна ползучего, хвоща полевого, валерианы лекарственной, солодки голой. Две столовые ложки смеси надо залить стаканом горячей кипяченой воды и в эмалированной посуде под крышкой нагревать на водяной бане 15 мин., затем охладить при комнатной температуре в течение 45 мин., процедить. Дети до 3-летнего возраста принимают настой по чайной ложке до еды 3—4 раза в день, после 3 лет — по столовой ложке.

Если заболевание сопровождается нарушением функций желудочно-кишечного тракта и печени, рекомендуется применить водный настой сбора таких трав: полыни горькой — столовую ложку, шалфея лекарственного, подорожника, крапивы двудомной, кукурузных столбиков с рыльцами — по 2 столовые ложки, тысячелистника, зверобоя продырявленного, хвоща полевого — по 3 столовые ложки; этот настой готовят и принимают, как и предыдущий.

Эффективны лечебные ванночки, особенно при начальных проявлениях аллергии, а также при хронических формах диатеза. Для ванночек используют такой сбор лекарственных растений: череда трехраздельная, ромашка аптечная, валериана лекарственная, шалфей лекарственный, чистотел, зверобой продырявленный в равных частях. Берут 5 столовых ложек сбора на каждый литр воды в ванне, заливают кипятком, настаивают в течение 30 минут, процеживают и выливают в ванну, следя, чтобы температура воды не превышала 36—38°. Продолжительность ванны — 5—10 минут.

Успокоить зуд и снять отек могут примочки с отваром коры дуба обыкновенного, зверобоя и мяты перечной, взятых в равных количествах. Растения кладут в матерчатый или бумажный мешочек, берут из смеси по 2 столовые ложки, засыпают в эмалированную посуду, заливают половиной стакана кипятка, нагревают на водяной бане 30 минут, остужают 10 минут при комнатной температуре, процеживают. Отваром смачивают марлевые салфетки и прикладывают их к пораженным местам кожи, повторяя процедуру 3—4 раза. В течение суток можно делать примочки 4—5 раз.

Наша читательница Н. И. Лутаева из Пензенской области предлагает ставить на зудящие участки кожи не примочки, а припарки. Указанный выше состав лекарственных растений она помещает в марлевый мешочек, распаривает его в кипятке, остужает до 42—40°, слегка отжимает и теплым прикладывает к коже. Процедуру повторяет до прекращения зуда. В сутки такие припарки можно делать несколько раз по мере необходимости. Мы проверили совет Н. И. Лутаевой — эффект получился хороший, спасибо ей за письмо. При необходимости воспользуйтесь ее советом!

Рис. Е. НОВИКОВОЙ.

● Для того чтобы кожу ребенка содержать в чистоте, а нервную систему в покое, лучше всего купать ребенка вечером перед кормлением.

● Ванночка, в которой купаете ребенка, предназначена только для купания, стирать в ней пеленки или другое детское белье не следует.

● В первые месяцы жизни кожа у ребенка очень нежная, поэтому после купания при обсушивании простынку промокайте тельце, но ни в коем случае не трите.

● Не кутайте ребенка. Это приводит к повышенной потливости, появлению потницы, зуда, расчесов и воспалению кожи.

Каждая женщина, которой предстоит выход на пенсию, по-своему реагирует на эту серьезную перемену в жизни. Многое зависит от особенностей характера, темперамента, личных устремлений и интересов.

ПОСЛЕ ПЯТИДЕСЯТИ

ЕСЛИ ВПЕРЕДИ — ПЕНСИЯ...

Некоторые женщины, предпринимчивые по натуре, полные творческих идей, воспринимают пенсию как возможность совершенно нового образа жизни. Других при мысли об этом охватывает беспокойство, тревога. Третьи впадают в пессимистическое настроение и твердят о «расставании с полноценной жизнью». Иногда, особенно у женщин, активных в своей профессии, увлеченных ею, душевный кризис принимает характер явной депрессии.

Что нужно сделать, чтобы легче преодолеть эмоциональный стресс, которым сопровождается выход на пенсию? Вот несколько советов.

За несколько месяцев до этого события попробуйте распределять расходы и укладываться в сумму, примерно равную будущей пенсии. И еще: не настраивайтесь на мысль, что, освободившись от необходимости ежедневно ходить на работу, вам следует посвящать себя лишь домашнему хозяйству.

Часто приходится слышать типичную жалобу молодых пенсионерок: «Пока работала,

была здорова, теперь вдруг хвори одолели». Но, может быть, дело не в болезнях, а в том, что вы стали их опасаться — возраст, мол, такой — и начали чересчур прислушиваться к себе? Попробуйте утром, прежде чем встать с постели, расслабившись, с закрытыми глазами несколько раз повторить себе: я здорова и полна сил, я отлично себя чувствую, впереди — удачный день. А если еще проделать небольшую физзарядку, буквально несколько упражнений для разминки, день в самом деле пройдет хорошо. Но, конечно, только в том случае, если вы не будете воспринимать его как тягостные часы одиночества. Ведь теперь у вас наконец появилась возможность прочесть книги, на которые прежде не хватало времени, встретиться с давней подругой, куда-то поехать, окончить курсы кройки и шитья, кулинарии. И не только ради каких-то знаний и умений. Посещая курсы, кружки, вы будете общаться с женщинами, близкими вам по своим интересам.

Многие пенсионерки испытывают чувство одиночества и неудовлетворенности из-за того, что не могут приносить пользу обществу своим трудом так, как раньше. А ведь ваш профессиональный и житейский опыт, знания наверняка пригодились бы окружающим. Попробуйте — вполне возможно, что чувство неудовлетворенности рассеется, — включиться в работу общественных организаций, клубов. Большинству из нас для ощущения собственной полноценности необходимо именно это — бескорыстно помогать людям.

УНЫВАТЬ НЕ СТОИТ

Перешагнув за порог пятидесятилетия, женщина не должна говорить себе: «Те-

перь можно и не обращать внимания на то, как я выгляжу». Именно сейчас и нужно приложить особые старания, чтобы сохранить бодрость, приятный, моложавый внешний вид.

Начнем с совета не впадать в отчаяние от каждой новой морщинки, а постараться предупредить их появление или сделать менее заметными. Отличное средство в борьбе со старением кожи лица — регенерирующие кремы и кремы-гидратанты. Крем, обладающий необходимыми качествами, нетрудно приготовить самим. Взбейте 100 граммов сметаны, добавьте несколько капель лимонного сока и яичный желток, тщательно размешайте. Хранить крем нужно в склянке, в прохладном, защищенном от света месте.

Очищая кожу лица, пользуйтесь каким-нибудь жидким кремом или туалетным молочком.

Не пытайтесь скрыть морщины и другие недостатки кожи под толстым слоем грима и пудры. Избегайте яркой губной помады — светлая предпочтительнее. Если вы красите волосы, будьте осторожны при выборе цвета. Помните, что черный цвет волос старит. По тем же соображениям нежелательны рыжеватые и красноватые, а также слишком светлые тона.

Одежду же следует предпочесть светлую. Черный, синий, темно-зеленый и коричневый цвета невыгодно оттеняют стареющую кожу. И наоборот, голубой, розовый, белый, светло-серый, бежевый придают свежий и моложавый вид. Если же вам все-таки нравятся темные цвета, старайтесь освежать костюм светлой отделкой и дополнениями.

БУДЕТЕ ВЫГЛЯДЕТЬ МОЛОЖАВЕЕ

А теперь несколько слов о питании после пятидесяти.

Прежде всего надо позаботиться о снижении калорийности пищи. Но при этом нельзя

упускать из виду потребность организма в витаминах, минеральных солях, белках и жирах. Поэтому надо подбирать продукты питания так, чтобы уменьшение их количества не сказывалось на поступлении в организм необходимых веществ.

Пища должна быть богата антисклеротическими компонентами — они содержатся в основном в овощах и фруктах.

В рацион питания следует включать прежде всего молоко и молочные продукты. Чаще должна появляться в меню рыба, особенно нежирные ее сорта. Что касается яиц, то людям до 65 лет можно съедать два-три, а старше этого возраста — одно-два яйца в неделю, но это ограничение не относится к яичному белку.

Годятся в рацион хлеб из муки грубого помола или ржаной, всевозможные крупы, рис. Надо свести к минимуму потребление мучных изделий: пирогов, пирожных, — крахмала, соли, сахара — его лучше заменить медом.

Рекомендуются блюда, в которых сочетаются животные и растительные продукты, — так пища легче усваивается. Это хлеб с молоком, молочные каши, разнообразные супы-пюре, молочные запеканки из лапши и макарон. И всегда, когда только есть возможность, на столе должны присутствовать свежие овощи или фрукты. Очень полезны и питательны черная смородина, черника, земляника, виноград, из овощей — салат, чеснок, лук-порей, петрушка, сельдерей, белокочанная и цветная капуста. Если врач не предписал специальной диеты в связи с заболеванием, придерживайтесь принципа: ни от чего не отказываться, быть воздержанным во всем!

Итак, встречайте без страха свой пенсионный возраст. Многие женщины в эту пору, следя за собой, выглядят моложе и здоровее иных сорокалетних.

По материалам журнала «Болгарская женщина».

Вечер в домашнем кругу

СЕМЕЙНЫЕ ЧТЕНИЯ

НИКИТА

Андрей ПЛАТОНОВ

Рассказ

перь, а тут все добро наше — в избе и во дворе.

— Я умный, тут добро наше, а отца нету, — говорил Никита. — А ты приходи поскорее, мама, а то я боюсь.

— Чего ты боишься-то? На небе солнце светит, кругом в полях людно, ты не бойся, ты живи смирно один...

— Да, а солнце ведь далече, — отвечал Никита, — и его облако закроет.

Оставшись один, Никита обошел всю тихую избу — горницу, затем другую комнату, где стояла русская печь, и вышел в сени. В сенях жужжали большие толстые мухи, паук дремал в углу посреди паутины, воробей пришел пеший через порог и искал себе зернышко в жилой земле избы. Всех их знал Никита: и воробьев, и пауков, и мух, и кур во дворе; они ему уже надоели, и от них ему было скучно. Он хотел теперь узнать то, чего он не знал. Поэтому Никита пошел далее во двор и пришел в сарай, где стояла в темноте пустая бочка. В ней, наверно, кто-нибудь жил, какой-нибудь маленький человек; днем он спал, а ночью выходил наружу, ел хлеб, пил воду и думал что-нибудь, а ночью опять прятался в бочку и спал.

— Я тебя знаю, ты там живешь, — приподнявшись на ногах, сказал Никита сверху в темную гулкую бочку, а потом влобавок постучал по ней кула-

ком. — Вставай, не спи, лодырь! Чего зимой есть будешь? Иди проси полоть, тебе трудовень дадут!

Никита прислушался. В бочке было тихо. «Помер он, что ль!» — подумал Никита. Но в бочке скрипнула ее деревянная снасть, и Никита отошел от греха. Он понял, что, значит, тамошний житель повернулся на бок либо хотел встать и погнаться за Никитой.

Но какой он был, — тот, кто жил в бочке? Никита сразу представил его в уме. Это был маленький, а живой человек. Борода у него длинная, она доставала до земли, когда он ходил ночью, и он нечаянно сметал ею сор и солому, отчего в сарае оставались чистые стежки.

У матери недавно пропали ножницы. Это он, должно быть, взял ножницы, чтобы обрезать себе бороду.

— Отдай ножницы! — тихо попросил Никита. — Отец придет с войны — все одно отымет, он тебя не боится. Отдай!

Бочка молчала. В лесу, далеко за деревней, кто-то ухнул, и в бочке тоже ответил ему черным страшным голосом маленький житель: я тут!

Никита выбежал из сарая во двор. На небе светило доброе солнце, облака не застили его сейчас, и Никита в испуге поглядел на солнце, чтобы оно защитило его.

Рано утром мать уходила со двора в поле на работу. А отца в семействе не было; отец давно ушел на главную работу — на войну и не вернулся оттуда. Каждый день мать ожидала, что отец вернется, а его все не было и нет.

В избе и на всем дворе оставался хозяином один Никита, пяти лет от роду. Уходя, мать ему наказывала, чтобы Никита не сжег двора, чтобы он собрал яйца от кур, которые они снесли по закускам и под плетнями, чтобы чужой петух не приходил во двор и не бил своего петуха и чтобы он ел в обед молоко с хлебом на столе, а к вечеру мать вернется и тогда покормит его горячим ужином.

— Не балуй, Никитушка, отца у тебя нету, — говорила мать. — Ты умный те-

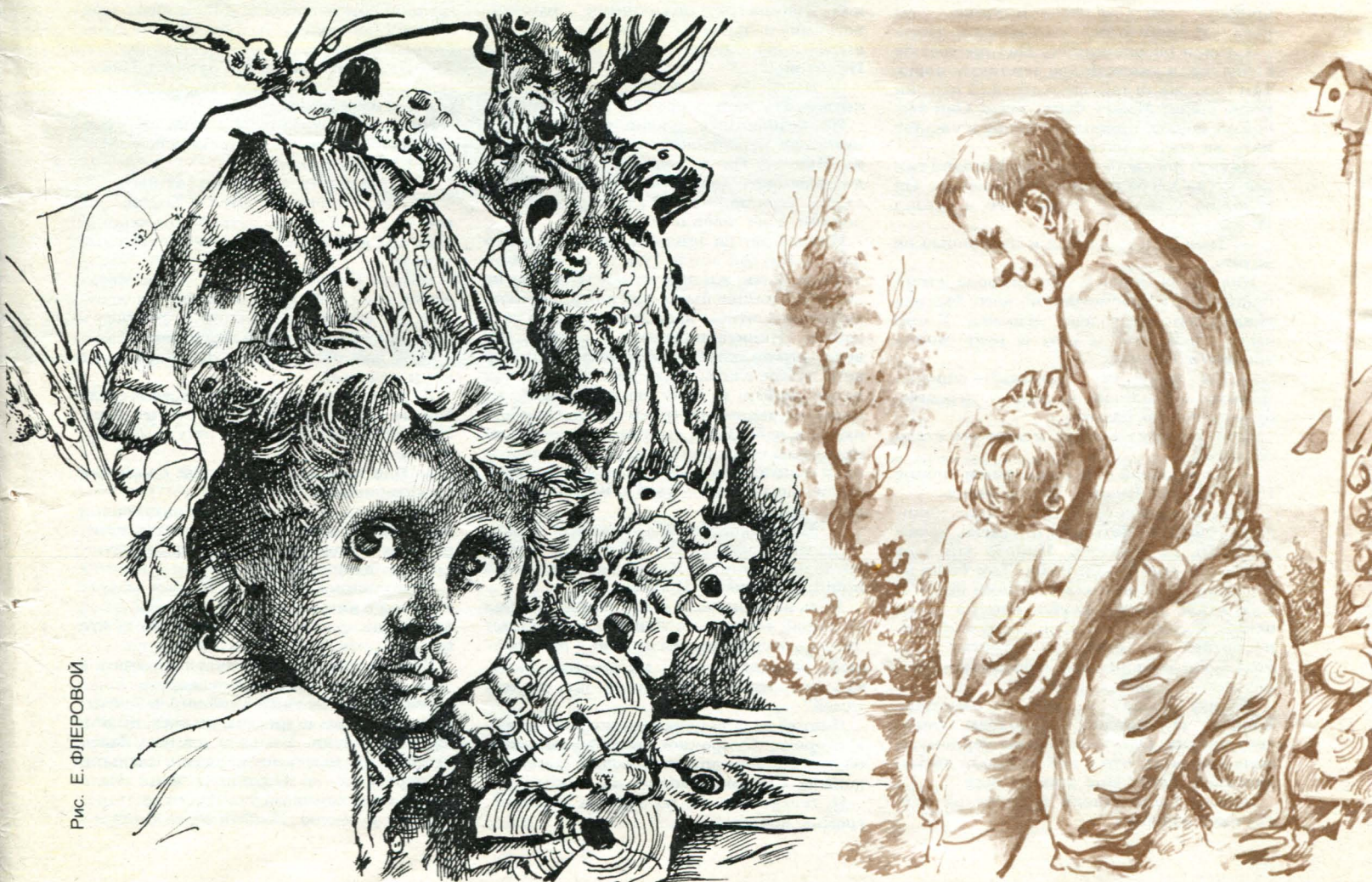

Рис. Е. ФЛЕРОВОЙ.

— Там житель в бочке живет! — сказал Никита, смотря на небо.

Доброе солнце по-прежнему светило на небе и глядело на него в ответ теплым лицом. Никита увидел, что солнце было похоже на умершего дедушку, который всегда был ласков к нему и улыбался, когда был живой и смотрел на него. Никита подумал, что дедушка стал теперь жить на солнце.

— Дедушка, ты где, ты там живешь? — спросил Никита. — Живи там, а я тут буду, я с мамой.

За огородом, в зарослях лопухов и крапивы, находился колодец. Из него уже давно не брали воду, потому что в колхозе вырыли другой колодец с хорошей водой.

В глубине того глухого колодца, в его подземной тьме, была видна светлая вода с чистым небом и облаками, идущими под солнцем. Никита наклонился через сруб колодца и спросил:

— Вы чего там?

Он думал, что там живут на дне маленькие водяные люди. Он знал, какие они были, он их видел во сне и, проснувшись, хотел их поймать, но они убежали от него по траве в колодец, в свой дом. Ростом они были с воробья, но толстые, безволосые, мокрые и вредные, они, должно быть, хотели у Никиты выпить глаза, когда он спал.

— Я вам дам! — сказал в колодец Никита. — Вы зачем тут живете?

Вода в колодеце вдруг замутилась, и оттуда кто-то чавкнул пастью. Никита открыл рот, чтобы вскрикнуть, но голос его вслух не прозвучал, он занемог от страха; у него только дрогнуло и приостановилось сердце.

«Здесь еще великан живет, и его дети!» — понял Никита.

— Дедушка! — поглядев на солнце, крикнул он вслух. — Дедушка, ты там? — И Никита побежал назад к дому.

У сарая он опомнился. Под плетневую стену сарая уходили две земляные норы. Там тоже жили тайные жители. А кто они такие были? Может быть, змеи! Они выползут ночью, приползут в избу и ужалат мать во сне, и мать умрет.

Никита побежал скорее домой, взял там два куса хлеба со стола и принес их. Он положил у каждой норы хлеб и сказал змеям:

— Змеи, ешьте хлеб, а к нам ночью не ходите.

Никита оглянулся. На огороде стоял старый пень. Посмотрев на него, Никита увидел, что это голова человека. У пня были глаза, нос и рот, и пень молча улыбался Никите.

— Ты тоже тут живешь? — спросил мальчик. — Вылезай к нам в деревню, будешь землю пахать.

Пень крикнул в ответ, и лицо его стало сердитое.

— Не вылезай, не надо, живи лучше там! — сказал Никита, испугавшись.

Во всей деревне было тихо сейчас, никого не слышать. Мать в поле далеко, до нее добежать не успеешь. Никита ушел от сердитого пня в сени избы. Там было не страшно, там мать недавно дома была. В избе стало теперь жарко. Никита хотел испить молока, что оставила ему мать, но, посмотрев на стол, он заметил, что стол — это тоже человек, только на четырех ногах, а рук у него нету.

Никита вышел в сени на крыльцо. Вдалеке за огородом и колодцем стояла старая баня. Она топилась по-черному, и мать говорила, что в ней дедушка любил купаться, когда еще живым был.

Банька была старая и омшала вся, скучная избушка.

«Эта бабушка наша, она не померла, она избушкой стала!» — в страхе подумал Никита о дедушкиной бане. — Ишь, живет себе, вон у ней голова есть — это не труба, а голова — и рот щербатый в голове. Она нарочно баня, а по правде тоже человек! Я вижу!»

Чужой петух вошел во двор с улицы. Он был похож по лицу на знакомого худого пастуха с бородкой, который по весне утонул в реке, когда хотел переплыть ее в половодье, чтобы идти гулять на свадьбу в чужую деревню.

Никита порешил, что пастух не захотел быть мертвым и стал петухом; значит, петух этот — тоже человек, только тайный. Везде есть люди, только кажутся они не людьми.

Никита наклонился к желтому цветку. Кто он был? Вглядевшись в цветок, Никита увидел, как постепенно в круглом его личике являлось человеческое выражение, и вот уже стали видны маленькие глаза, нос и открытый влажный рот, пахнувший живым дыханием.

— А я думал, ты правда цвет! — сказал Никита. — А дай я посмотрю, — что у тебя внутри, есть у тебя кишки?

Никита сломал стебель — тело цветка — и увидел в нем молоко.

— Ты маленький ребенок был, ты мать свою сосал! — удивился Никита.

Он пошел к старой бане.

— Бабушка! — тихо сказал ей Никита. Но щербатое лицо бабушки гневно ощерилось на него, как на чужого.

«Ты не бабушка, ты другая!» — подумал Никита.

Колья из плетня смотрели на Никиту, как лица многих неизвестных людей. И каждое лицо было незнакомое и не любило его: одно сердито ухмылялось, другое злобно думало что-то о Никите, а третий кол опирался иссохшими руками ветвями о плетень и собирался вовсе вылезти из плетня, чтобы погнаться за Никитой.

— Вы зачем тут живете? — сказал Никита. — Это наш двор!

Но незнакомые, злобные лица людей отовсюду неподвижно и зорко смотрели на Никиту. Он глянул на лопухи — они должны быть добрыми. Однако и лопухи сейчас угрюмо покачивали большими головами и не любили его.

Никита лег на землю и прильнул к ней лицом. Внутри земли гудели голоса, там, должно быть, жили в тесной тьме многие люди, и слышно было, как они карябаются руками, чтобы вылезти оттуда на свет солнца. Никита поднялся в страхе, что везде кто-то живет и отовсюду глядят на него чужие глаза, а кто не видит его, тот хочет выйти к нему из-под земли, из норы, из черной застрехи сарая. Он обернулся к избе. Изба смотрела на него, как прохожая старая тетка из дальней деревни, и шептала ему: «У-у, непутевые, нарожали вас на свет — хлеб пшеничный даром жевать».

— Мама, иди домой! — попросил Никита далекую мать. — Пускай тебе половину трудодня запишут. К нам во двор чужие пришли и живут. Прогони их!

Мать не услышала сына. Никита пошел за сарай, он хотел поглядеть, не вылезет ли пень-голова из земли; у пня рот большой, он всю капусту на огороде поест, из чего тогда мать будет щи варить зимой?

Никита издала робко посмотрел на пень в огороде. Сумрачное, нелюдимое лицо, обросшее морщинистой корой, неморгающими глазами глянуло на Никиту.

И далеко кто-то, из леса за деревней, громко крикнул:

— Максим, ты где?

— В земле! — глухо отозвался пень-голова.

Никита обернулся, чтобы бежать к матери в поле, но упал. Он занемог от страха; ноги его стали теперь как чужие люди и не слушались его. Тогда он пополз на животе, словно был еще маленьким и не мог ходить.

— Дедушка! — прошептал Никита и посмотрел на доброе солнце на небе.

Облако застигло свет, и солнца теперь не было видно.

— Дедушка, иди опять к нам жить!

Дедушка-солнце показался из-за облака, будто дед сразу отвел от своего лица темную тень, чтобы видеть своего ослабевшего внука, ползшего по земле. Дед теперь смотрел на него; Никита подумал, что дед видит его, поднялся на ноги и побежал к матери.

Он бежал долго. Он пробежал по пыльной пустой дороге всю деревенскую улицу, потом умирился и сел в тени овина на околице.

Никита сел не надолго. Но он нечаянно опустил голову к земле, уснул и очнулся лишь навечер. Новый пастух гнал колхозное стадо. Никита пошел было далее, в поле к матери, однако пастух сказал ему, что уже время позднее и мать Никиты давно ушла с поля ко двору.

Дома Никита увидел мать. Она сидела за столом и смотрела, не отводя глаз, на старого солдата, который ел хлеб и пил молоко.

Солдат поглядел на Никиту, потом поднялся с лавки и взял его к себе на руки. От солдата пахло теплом, чем-то добрым и смирным, хлебом и землей. Никита оробел и молчал.

— Здравствуй, Никита, — сказал солдат. — Ты уж давно позабыл меня, ты грудной еще был, когда я поцеловал тебя и ушел на войну. А я-то помню тебя, умираю и помню.

— Это твой отец домой пришел, Никитишка, — сказала мать и утерла передником слезы с лица.

Никита осмотрел отца — лицо его, руки, медаль на груди — и потрогал ясные пуговицы на его рубашке.

— А ты опять не уйдешь от нас?

— Нет, — произнес отец. — Теперь уж век буду с тобой вековать. Врага-неприятеля мы погубили, пора о тебе с матерью думать...

Наутро Никита вышел во двор и сказал вслух всем, кто жил во дворе, — и лопухам, и сараю, и кольям в плетне, и пню-голове в огороде, и дедушкиной бане:

— К нам отец пришел. Он век будет с нами вековать.

Во дворе все молчали; видно, всем стало боязно отца-солдата, и под землей было тихо, никто не карябался оттуда наружу, на свет.

— Иди ко мне, Никита. Ты с кем там разговариваешь?

Отец был в сарае. Он осматривал и пробовал руками топоры, лопаты, пилу, рубанок, тиски, верстак и разные железки, что были в хозяйстве.

Отделавшись, отец взял Никиту за руку и пошел с ним по двору, оглядывая, — где, что и как стояло, что было цело, а что погнуло, что было нужно и что нет.

Никита так же, как вчера, смотрел в лицо каждому существу во дворе, но ныне он ни в одном не увидел тайного человека; ни в ком не было ни глаз, ни носа, ни рта, ни злой жизни. Колья в плетнях были иссохшими толстыми палками, слепыми и мертвыми, а дедушкина баня была сопревшим домиком, уходящим от старости лет в землю. Никита даже пожалел

сейчас дедушкину баню, что она умирает и больше ее не будет.

Отец сходил в сарай за топором и стал колоть на дрова ветхий пень на огороде. Пень сразу начал разваливаться, он согнулся насквозь, и его сухой прах дымом поднялся из-под отцовского топора.

Когда пня-головы не стало, Никита сказал отцу:

— А тебя не было, он слова говорил, он был живой. Под землей у него пузо и ноги есть.

Отец провел сына домой в избу.

— Нет, он давно умер,— сказал отец.— Это ты хочешь всех сделать живыми, потому что у тебя доброе сердце. Для тебя и камень живой, и на луке покойная бабушка снова живет.

— А на солнце дедушка!— сказал Никита.

Днем отец стругал доски в сарае, чтобы перестелить заново пол в избе, а Никите

он тоже дал работу — выпрямлять молотком кривые гвоздики.

Никита с охотой, как большой, начал работать молотком. Когда он выпрямил первый гвоздь, он увидел в нем маленького доброго человечка, улыбавшегося ему из-под своей железной шапки. Он показал его отцу и сказал ему:

— А отчего другие злые были — и лопух был злой, и пень-голова, и водяные люди, а этот добрый человек?

Отец погладил светлые волосы сына и ответил ему:

— Тех ты выдумал, Никита, их нету, они непрочные, оттого они и злые. А этого гвоздя-человечка ты сам трудом сработал, он и добрый.

Никита задумался.

— Давай все трудом работать, и все живые будут.

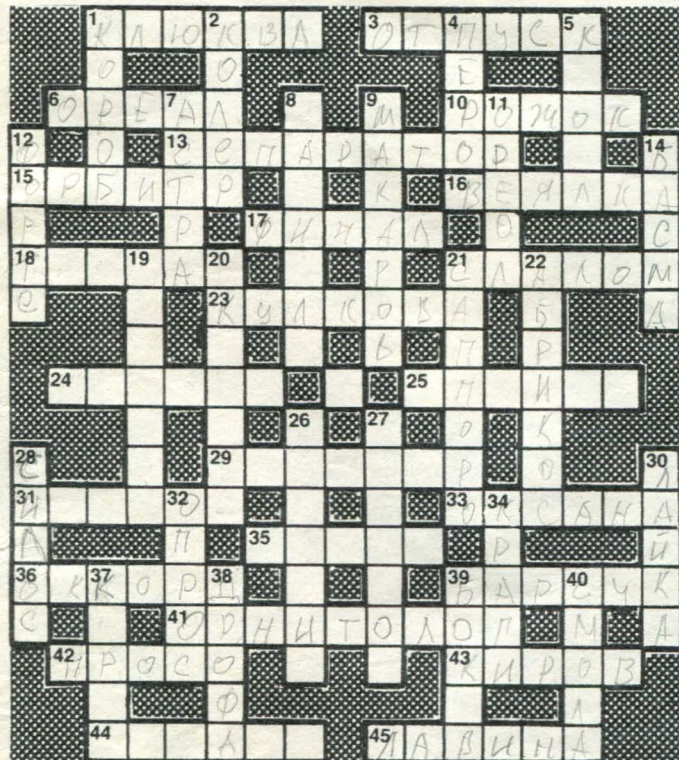
— Давай, сынок,— согласился отец. Отец верил, что Никита останется добрым на весь свой долгий век. 1945.

КРОССВОРД

Составил Г. П. ТАРАСОВ.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 1. Болотная ягода. 3. Ежегодный отдых. 6. Область распространения различных видов животных, растений, полезных ископаемых. 10. Русский духовой музыкальный инструмент. 13. Аппарат для разделения на составные части твердых и жидких смесей. 15. Спортивный судья. 16. Сельскохозяйственная машина. 17. Заключительная сцена спектакля. 18. Драгоценный камень. 21. Спуск с горы на лыжах по специальной трассе. 23. Первая советская чемпионка мира по скоростному бегу на коньках. 24. Советский военачальник, генерал армии, главный герой документальной повести В. Карпова «Полководец». 25. Раздел физики. 29. Вечнозеленый кустарник с душистыми цветками. 31. Чемпион Олимпийских игр, мира, Европы и СССР в парном катании на коньках. 33. Персонаж повести Н. В. Гоголя «Ночь перед рождеством». 35. Русский писатель конца XIX — начала XX века. 36. Сочетание нескольких звуков различной высоты. 39. Хищный пушной зверь из семейства кунных. 41. Специалист, изучающий птиц. 42. Крупный злак, из зерен которого получают пшено. 43. Город в РСФСР. 44. Деятель российского и международного революционного движения, участница революции 1905—1907 годов. 45. Снежный обвал.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Лубяное или берестяное изделие. 2. Цвет краски. 4. Русский живописец XIX века, автор картины «Тройка». 5. Автор музыки к кинофильму «Зимний вечер в Гаграх». 7. Садовый цветок. 8. Пищевой продукт. 9. Русский флотоводец, вице-адмирал, спроектировавший по тому времени самый мощный в мире ледокол «Ермак». 11. Слава, почет, успех, окружающие кого-либо. 12. Самый медленный темп в музыке. 14. Растительный краситель для окраски волос.

19. Лирическая инструментальная пьеса. 20. Популярный советский киноактер, народный артист СССР. 21. Столица XI зимних Олимпийских игр. 22. Южное плодородное дерево. 26. Автор музыки на слова Л. Козловой: «Снег кружится, летает, летает и, поземкою клубя, замедает зима, замедает все, что было до тебя...» 27. Русский советский писатель, автор повести «Дело было в Пенькове». 28. Концентрированные и грубые корма для сельскохозяйственных животных. 30. Охотничья собака. 32. Метод сбора первичной информации. 34. Длинные раструбы у перчаток. 37. Плотная, прочная, многослойная хлопчатобумажная ткань. 38. Крупная степная птица. 39. Музыка Г. Пономаренко, автор слов: «В этот вьюжный неласковый вечер, когда снежная мгла вдоль дорог, ты наки, дорогая, на плечи оренбургский пуховый платок». 40. Лиственный пахучий сок хвойных и других растений.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 1

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Кассиопея. 7. Король. 8. Церера. 9. Василек. 12. Скалка. 13. Парник. 14. Календула. 18. Ареометр. 19. Трензель. 21. Ессенуки. 23. Компот. 24. «Мальва». 28. Полотно. 29. Паркет. 30. Бордюр. 31. Дискотека.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Маслова. 2. Кипарис. 3. Мережка. 4. Прополка. 6. Мармелад. 10. Аккордеон. 11. Николаева. 15. Адрес. 16. Неман. 17. Лоток. 20. Кольраби. 22. Кастрюля. 25. Аппетит. 26. «Колобок». 27. Болонка.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

2·87

КРЕСТЬЯНКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ. МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА». ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА

Редакционная коллегия:

И. П. АЛЕКСАНДРОВ,
Н. И. ГОРШКОВА,
Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,
Р. Ф. КАЗАКОВА,
А. В. КУПРИЯНОВА
(ответственный секретарь),

А. А. ПИМЕНОВА,
М. Б. РЫЖИКОВ,
Л. Ф. СЕРГИЕНКО
(заместитель главного редактора),
И. Г. УШАЧЕВ,
Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
В. В. ФЕДОРОВ.
Художественный редактор
Е. Г. Новикова.
На оформлении номера
работала Т. А. Новрузова.

Присланные рукописи, фотографии и рисунки редакция не возвращает.

Адрес редакции: 101460, Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, 14. Телефоны для справок: 212-20-79, 212-12-39.

Сдано в набор 12.12.86. Подписано к печати 31.12.86. А 00784. Формат бумаги 60×90¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. п. л. 6,00. Уч.-изд. л. 8,56. Усл. кр.-отт. 18,00. Тираж 17 350 000 экз. (1—13 630 843 экз.). Изд. № 71. Зак. № 4268.

Во всех случаях обнаружения полиграфического брака редакция просит обращаться в типографию, печатающую журнал.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки фото Б. ЗАДВИЛЯ.

ВЫХОДИТ, ПРЕЖДЕ ЛЮБИЛИ КРЕПЧЕ?..

Мы живем среди моря музыки. Эстрадные песни, старинные романсы, роковые композиции, оперные арии — чего только не слышим, стоит включить телевизор, радио или магнитофон! Между тем не всякую песню хочется петь. А из тех, что ложатся на душу, не все споешь без профессиональной подготовки. Словом, песни, которые

слушают, есть, но мало тех, что хочется петь, запомнить на всю жизнь...

А такие песни существуют, их много, они настоящие — это русские народные песни. Уверена, люди пели бы их с радостью, если бы знали.

Сейчас проходит 2-й Всесоюзный фестиваль народного творчества. Видишь вы-

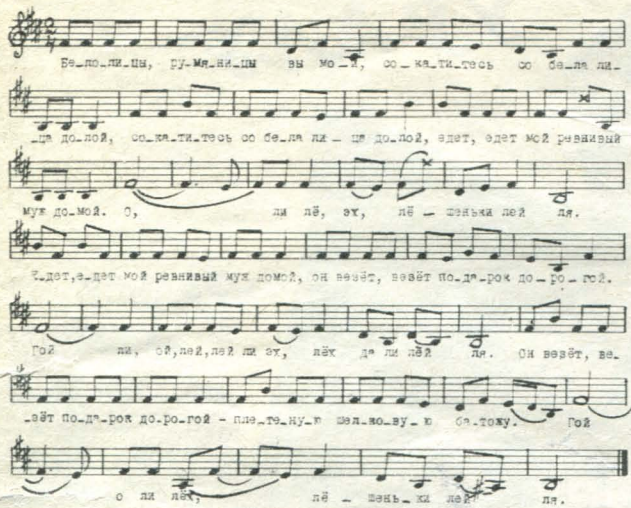
ступление очередного коллектива. Поют «Коробейников», «Утушку луговую»... Репертуар бедноват. Берут его из сборников, в которых собраны песни попроще. Поют почему-то каждый слог отдельно, из чего складывается речитатив, в то время как русская лирическая песня должна литься, как река. Костюмы на исполнителях аляповаты. Из-под кокошников с поднизью выбиваются шестимесячные завивки и челки. Вроде бы мелочь. Но образ русской женщины, поющей русскую песню, мне кажется, нельзя искажать. Как она держится, как плечом поводит, как глядит — все важно...

Видишь и другое: коллективы из глубинки, настоящие, самобытные, у которых и профессионалам есть чему поучиться. Тут можно услышать такие распевы, такие подголоски, какие были и есть

ЛЮДМИЛА
БЮМИНА

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

только в их краю. Песня льется на глубокой душевной волне, оставляя впечатление живой человеческой речи. Мне встречались такие ансамбли из Курской, Белгородской областей. На сцене они не похожи на ряженных, а если поют с детьми, то и дети у них какие-то особенные — столько в них естественной грации, так просто сидят народные костюмы, так хорошо им в этих костюмах, с этими песнями на устах...

Самобытный фольклорный ансамбль не только хорошо поет, он организует вокруг себя, в своем селе, деревне духовное пространство, делает жизнь людей поэтичной, лучшие чувства души будит.

**Ты, рябинушка, ты кудрявая,
А и где ты росла, где ты выросла?
Я росла на крутом берегу,
Вырастала я все на желтом песку,
Согревалась жарким солнышком,
Умывалась дробным дождиком.
Ветерок шептал про любовь свою,
Соловей воспел красоту мою.**

Сколько нежности, например, в этой маленькой песне, сколько любви к природе, к Родине, и не названа эта любовь, а высказана из самого сердца!

А вот совсем другая песня, про войну 1812 года.

**Над Москвой заря занималась,
Как на нас война подымалась.
Собирала Русь войско бранное,
Всем сынам ее служба явлена.
Моему мужу было сказано:
Наперед идти — воеводой быть.
У мово мужа коня не было,
Коня не было, ехать не на чем.
Ты заложь меня, ты купи коня,
Службу выслужишь, меня выкупишь.
...Уж как все мужья со войны идут,
А мово мужа один конь бежит...**

Всего в двенадцати строчках — и подвиг, и трагедия, и судьба. Нет, русская песня — это не только старинная «Во поле береза...». В русской песне — история Родины и история человека со всем богатством его внутреннего мира, со всей сложностью его существования в мире внешнем, история, рассказанная словами простыми и чистыми. А ритм настоящей народной песни совпадает с биением пульса, это ритм, подсказанный самим сердцем.

Сейчас я готовлю старинную песню «Белолицы-румяницы вы мои». Начинается песня так:

**Белолицы-румяницы вы мои,
Сокатитесь со бела лица долой,
Сокатитесь со бела лица долой,
Едет, едет мой ревнивый муж до-мой.
Едет, едет мой ревнивый муж до-мой,
Он везет, везет подарок дорогой.
Он везет, везет подарок дорогой,
Плетеную шелковую батожу,
Плетеную шелковую батожу.
Хочет, хочет меня, молоду, губить,
Хочет, хочет меня, молоду, побить.
Я ж не знаю и не ведаю, за что,
Я не знаю и не ведаю, за что,
За какую за такую за беду,
Из-за какой из-за моей из-за беды...**

Тут впору изобразить драму, тем более что есть готовое клише: ревнивый муж, да, верно, еще и старый, за которого просватали насильно, губит молодость своей красавицы жены. Так часто эту песню и поют, невзирая на продолжение. А молодая жена, оказывается,

**У соседа на беседе я была,
У соседа на беседе я была,
Супротив холостого сидела,
Супротив холостого сидела.
Холостому стакан меду поднесла.
Холостой стакан меда принимал.
Ко стакану белы руки прижимал.
Ко стакану белы руки прижимал.
При народе сударушкой называл.
Ты сударушка, лебедушка моя,
Понравилась походушка твоя.
Белолицы-румяницы вы мои,
Сокатитесь со бела лица долой,
Едет, едет мой ревнивый муж до-мой,
Хочет, хочет меня, молоду, побить,
Право слово, хочет он меня побить,
Я ж не знаю и не ведаю, за что.**

Ей приятно вспомнить о «беседе», и не слишком боится она ревнивого мужа, восклицая в деланном изумлении: «За какую за такую за беду?» Сколько всего в этой песне! Рядом с печалью юмор, в смирении озорство, а какое ощущение праздника жизни, пусть скоротечного!

Русскую песню нельзя обеднять, строй ее чувств сложен, а само чувство глубоко — дна не видно... Поешь перед залом где-нибудь в глубине России, в небольшом городке, и видишь реакцию слушателя. Деревенской традиции он уже не знает, интерес знатока в нем еще не вспыхнул... И если тебе удалось его взволновать, он уходит счастливым, это счастье в глазах

его читаешь и тоже надеешься: человек на какой-то час отрешился от суеты, вспомнил, что жизнь, в сущности, прекрасна, и завтра он, может быть, не потеряет этого ощущения, уберется от неверного шага, от злого слова. Песня его уберет. Русская песня — простой и безыскусный воспитатель чувств.

Выходит прежде люди любили крепче, ощущали глубже? Нет, наверное. Но русская песня жива идеалом. А идеалом в народе была та, что умеет крепко любить, горячо верить, долго помнить...

Но и в народной песне расстаются, предаются, печалются. Все так, да мера этих чувств какая-то иная. Здесь очень важно понимать и помнить, что нет беспросветно печальных русских песен, нельзя убирать из них радость, светлые начала.

На что, казалось бы, надеяться, когда предал свою возлюбленную, пошел под венец с другой, а любимая не вынесла предательства, лежит в могиле... «Липа вековая» называется эта песня. И конец ее поразителен. «Липа вековая весной расцветет», — поется там, и в этом продолжение жизни, в которой можно хранить память о любимой, искупить вину, жить...

Помню, как пела «Липу вековую» в Мексике. Конференсье в двух словах объяснил сюжет, я не слишком надеялась быть понятой и как же удивилась, когда под конец песни зал встал. Люди, не знающие русского языка, ощутили глубину смысла по той мощной музыкальной, эмоциональной волне, что вздымается в конце песни. Мне потом перевели, как мексиканцы комментировали «Липу вековую»: «Слушали, и казалось понятным каждое слово».

А в Греции на мой концерт случайно попали наши манекенщицы, девочки городские до мозга костей, модные, на современной музыке выросшие. После концерта подошли и говорят: «От этих песен мороз по коже! Мы гордимся, что у нас есть такие песни!»

Мне было легко полюбить русскую песню. Все в семье пели, родители были родом из деревни. Жили мы в Воронеже в огромном бараке, где занимали маленькую комнату с печкой. И по вечерам этот по нынешним представлениям убогий быт, когда и дров не хватало, и из щелей дуло, согревала песня. На все лето я уезжала в Вязовое к бабке с дедом. Ходила, как любая деревенская девчонка, на «пятачок», где под гармонику и балалайку шло веселье. На ходу сочиняли частушки — кто с воза упал, кто на кого загляделся. Было просто, весело, сердечно. Еще на слуху были старинные обрядовые песни, которые нынче ездят собирать по глухим медвежьим углам... Замечательно пел мой дед, без него за свадебный стол не садились, вся округа его любила. И мать прежде красивой пела. А работала за двоих! Еще в девичестве заняла в районе первое место по косьбе, за что ее наградили ситчиком на платье и шалью, в этой шали и замуж шла... И для меня народная песня была, как дыхание, с ней я выросла. Как было ее сравнить с модными в моем детстве «Ландышами»? «Ландыши» были сами по себе, а русская песня сама по себе — источник чистый, незамутненный...

...Нет, он не обмелел. И разве нет у нас голосов? Нет желания у людей собираться вместе для общего дела и общей радости? Конечно, есть! Вот и хочу, более всего хочу, чтобы народную песню вспомнили и запели.

**Белолицы-румяницы вы мои,
Сокатитесь со бела лица...**

**СВЕТ
ОТЕЧЕСТВА**

Л. ХАЙЛОВ.
«Гулял
по Уралу
Чапаев-
герой».
1970.

Сто лет исполняется со дня рождения Василия Ивановича Чапаева, судьбу которого мы привыкли называть легендарной. Сто лет со дня рождения молодого красного командира. Судьба яркая, как вспышка сигнальной ракеты над полем боя. Высокий пример служения долгу. Есть за словом «легендарность» и еще один, важный для нас смысл — преемственность подвига. Вдохновляющая его сила для поколения тех мальчиков, что вынесли на своих плечах войну и победили. Для тех, кто сегодня несет свою службу с честью и достоинством.